

Часть III.

Анархические сельскохозяйствен ные коллективы

- [11. Общий обзор](#)
- [12. Сельскохозяйственные коллективы в Каталонии](#)
- [13. Сельские коллективы в Арагоне](#)
- [14. Сельские коллективы в Леванте](#)
- [15. Сельские коллективы в Кастилии, Андалусии и Эстремадуре](#)

11. Общий обзор

Ближе всего к осуществлению своих идеалов и проведению в жизнь своей программы испанские анархисты подошли в сотнях сельских коллективов, которые были основаны ими в различных частях республиканской Испании во время Гражданской войны. Ещё в XIX веке анархисты периодически пытались установить либертарный коммунизм в сельской местности, но их попытки всегда пресекались стражами закона и порядка. Во время Гражданской войны 1936–1939 гг. у них впервые появилась возможность в широком масштабе проводить на практике свои идеи по реорганизации экономики, общества и политического строя на значительных территориях сельской Испании.

Конечно, путь членов аграрных коллективов НКТ-ФАИ и тех, кто оказывал им поддержку, не был лёгким. У них не было какого-либо чёткого плана того, что они собирались сделать, и наблюдалось значительное разнообразие в моделях, которые были ими приняты. Реалии войны и политики заставили их пойти на многие компромиссы, которых они хотели бы избежать. Они столкнулись с ожесточённой и агрессивной оппозицией коммунистов и их союзников, которая выражалась не только в ядовитой пропаганде против «утопических», «коррумпированных» и даже «подрывных» начинаний анархистов, но и нередко в вооружённом разгоне сельских коллективов.

В конце концов, сельские очаги влияния анархистов, там, где они пережили нападение коммунистов, были, как и остальные части республиканской Испании, захвачены армиями Франко, и их организация в сельской местности была полностью уничтожена. Тем не менее аграрные эксперименты остаются одним из наиболее примечательных аспектов опыта испанских анархистов, получивших или, вернее, разделивших власть.

Теория и практика землевладения в Испании в 1936 г.

Аграрный вопрос был одной из серьёзнейших проблем, стоявших перед Испанией в XIX и начале XX века. Практики землевладения сильно варьировались от одного региона страны к другому: широко распространённая мелкая собственность и аренда на установленный срок в Галисии и Стране Басков; непоколебимая издольщина на большей части Каталонии; пёстрая смесь крупных землевладений, издольщины, денежной аренды и мелкой собственности в Арагоне; довольно преуспевающие мелкие и средние владения, наряду с издольщиной, в Леванте; обширные полуфеодалские крупные поместья в землях к югу и западу от Мадрида¹. В целом испанское сельское хозяйство, за некоторыми примечательными исключениями, было технологически отсталым и относительно малопродуктивным. Гастон Леваль, кроме того, подчёркивает особенности ландшафта, бедность почвы и климатические условия, которые, как и практики землевладения,

объясняли сравнительную отсталость сельского хозяйства страны к 1936 г.2.

Вальтер Бернеккер охарактеризовал распределение земли в предвоенной Испании:

“ «[Практика землевладения] отличалась, с одной стороны, крайним неравенством и с другой – сильными региональными различиями. Если крупные владения, обрабатываемые подёнщиками или арендаторами, были сконцентрированы (и до сих пор концентрируются) в основном в Новой Кастилии, Андалусии и Эстремадуре, то на землях Старой Кастилии, Галисии и Леона преобладали (и преобладают) мелкие хозяйства, которые едва обеспечивали (и обеспечивают) выживание семьи, в большинстве случаев заставляя их собственника (или арендатора) искать дополнительный доход. Владения среднего размера, от 10 до 100 гектаров, располагались преимущественно в Каталонии, Стране Басков и Леванте. Почти весь Юг и в особенности Юго-Восток был подчинён экономике латифундий».

Бернеккер также отмечает, что в 1930 г. в южных и юго-восточных районах владения свыше 100 га охватывали вдвое больше земли, чем владения менее 10 га:

“ «Помещикам здесь принадлежало более 66,5% земли. Владения, превышавшие 500 гектаров, занимали на Юге 53% общей площади земли.

[Напротив,] в центре страны земля, занимаемая латифундистами, составляла менее половины земли мелких собственников; на Севере крупные поместья не составляли и 25% земли. В 1930 г. латифундии, составлявшие лишь 0,1% всех хозяйств, занимали 33,28% общей площади, тогда как мелким собственникам (минифундистам), составлявшим 96% хозяйств, принадлежало лишь 29,57% земли...

Общая характеристика отношений собственности даёт чёткое противопоставление: в южной трети страны преобладали (и всё ещё преобладают) латифундии, обширные угодья которых обрабатывались главным образом руками сельскохозяйственных рабочих; в Центре и на Севере традиционный уклад сельского хозяйства в целом характеризовался сосуществованием крестьян-собственников, имевших очень мало земли, и крупных собственников, чьи земли обрабатывались как сельскохозяйственными рабочими, живущими на заработную плату, так и мелкими арендаторами на небольших участках»3.

Распространение влияния анархистов в сельских районах

В третьей главе я рассматривал влияние первых анархистов в сельской Испании в периоды накануне, во время и после Первой Испанской республики, в 1860-е и 1870-е гг. Это влияние ещё больше распространилось в первые десятилетия XX в.

Джеральд Бренан описывал анархический прозелитизм в сельской Испании, который ему довелось наблюдать лично:

“ «Необычайное брожение, столь же внезапное и, очевидно, столь же беспричинное, как и религиозное возрождение, пронеслось по районам страны. В полях, на фермах и в придорожных гостиницах обсуждалась только одна тема, и всегда с величайшей серьёзностью и пылом. Во время полуденного отдыха и вечером, после ужина, сходились группами, чтобы послушать крестьянина, вслух читающего одну из анархистских газет. Затем следовали речи и комментарии. Это наполняло новыми знаниями и чувствами всю их жизнь...

Возникало огромное желание читать и учиться, чтобы получить доступ к этому кладезю знания и мудрости, открытому анархистской прессой. Читающего крестьянина можно было увидеть где угодно: сидящего на муле или под оливковыми деревьями на обеде. Те, кто не мог читать, заставляя других проговаривать вслух их любимые отрывки, заучивали целые газетные статьи наизусть».

Он отмечал изменения, происходившие в участнике этого процесса:

“ «Пелена спадала с его глаз, и всё казалось ему ясным. Он становился сознательным тружеником. Он бросал курить, пить и играть. Он больше не посещал борделей. Он старался никогда не поминать Бога. Он не женился, а жил со своей компаньерой, которой был беззаветно верен, и отказывался крестить своих детей. Он подписывался по крайней мере на одну анархистскую газету, читал книжечки по истории, географии и ботанике, выпущенные типографией Феррера, и затем пускался в рассуждения по этим предметам, как только выпадала возможность. Подобно прочим необразованным людям, которым внезапно открыли глаза на силу знания, он говорил в напыщенном стиле, вставляя длинные и непонятные слова»⁴.

Далее в своей книге Джеральд Бренан делает наблюдения, удивительным образом перекликающиеся с анархической коллективизацией во время Гражданской войны:

“ «Когда кто-то пытается постичь истинный смысл испанского анархистского движения, он, я думаю, будет поражён двумя его главными аспектами, которые на практике сливаются в один. Это, в первую очередь, его решительно идеалистический и морально-религиозный характер. Эти анархисты – группа людей, пытающихся осуществить свою утопию (которая сурова и почти так же аскетична, как старая иудео-христианская утопия) за один миг и, что существенно, силой. Во-вторых, они – испанские крестьяне и рабочие, которые пытаются, хотя и не осознают этого, восстановить примитивные аграрные условия (в образе коллективистской коммуны), когда-то преобладавшие во многих частях Испании, чтобы вернуть равенство, досуг и, прежде всего, достоинство, которыми они в большей или меньшей степени пользовались в предыдущие столетия»5.

Бренан уточняет эти замечания:

“ «Анархисты превыше всего ставят свободу. Но тут возникает дилемма. Эти строгие моралисты, эти дети категорического императива неодобительно относятся к существующей организации общества. Но чего они требуют? Они требуют, чтобы каждый был свободен. Свободен делать что? Почему-то только жить естественной жизнью, питаться фруктами и овощами, работать в коллективном хозяйстве, вести себя таким образом, который считают правильным анархисты. Но если он не хочет этих вещей, если он хочет выпить вина, пойти на мессу, копаться на своём собственном поле и отвергнуть все те выгоды, которые принёс в мир либертарный коммунизм, что тогда? Почему-то в этом случае он становится одним из “дурных”, “извращённых”, возможно исцелимым, но, если он не происходит из рабочей семьи, скорее всего порочным, испорченным воспитанием и наследственностью и потому недостойным разделить анархистский рай...»6

Бренан утверждает, что сельские поселения Испании удивительным образом подходили для того рода экспериментов, которые анархисты проводили во время Гражданской войны:

“ «Это свидетельствует о большой простоте – верить в то, что из сумятицы революционного насилия в современном обществе могла бы возникнуть такая безгосударственная форма общества. Только в небольших городах или сёлах, где огромное большинство составляли рабочие или бедные

крестьяне, готовые обрабатывать свою землю общиной, было бы возможно что-то подобное. Но то, что в сознании Бакунина было всего лишь мечтой революционера, как нельзя лучше подходило испанцам, поскольку они были приучены мыслить с точки зрения своего селения. Изменение, которое в высокоорганизованном обществе могло показаться совершенно утопическим, здесь могло быть выполнимым... Избавившись от дюжины помещиков и священника, остальные смогут разделить землю и зажить счастливо. И в этой вере не было ничего иллюзорного. Каждый, кто знаком с испанскими бедняками, согласится, что, благодаря своему доброму и великодушному отношению друг к другу и благодаря столь часто проявляемой ими способности к сотрудничеству, они идеально были подготовлены к своей роли в “анархической коммуне”».

Наконец, Бренан отмечает, по его выражению, «атавистический» аспект того, что пытались осуществить сельские анархисты в Испании:

“Если анархизм, в одном смысле, является утопической концепцией жизни и простирает свои руки навстречу будущему, то также верно и то, что анархисты, подобно карлистам, с тоской посматривают на прошлое. Сельский анархизм – не что иное, как простая попытка возродить примитивные испанские общины, существовавшие во многих частях Испании в шестнадцатом и семнадцатом столетиях. Сегодня их называют коллективами, но до того, как русские изобрели это слово и современная техника открыла для них новое поле, именно старая община, где земля каждые несколько лет распределялась по жребию, была тем, к чему они стремились»⁷.

Бернетт Боллотен отмечает то же самое в несколько иных выражениях. Он говорит, что для анархистов коллективизация деревни «была одной из первоочередных целей и оказывала сильное влияние на их умы. Они верили, что она не просто приведёт к повышению уровня жизни крестьянина за счёт применения научной агрономии и механизированного оборудования, не просто защитит его от природных угроз и злоупотреблений посредников и ростовщиков, но и возвысит его в нравственном отношении»⁸.

Объединительный конгресс НКТ в Сарагосе в мае 1936 г. принял резолюцию, которая формулировала предложения анархистов по устройству сельской экономики и общества, как раз перед началом Гражданской войны. Осудив правительственный закон об аграрной реформе как «пустую иллюзию», эта резолюция призывала к следующему:

1. Безвозмездная экспроприация земельных владений, превышающих 50 гектаров.
2. Конфискация скота, инвентаря, машин и семян, находящихся в распоряжении экспроприированных землевладельцев.

3. Учёт общинного имущества и передача его крестьянским синдикатам для обработки и эксплуатации на коллективной основе.
4. Пропорциональная и бесплатная передача прав на использование земли и имущества крестьянским синдикатам для непосредственного и коллективного ведения хозяйства.
5. Отмена сборов, земельных налогов, долгов и ипотек, затрагивающих земельные владения, инвентарь и машины, которые составляют средства к существованию их владельцев, обрабатывающих свою землю непосредственно, без... эксплуатации других работников.
6. Отмена денежной или иной ренты, которую мелкие арендаторы, рабасайрес, лесоарендаторы и прочие в настоящее время обязаны выплачивать крупным землевладельцам.
7. Развитие мелиорации, средств сообщения, ското- и птицеводческих ферм, лесоразведения и создание сельскохозяйственных школ и опытных станций.
8. Немедленная ликвидация безработицы, сокращение рабочего дня и доведение заработной платы до прожиточного минимума.
9. Непосредственное приобретение крестьянскими синдикатами земель, которые из-за ненадлежащей обработки саботируют национальную экономику⁹.

Хосе Пейратс указал, что задолго до Гражданской войны группами крестьян проводились изолированные эксперименты по установлению либертарного коммунизма. Отметив, что подобные эксперименты предпринимались во время анархических восстаний, он пишет:

“ «Эксперименты с либертарным коммунизмом проводились также мирным путём, по взаимному и свободному соглашению мелких крестьян-собственников. “La Revista Blanca” от 1 мая 1933 г. указала на несколько примеров таких свободных общин, возникших в провинции Бургос, в провинции Сантандер, в низинах Лериды, в сельской местности Сории, Астурии, Андалусии и Эстремадуры... Тихо, медленно и постепенно либертарный коммунизм распространялся в сельских поселениях Испании. Даже буржуазная пресса, немало удивлённая, не могла не признать этот факт, восхищаясь в своих комментариях стихийностью этого движения»¹⁰.

Организации крестьян и сельских рабочих до 19 июля

Анархисты были отнюдь не единственными организаторами крестьян, арендаторов, издольщиков и сельскохозяйственных рабочих перед началом Гражданской войны. В первую

очередь, социалисты, в лице Всеобщего союза трудящихся, имели солидную сельскую организацию.

Несколько политических групп, поддержавших мятеж Франко, имели последователей среди крестьян. Карлисты, к примеру, пользовались широкой поддержкой на сельских территориях Наварры. Кроме того, Ричард Робинсон отмечает по поводу крупнейшей правой партии СЭДА, возглавлявшейся Хосе Марией Хиль-Роблесом, что «большинство в массе её сторонников составляло крестьянство Кастилии и Леона, где католические сельские организации были наиболее сильными»¹¹. Крупнейшая из этих организаций, Национальная католическая аграрная конфедерация (НКАК), была создана в регионе Кастилии – Леона в 1917 г. и к 1920 г., как утверждалось, насчитывала 600 тысяч членов¹²; согласно Робинсону, к концу 1935 г. в её составе насчитывалось около 200 тысяч семей, или миллион человек, в 39 провинциях. Наряду с ней существовали по крайней мере две меньшие по размеру католические крестьянские организации¹³.

«Левые республиканцы Каталонии» (ЭРК) были особенно влиятельными в сельских районах, благодаря своей связи с Союзом рабасайрес. В трёх баскских провинциях сельское население в основной массе следовало за Баскской националистической партией. В Астурии оно поддерживало республиканские партии.

К началу войны у коммунистов было мало или вообще не было организованных сторонников в сельской Испании. Однако в дальнейшем сталинисты значительно пополнили свои ряды за счёт крестьян, в особенности тех, кто прежде были союзниками правых, и через несколько месяцев после начала Гражданской войны они стали главными противниками анархистов среди сельского населения.

Перед началом войны сельские сторонники НКТ, вероятно, были наиболее многочисленными в четырёх регионах Испании: Арагоне, Леванте, Андалусии и Галисии. К несчастью для анархистов, войска Франко заняли практически всю Галисию и значительную часть Андалусии в первые недели войны, что привело к гибели, аресту или бегству подавляющего большинства активных анархистов в этих частях страны.

В Арагоне анархистам в первый год войны удалось провести свои самые масштабные эксперименты с введением либертарного коммунизма в сельской местности. Многие из созданных ими коллективов были разгромлены в августе 1937 г. войсками, находившимися под контролем коммунистов, а те, что пережили нашествие, были уничтожены, когда Франко захватил регион в марте 1938 г.

В Леванте сельская организация НКТ была, возможно, более развита, чем в любой другой части лоялистской Испании во время войны, и сами анархисты оценивали местный опыт коллективизации деревни как самый успешный в стране. Большинство левантийских коллективов, как и их региональная федерация, продолжали существовать до окончательного краха Республики в марте 1939 г.

В двух регионах, которые оставались под республиканским контролем большую часть войны, влияние анархистов на селе к началу конфликта было ограниченным. В Каталонии,

несмотря на силу НКТ в городах, анархисты так и остались в меньшинстве в сельских районах, хотя за время войны им удалось создать в регионе значительное число аграрных коллективов. Напротив, в сельской Новой Кастилии, где перед войной практически не существовало организации НКТ, она стремительно выросла за первые месяцы, и в регионе было создано довольно много сельских коллективов, причём многие сельские союзы социалистов также были вовлечены в коллективистское движение.

Контролируемый социалистами Всеобщий союз трудящихся в течение многих лет имел многочисленные организации среди сельских рабочих и даже мелких собственников страны. Согласно Вальтеру Бернеккеру, уже в 1919 г. около трети членов ВСТ составляли сельскохозяйственные рабочие, и, как он пишет, «с 1932 года – и до гражданской войны – ВСТ был крупнейшим профессиональным союзом Испании, массу его членов с 1919 г. составляли преимущественно сельскохозяйственные рабочие, в то время как НКТ всё больше становилась представителем интересов промышленных рабочих, в основном в Каталонии».

В 1930 г. ВСТ организовал Национальную федерацию земледельцев (иногда также называлась Испанской федерацией земледельцев), которая, по Бернеккеру, насчитывала 400 тысяч членов к 1932 г.¹⁴ Она была особенно влиятельной в Новой Кастилии, Эстремадуре и западной Андалусии¹⁵.

Во время Гражданской войны Национальная федерация земледельцев по большей части продолжала находиться под контролем левых социалистов – сторонников Франсиско Ларго Кабальеро. Как и НКТ, они были заинтересованы в организации аграрных коллективов, хотя они, возможно, делали больший акцент на их добровольности, чем НКТ¹⁶. Как следствие, в большей части республиканской Испании, особенно в Новой Кастилии и Леванте, сельскохозяйственные рабочие организации ВСТ обычно более или менее тесно сотрудничали с аналогичными организациями НКТ. Нередко членами двух организаций создавались объединённые коллективы. Исключение составляла Каталония, где в течение войны ВСТ находился во власти коммунистов из Объединённой социалистической партии Каталонии и стал прибежищем для тех противников аграрной коллективизации, которые не присоединились к Союзу рабасайрес.

Поведение тех слоёв крестьянства, которые были связаны с правыми, зависело от того, какая сторона одержала победу в данной области в самом начале конфликта. В Наварре, как представляется, влияние карлистов среди крестьян не уменьшилось, и они дали много новобранцев в карлистскую милицию генерала Мола, взявшую регион под контроль. С другой стороны, баскские крестьяне продолжали поддерживать Баскскую националистическую партию, возглавившую республиканские силы в этом регионе. Наконец, в Леванте крестьянские группы, прежде связанные с правой Автономистской партией, вскоре взяла под своё крыло Коммунистическая партия, и они составили бóльшую часть крестьянской федерации, сформированной здесь сталинистами.

Коммунисты, к началу войны не имевшие крестьянских групп, находившихся под их контролем, за несколько месяцев смогли создать крестьянские федерации в провинциях Валенсия, Аликанте, Кастельон, Альмерия, Теруэль и Мадрид. Не подлежит сомнению, что

самой крупной из них была валенсийская федерация, куда почти в полном составе вошёл католический аграрный синдикат, ранее поддерживавший Автономистскую партию. В начале 1938 г. были заключены соглашения о слиянии контролируемых коммунистами федераций в Валенсии, Аликанте и Мадриде с соответствующими организациями Национальной федерации земледельцев ВСТ17. Однако не совсем ясно, в какой мере эти соглашения были реализованы.

Национальная крестьянская федерация НКТ

В начале Гражданской войны в составе НКТ было мало крестьянских организаций выше местного уровня. Но вскоре после начала войны/революции стали создаваться комаркальные (районные) федерации местных коллективов и аграрных синдикатов. В первые месяцы войны были также образованы региональные федерации в Каталонии, Арагоне, Центре (Новая Кастилия) и Андалусии и Эстремадуре (единая организация).

Однако, когда наступил июнь 1937 г., национальная организация, объединявшая все сельские группы НКТ, ещё не была создана. 12–14 июня в штаб-квартире НКТ в Валенсии состоялся Национальный пленум региональных крестьянских организаций, на котором были представлены все региональные крестьянские федерации НКТ. Пленум, на котором присутствовал Мариано Васкес, секретарь Национального комитета НКТ, «рассмотрел важные вопросы, затрагивающие крестьянские коллективы, которые растут с каждым днём; были заслушаны доклады, представляющие исключительный интерес, и одобрен Устав Национальной крестьянской федерации (НКТ), разработанный комитетом в составе товарища Кардоны Роселя, представлявшего НК НКТ, и делегатов от каждой региональной организации, участвовавшей в пленуме»¹⁸.

Пространная резолюция о создании НКФ, состоящая из 35 статей, логически распадается на два раздела. В первом рассматривается, условно говоря, «бюрократическая структура» новой организации, в другом – путь, по которому следовало направить реорганизацию сектора сельской экономики, находившегося под контролем НКТ. Оба раздела включают в себя существенные нововведения в традиционной философии и практике испанских анархистов.

Бюрократическая часть устава устанавливала, что должны будут проводиться регулярные пленумы или конгрессы организации, раз в год, и внеочередные, по инициативе Национального секретариата НКФ, двух региональных федераций или Национального комитета НКТ.

В промежутках между ними организация должна была возглавляться Национальным секретариатом, состоящим из секретаря, избранного пленумом или конгрессом, и представителей от каждой из региональных федераций. Различные специализированные комитеты, занимающиеся конкретными проблемами сельского хозяйства и связанных с ним областей, должны были создаваться Национальным секретариатом и находиться в его

подчинении. Региональные федерации должны были образовать аналогичные органы, и, если соответствующее решение будет принято ими или Национальным секретариатом, их также следовало создать на комаркальном или местном уровне.

Устав очерчивал подчинение: НКФ – НКТ и составных частей НКФ – её руководящему органу. Статья 3 гласила: «Национальная крестьянская федерация является частью Национальной конфедерации труда, представляя собой профессиональный союз и экономический орган крестьян, состоящих в ней, и потому обязана выполнять решения НКТ»; статья 35 указывала, что НКФ не может быть распущена без одобрения Национального конгресса НКТ. В дополнение к этому, статья 9 говорила: «Официальное представительство Национальной крестьянской федерации, исполнение её решений и применение настоящего Устава возлагается на её Национальный секретариат, который по своим функциям соответствует комитету или национальному совету любой национальной отраслевой федерации».

Источниками финансирования НКФ, согласно статьям 22 и 23, являлись:

- “ «1) Доходы от участия в Федерации в виде профсоюзных взносов, взимаемых с членов синдикатами, которые образуют региональные федерации.
- 2) Доходы от аграрной экономической деятельности организаций, принадлежащих к Национальной крестьянской федерации». Процент членских взносов «определяется Национальным секретариатом Национальной крестьянской федерации на основе предложений региональных федераций... но не может превышать одной трети взносов, уплачиваемых её членами в соответствующий профсоюз».

Статья 33, стоящая под заголовком «Общие положения», гласила: «Разъяснение сомнений, которые могут возникнуть по поводу применения настоящего Устава, возлагается на Национальный секретариат», – а согласно статье 34, «случаи, не предусмотренные в этом Уставе», должны были разрешаться либо пленумом или конгрессом НКФ, либо «решением Национального секретариата» федерации, которое «подлежит рассмотрению и одобрению Национального комитета» НКТ. И «только когда формально получено это одобрение, случай может считаться решённым».

Чисто экономические разделы устава показывают намерение основателей НКФ установить наблюдение и контроль практически за всеми аспектами деятельности коллективов, а также мелких собственников, входивших в НКТ. Они устанавливали основы для контроля НКФ в вопросах землепользования, реализации излишков, приобретения материалов и потребительских товаров и страхования в том сегменте сельского хозяйства страны, который контролировался крестьянами из НКТ.

Так, статья 26 гласила:

■

«И крестьянский коллектив, и мелкий крестьянин-собственник или индивидуальный хозяин, принадлежащие к Национальной крестьянской федерации, должны пользоваться полной свободой инициативы и действия для агрикультурного развития земли, которую они занимают; но они должны будут подчиняться решениям Национальной крестьянской федерации и её Национального секретариата, касающимся повышения урожайности, борьбы с появлением и распространением вредителей в сельской местности и селекции или замены тех культур, разведение которых нецелесообразно по причине их низкой ценности, с целью гарантировать трудящимся крестьянам лучший уровень жизни».

В соответствии с этим, те же группы и лица «будут обязаны предоставлять Национальной крестьянской федерации любые сведения, запрошенные ею, относительно существующего и перспективного производства, а также любые другие, которые потребуются Федерации, с целью обеспечить прогресс индивидуального и коллективного земледелия».

С другой стороны, та же статья гласила, что «коллективные хозяйства... будут признавать Национальную крестьянскую федерацию единственным органом распределения продукции и экспорта, в тех случаях, когда последний необходим».

Хотя за коллективами и единоличными хозяевами признавалось право «отделить от собственной продукции то количество, которое они считают необходимым для собственного потребления», тем не менее ставилась цель обеспечить «справедливое распределение продуктов, полученных сельским хозяйством, чтобы гарантировать равные права всем потребителям в общественном организме, в самом широком смысле слова». Ввиду этого указывалось, что члены НКФ «принимают ограничения, необходимые в данный момент, чтобы обеспечить крестьянину его право на потребление». Подобные ограничения будут обязательными для крестьян, только когда они «официально одобрены Секретариатом Национальной крестьянской федерации».

Все излишки продукции должны будут передаваться НКФ через региональные федерации, и НКФ «будет возмещать их стоимость, опираясь на цены, принятые в производящей местности, или на твёрдые цены, которые будут установлены в едином национальном организме, образуемом полностью самой Национальной крестьянской федерацией или же при её полномочном представительстве, и одобрены её Национальным секретариатом».

С другой стороны, организации НКФ будут получать от национальной федерации, через региональные, «все виды товаров, необходимых для развития их сельскохозяйственного производства, а также для обеспечения потребительских кооперативов и общественных товарных складов...» НКФ будет предоставлять их «по тем же самым ценам, по которым они были приобретены, с надбавкой, покрывающей лишь расходы на транспорт и администрацию...»

Также было оговорено, что НКФ займётся организацией касс компенсации, которые будут «отвечать за сборы, платежи и обмен». Кроме того, они будут, во взаимодействии с

региональными федерациями, «предоставлять компенсацию в случае стихийных бедствий и убытков, вызванных авариями, пожарами, нашествиями насекомых и т.д., а также обеспечивать солидарность и взаимную поддержку, для защиты от рисков болезни, старости, сиротства, трудящимся крестьянам и членам их семей, которые не принадлежат к коллективам, поскольку в этих вопросах они не должны оставаться беззащитными»¹⁹.

Согласно Вальтеру Бернеккеру:

“ «Принципы НКФ открыто противоречили основным постулатам анархизма. Обязательный характер решений федерации для входивших для неё индивидуальных членов, синдикатов или коллективов едва ли был совместим с моделью принятия решений снизу вверх, которую всегда отстаивала НКТ...»²⁰

“ «НКТ должна была признать, что её идеалистические представления о саморегулирующейся экономике, способной удовлетворить потребности всех индивидуумов, оказались неосуществимыми в условиях гражданской войны. Смена концепций в период между Сарагосским конгрессом... и съездом в Валенсии... сигнализировала о непрерывной эволюции от утопии экономического и социального порядка, основанного на рабочих советах и свободного от принуждения, к реалиям экономики, подчинённой государственному регулированию, и иерархически структурированного общества»²¹.

НКФ недалеко продвинулась в создании такой реструктурированной сельскохозяйственной экономики, которая была предусмотрена её уставом. Через два месяца её региональная организация в Арагоне большей частью была разгромлена войсками коммунистов, как и многие из действовавших в регионе коллективов и синдикатов. Хотя имеются некоторые указания на то, что НКФ могла играть некоторую роль в обмене продуктами между региональными федерациями в Леванте и Центре, она определённо не сложилась в ту интегрированную структуру, направляющую производство и регулиующую обмен, кредит и страхование, по крайней мере в анархическом секторе сельского хозяйства, о которой мечтали её основатели.

Одним из проектов, предпринятых ею, стало создание сельскохозяйственных школ, которые, в дополнение к общему образованию, давали профессиональную подготовку по широкому кругу сельскохозяйственных дисциплин. Этот план в перспективе включал в себя создание аграрного университета. У нас мало информации о том, в какой степени НКФ смогла реализовать эту программу, которая была только разработана к концу 1937 г.²².

Ещё один Национальный пленум региональных крестьянских организаций НКТ прошёл в конце октября 1937 г. Его главным решением стало объединение Национальной

крестьянской федерации с Национальной федерацией продовольствия и создание единой Национальной федерации крестьян и производителей продовольствия (Federación Nacional de Campesinos y de las Industrias de la Alimentación). Новая федерация включала одиннадцать секций: земледелия, мукомольную, сахарной промышленности, виноделия, пищевой промышленности, ресторанов и баров, скотоводства, лесного хозяйства, растительных масел, садоводства и «разных производств»²³.

Аграрная реформа перед Гражданской войной

Конечно, одним из факторов, способствовавших массовому распространению коллективизации на селе, проходившей в годы Гражданской войны главным образом (но отнюдь не исключительно) под руководством анархистов, было давнее недовольство крестьян аграрной политикой правительства. Это недовольство приобрело особенно острый характер в период Второй Испанской республики (14 апреля 1931 г. – 18 июля 1936 г.).

Когда левореспубликанско-социалистическое правительство пришло к власти после свержения монархии, одним из его обещаний была широкая аграрная реформа. Однако за время своего двухлетнего существования правительство премьер-министра Мануэля Асаньи сделало лишь некоторые крайне осторожные шаги в этом направлении.

Предложенная реформа вызвала довольно продолжительные дебаты в парламенте. Левые республиканцы были склонны предоставить экспроприированную землю единоличным крестьянам-собственникам, социалисты выступали за её передачу группам крестьян, организованным в коллективы²⁴. Мятеж генерала Санхурхо против Республики в августе 1932 г. ускорил принятие закона об аграрной реформе, и, в ответ на выступление, были добавлены две группы собственников, чьи земли должны были изыматься без компенсации: те, кто поддержал попытку переворота, и гранды Испании. Гранды представляли собой группу из 70–80 крупных землевладельцев, находившихся в привилегированном положении, возможно, ещё со времён Реконкисты. Они были высшей элитой испанской аристократии²⁵.

Аграрный устав, который наконец был принят в сентябре 1932 г., предусматривал создание Института аграрной реформы (Instituto de Reforma Agraria). Институт должен был получать ассигнования не менее чем в 50 миллионов песет ежегодно, и ему полагалось организовать Национальный аграрный банк, чтобы выдавать кредиты с низкой процентной ставкой крестьянам, в интересах которых должна была проводиться реформа²⁶. Джеральд Бренан отмечает, что все земельные владения свыше 56 акров (23 гектаров), не обрабатываемые своими собственниками, подлежали изъятию, с выплатой компенсации исходя из стоимости земли, заявленной её владельцем в налоговые органы, – вследствие чего компенсация оказывалась ниже рыночной стоимости.

Согласно Бренану: «Следует заметить, что Аграрный устав применялся только в центре и на юге – в той части страны, где были распространены крупные поместья... Ничего не было сделано, чтобы помочь многочисленным семьям на севере, у которых было слишком мало

земли, или чтобы заменить непостоянную и обычно завышенную ренту в Кастилии фиксированными платежами»²⁷.

Однако главным недостатком Аграрного устава, принятого в правление левых республиканцев и социалистов, была неравномерность его применения. Хотя в некоторых районах, например в окрестностях Толедо, были сделаны робкие шаги по переделу земли грандов, за которую не полагалось никакой компенсации, местные власти были склонны раздавать её крестьянам-собственникам. Чиновник, возглавлявший ИАР в Толедо в 1932–33 гг., много лет спустя говорил, что при распределении земли он всегда старался отдавать бóльшую её часть тем, у кого уже был какой-то участок, на том основании, что они проявили достаточно инициативы и рассудительности, чтобы пользоваться землёй, и лишь немного разбавлял их теми, кто вообще не имел земли²⁸.

Таким образом, к тому времени, когда в середине 1933 г. правительство Асаньи было отправлено в отставку, реформе было положено лишь самое скромное начало. Вальтер Бернеккер пишет: «...Правительство Асаньи, особенно в лице его министра сельского хозяйства Доминго, показывало явную незаинтересованность в реализации принятого закона... Асанья и Доминго не хотели в исполнение закона, революционного по своим последствиям, принимать меры, столь же революционные, и откладывали необходимые шаги...»²⁹ По данным Института аграрной реформы, к августу 1934 г. только 9 916 семей получили землю в соответствии с законом³⁰.

Согласно изданной коммунистами истории Гражданской войны, число крестьян, наделённых землёй в результате аграрной реформы в первый период Республики, составило 12 260³¹. Независимо от того, какие цифры правильны, ясно, что процесс перераспределения земли в это время только начинался.

Джеральд Бренан отмечает долгосрочные политические последствия того факта, что правительство Асаньи не смогло провести решительную аграрную реформу: «...Можно сказать, что республиканские партии упустили благоприятную возможность, позволявшую не только искоренить некоторые вопиющие злоупотребления в сельской местности, но и дать им самим новых приверженцев и усилить режим». Он цитирует в подтверждение этого статью из ежедневной анархической газеты «Рабочая солидарность», смысл которой сводился к тому, что «если бы республиканцы сразу конфисковали без возмещения все крупные поместья, как произошло во время Французской революции, то буржуазная республика просуществовала бы многие годы. Рабочие, даже анархисты, терпели бы её»³².

Не стоит говорить, что правые правительства 1933–1936 гг. не только не пошли дальше в проведении аграрной реформы, но и в значительной степени свели на нет то, что было проделано в предыдущие годы. Только после победы Народного фронта на выборах в феврале 1936 г. вопрос об аграрной реформе вновь появился в повестке дня³³.

Возможно, ещё большее недовольство и ярость, чем провал аграрной реформы, вызывало у испанских крестьян нежелание или неспособность левых республиканцев и социалистов, находившихся у власти, ослабить социальные и политические репрессии, которые были обычными для сельской Испании, особенно на юге. Правительство Асаньи, как и его

предшественники, приказало Гражданской гвардии подавлять малейший намёк на сопротивление или бунт со стороны крестьян.

Один из таких инцидентов произошёл в андалусском посёлке Касас-Вьехас, где гражданские гвардейцы подожгли дом местного вожака НКТ, в результате чего он и несколько членов его семьи сгорели, а те, кто пытался выбраться из этого ада, были застрелены. Разразился большой скандал, который подорвал позиции Асаньи в парламенте и стал главной причиной бойкота анархистами выборов 1933 г.³⁴

После прихода к власти правительства Народного фронта процесс аграрной реформы был возобновлён в гораздо более широком масштабе. Более быстрое применение на практике закона 1932 года в значительной степени объяснялось действиями самих крестьян, повсеместно захватывавших землю: Институт аграрной реформы во многих случаях просто санкционировал их действия. Подобные захваты были особенно распространены в Новой Кастилии, Андалусии и Эстремадуре.

Меры по аграрной реформе, принятые республиканским правительством во время Гражданской войны

С 4 сентября 1936 г., когда был сформирован первый кабинет Ларго Кабальеро, и практически до самого конца Гражданской войны министром сельского хозяйства был Висенте Урибе, член Политбюро испанской Коммунистической партии. На своём посту он последовательно проводил политику, предписанную Коммунистической партией, но также пользовавшуюся поддержкой значительного числа республиканцев из среднего класса и правых социалистов.

Во время войны сталинисты встали в решительную, даже агрессивную, оппозицию по отношению к аграрным коллективам, организованным анархистами и левыми социалистами из ВСТ. Хотя их позиция априори может показаться парадоксальной в свете того факта, что всего за несколько лет до этого Сталин сигнализировал советским крестьянам в колхозы, она становится понятной с точки зрения общей политической ситуации, в которой оказались коммунисты во время Гражданской войны.

Будучи изначально небольшой, хотя крепко организованной и высоко дисциплинированной, группой среди сил, поддерживавших Республику, и столкнувшись с тем, что испанский рабочий класс был (по крайней мере на начало войны) почти полностью мобилизован в анархическую НКТ и левосоциалистический ВСТ, коммунисты старались поскорее завербовать в свои ряды тех, у кого вызвали неприятие или большое беспокойство революционные изменения, происходившие в лоялистской Испании. В число их потенциальных сторонников входило большинство крестьян-собственников, а также те арендаторы и издольщики, которые надеялись стать собственниками.

Одним из главных революционных изменений, произошедших сразу после 19 июля, была экспроприация крупных поместий, в особенности тех, которые принадлежали сторонникам и сочувствующим Франко, совершённая мелкими крестьянами, арендаторами, издольщиками и батраками. Она произошла более или менее спонтанно, без одобрения официальных властей, тем более что в первые дни и недели Гражданской войны они почти исчезли со сцены. Параллельно с этими захватами земли, как анархистами из НКТ, так и значительной частью крестьян-социалистов из ВСТ была начата организация аграрных коллективов.

Одним из первых шагов Висенте Урибе на посту министра сельского хозяйства стало проведение составленного в духе аграрной политики его партии декрета республиканского правительства от 7 октября 1936 г., который легализовывал конфискацию государством всей земли, «принадлежавшей на 18 июля физическим лицам либо их супругам или юридическим лицам, которые прямо или косвенно участвовали в повстанческом движении против Республики»³⁵. Однако Хосе Пейратс утверждает, что этот же декрет признавал право наследников вернуть конфискованную землю³⁶.

Согласно Бернетту Боллотену, «по положениям декрета, те поместья, в которых вели хозяйство сами собственники непосредственно или через своих управляющих, и те, которые сдавались крупным фермерам-арендаторам, передавались в бессрочное пользование организациям крестьян и сельскохозяйственных рабочих, чтобы те обрабатывали её индивидуально или коллективно, в соответствии с пожеланиями большинства. Мелким хозяевам, которые арендовали землю, было обещано постоянное право пользования своими участками, не превышавшими 30 гектаров в засушливых районах, пяти – в орошаемых и трёх – в садоводческих...»³⁷

Однако, по словам Ауроры Боск Санчес, «хотя этот декрет явным образом поддерживал старых арендаторов, издольщиков и мелких землевладельцев, он демонстрировал неоднозначное, или даже противоположное, отношение к землям, которые не принадлежали людям, вовлечённым в военный мятеж, и были захвачены и коллективизированы синдикатами. В этой ситуации положение сельского пролетариата и профсоюзов явно было невыгодным по сравнению с землевладельцами и арендаторами...»³⁸

Вальтер Бернеккер отмечает: «В. Урибе ввёл для аграрных коллективов сложную процедуру легализации, поставив условие, что если она не будет пройдена, то коллектив может быть распущен, а его земля возвращена прежним владельцам». Он добавляет: «Декрет о национализации был разработан в первую очередь для того, чтобы поставить коллективы под контроль и помешать их дальнейшему распространению; когда он был издан, самоорганизация крестьян была уже свершившимся фактом на широких территориях республиканской зоны»³⁹. Тем не менее сами коммунисты провозгласили декрет от 7 октября 1936 г. освобождением крестьянства. Их орган «Красный фронт» (Frente Rojo) утверждал: «[Он] является самой глубокой революционной мерой, принятой с начала военного мятежа... Он упраздняет более 40 процентов частной собственности в сельской местности».

Другая коммунистическая газета, «Рабочий мир» (Mundo Obrero), говорила: «Этот декрет ломает основы полуфеодальной власти крупных землевладельцев, которые, чтобы сохранить свои варварские кастовые привилегии и увековечить заработную плату две песеты в день и труд от зари до зари, развязали кровавую войну, которая опустошает Испанию»⁴⁰.

Сходным образом, Хосе Дуке, глава Коммунистической партии в Арагоне, писал: «Правительство Республики издало важный декрет о сельском хозяйстве, который фактически доводил аграрную реформу до её полного завершения, передавая землю крупных собственников и всех, кто принял участие в мятеже, крестьянам и сельскохозяйственным рабочим, чтобы земля находилась в пользовании тех, кто на ней трудится, и самое главное, чтобы она обрабатывалась в соответствии с желаниями и чаяниями самих крестьян, по крайней мере в том, что касается применяемой системы обработки». Примечательно, что, как он добавляет, это было «мерой, политические последствия которой отвечали простой цели коммунистов – положить конец беспорядку и отчаянию, исходившим», согласно ему, от контролируемого анархистами Совета Арагона⁴¹.

Однако ни социалистические, ни анархические крестьянские лидеры не разделяли взгляд коммунистов на декрет 7 октября. Рикардо Сабальса, генсек крестьянской федерации ВСТ, комментировал: «Нам приходилось читать такое: “Благодаря декрету 7 октября, принятому коммунистическим министром, у крестьян сегодня есть земля”. Подобные заявления, несомненно, оказывают свой эффект при пропаганде среди незнающих, но они не могут убедить никого, кто хотя бы наполовину знаком с фактами... Прежде чем коммунистический министр появился в правительстве, крестьянские организации по инструкциям от нашей федерации уже конфисковали де-факто всю землю, принадлежавшую мятежникам».

Со своей стороны, анархический ежедневник «НКТ» отмечал:

“ «Министр сельского хозяйства только что издал декрет о конфискации в пользу государства всех сельских владений, чьи владельцы прямо или косвенно были вовлечены в фашистский мятеж 19 июля. Конечно, государство, как всегда, приходит поздно. Крестьяне не ждали, пока эта жизненно важная проблема будет разрешена декретом; они действовали, опережая правительство, и с самого начала... они захватывали помещичью собственность, делая революцию снизу... Они экспроприировали, не проводя различия между собственниками, поддержавшими и не поддержавшими заговор мятежников... Экспроприация, как наказание, только тех, кто прямо встал на сторону фашистов или оказал им помощь, оставляет главную проблему Испанской революции нерешённой».

Наконец, Рафаэль Морайта Нуньес, который в начале Гражданской войны возглавлял Институт аграрной реформы, писал после войны: «Я могу положительно заявить, и всем это известно, что вовсе не правительство передало землю крестьянам. Последние не ждали решения правительства, а занимали поместья и пахотные земли сами... Следовательно,

нашумевший декрет от 7 октября, который одна политическая партия называет исключительно своим творением, в действительности не давал землю ни крестьянам, ни кому-либо ещё...»⁴²

Но как бы ни оценивался декрет 7 октября, очевидно, что его реализация на практике продвигалась медленно. Доктор Боск Санчес замечает, что положение многих крестьян и их синдикатов «оставалось за рамками законности и предписаний правительства». Как следствие, говорит она, «весной 1937 г. Министерство сельского хозяйства не достигло многих целей, поставленных в 1936 г., так как большая часть земельного достояния Республики всё ещё оставалась под профсоюзным контролем»⁴³.

Гастон Леваль вспоминал агрессивную пропагандистскую кампанию, проводившуюся Урибе накануне и после принятия декрета 7 октября: «Месяцами он произносил речи, передававшиеся по радио, настраивая крестьян не вступать в коллективы, призывая мелких собственников бороться с ними. Он всегда выступал как министр, так что сельские консерваторы и реакционеры чувствовали поддержку правительства в своём инстинктивном сопротивлении или сознательном саботаже...»⁴⁴

Весной 1937 г. контролируемые коммунистами полицейские, военные и другие силы начали нападать на коллективы в Каталонии, Леванте, Кастилии и даже в некоторых частях Арагона. Эти действия вызвали серьёзную дезорганизацию в республиканской сельской местности, что поставило под угрозу будущий урожай. Сложившиеся обстоятельства заставили министра сельского хозяйства Висенте Урибе, перешедшего в правительство Хуана Негрина, издать второй важный документ.

Это был так называемый Закон о временной легализации сельскохозяйственных коллективов, принятый в июне 1937 г., официально заявленной целью которого было позволить коллективам «успешно и быстро, насколько это возможно, провести сельскохозяйственные работы, приходящиеся на время уборки урожая»⁴⁵. Он «временно» предоставлял легальный статус всем коллективам «до завершения настоящего сельскохозяйственного цикла». Согласно доктору Ауроре Боск Санчес: «Наряду с попыткой спасти урожай, этот декрет в неявном виде признавал экономическое значение синдикатов и коллективов как сектора республиканской экономики и, таким образом, пытался сгладить пренебрежительное отношение правительства и маргинализацию, которой подвергались по декрету от 7 октября 1936 г. коллективы и безземельные крестьяне на фоне мелких собственников и бывших арендаторов»⁴⁶.

Конечно, июньский декрет министра сельского хозяйства лишь условно защищал коллективы НКТ от нападений коммунистических отрядов, полиции и других. В самом деле, прошло всего два месяца, и коммунистические силы из возглавляемой подполковником Листером 11-й дивизии вторглись в Арагон и, совместно с дивизией «Карл Маркс» и 30-й дивизией ЭРК, стали разорять и разгонять находившиеся там коллективы. А когда урожай был убран, анархические и прочие коллективы вновь подверглись атакам коммунистов и в других частях страны.

Что касается самих анархистов, то идея легализации их аграрных коллективов республиканским правительством вступала в серьёзное противоречие с их традиционной философией. Однако после июньского декрета 1937 г. НКТ открыто одобрила эту идею, и несколько сотен анархических коллективов действительно были легализованы Министерством сельского хозяйства. По крайней мере в некоторых случаях подобное признание помогало коллективам защитить себя от попыток их уничтожения. Кроме того, значительное число коллективов получило заём в подчинённой министерству Национальной службе сельскохозяйственного кредита (Servicio Nacional de Crédito Agrícola). Национальный секретарь НКТ Мариано Васкес, наряду с другими, побуждал коллективы брать такие кредиты⁴⁷.

Бернетт Боллотен цитирует коммунистический источник, который отмечает, что с октября 1936 г. по июнь 1937 г. Институт аграрной реформы Министерства сельского хозяйства выделил 50 миллионов песет на «кредиты, сельскохозяйственные орудия, семена и удобрения». Однако, пишет он, «эта помощь, судя по всему, предназначалась исключительно для коллективов, соглашавшихся на вмешательство института; в то же время НКТ, которая отвергала государственное вмешательство, поскольку оно угрожало автономии её коллективов, заявляла, что последние были полностью лишены помощи со стороны министра сельского хозяйства». Боллотен добавляет: «С другой стороны, согласно Мариано Кардоне Роселю, члену национального комитета НКТ и его представителю в исполнительной комиссии Национальной службы сельскохозяйственного кредита, хотя Институт аграрной реформы не был уполномочен выдавать кредиты и оказывать помощь коллективам, находившимся вне его юрисдикции, такие коллективы могли обращаться за помощью в национальную службу, не опасаясь какого-либо контроля... Но эта служба... начала нормально функционировать лишь в конце лета 1937 г. Более того, хотя, по словам Кардоны Роселя, коллективным хозяйствам, обращавшимся за помощью, были выделены значительные кредиты, некоторые коллективы НКТ долгое время не пользовались этим преимуществом, вследствие подозрительного отношения к государственным органам и опасения, что те могут урезать их независимость»⁴⁸.

Возвращение земли бывшим владельцам

Хотя Министерство сельского хозяйства под руководством Висенте Урибе распространило кредит на некоторые сельские коллективы, оно также обещало вернуть землю тем владельцам, чья собственность была поглощена коллективами, с их согласия или без него. Бернетт Боллотен говорит относительно Коммунистической партии: «Ища поддержки у имущих классов в антифранкистском лагере, она не могла сбрасывать со счетов мелких и средних собственников, которые враждебно относились к движению рабочего класса перед Гражданской войной, и действительно, через Министерство сельского хозяйства и Институт аграрной реформы, которые она контролировала, она удовлетворила, на основании ограничений, поставленных декретом от 7 октября, многие их требования о реституции земли».

Боллотен приводит слова одного из лидеров «Либертарной молодёжи» в Кастильском регионе по этому поводу:

“ «Я могу рассказать вам о кастильской сельской местности, поскольку я ежедневно контактирую с аграрными районами Кастилии, районами, куда уполномоченные Министерства сельского хозяйства приходят... с целью вернуть буржуазии, фашистам, помещикам собственность, которая когда-то им принадлежала. Министр сельского хозяйства утверждает, что это мелкие собственники. Мелкие собственники со множеством акров! Неужели деревенские господа и те, кто замышляют заговоры против рабочих, – это мелкие собственники? Неужели те, у кого есть двадцать или двадцать пять работников и три или четыре пары быков, – это мелкие собственники? Я должен спросить, куда нас ведёт политика министра сельского хозяйства и где же заканчивается понятие “мелкий собственник”»49.

Поощрённые поддержкой коммунистов, многие консервативные крестьяне-арендаторы и издольщики, принявшие коллективизацию в первые месяцы революции, требовали назад свои участки.

Боллотен цитирует Рикардо Сабальсу, главу федерации сельскохозяйственных рабочих ВСТ:

“ «Наше самое горячее стремление сегодня – защитить завоевания революции, особенно коллективные хозяйства, которые были организованы разными группами нашей федерации и против которых поднялся весь вражеский мир, а именно реакционеры вчерашнего дня и те, кто получали землю в аренду, потому что были лакеями господ, тогда как нашим членам не давали земли или выселяли их с их жалких наделов. Сегодня эти реакционеры, защищённые пресловутым декретом от 7 октября и получающие неслыханную помощь от государства, порываются взять приступом коллективизированные поместья, чтобы поделить между собой их землю, их скот, их оливковые рощи, их виноградники и их урожай, чтобы положить конец аграрной революции...»50

Способ формирования коллективов

Конечно, существовало много способов организации сельскохозяйственных коллективов в первые дни и недели гражданской войны/революции. Однако Бернетт Боллотен набрасывает общую схему, по которой она происходила:

«Комитет НКТ-ФАИ создавался в каждом поселении, где был установлен новый режим. Этот комитет не только исполнял полномочия законодательной и исполнительной властей, но и осуществлял правосудие. Одними из первых действий были отмена частной торговли и коллективизация земли, принадлежавшей богатым, а иногда и бедным, наряду с усадебными постройками, техникой, скотом и транспортом. За редкими исключениями, парикмахеры, пекари, плотники, обувщики, врачи, дантисты, учителя, кузнецы и портные также объединялись на коллективных началах. Запасы продовольствия, одежды и прочих потребительских товаров хранились на коммунальном складе под контролем местного комитета, а церковь, если её не успели сжечь, переоборудовалась под складское помещение, столовую, кафе, мастерскую, школу, гараж или общежитие...»⁵¹

Количество аграрных коллективов

В нашем распоряжении нет каких-либо определённых данных, касающихся количества аграрных коллективов, созданных в республиканской Испании во время Гражданской войны, и численности крестьян и других людей, вступивших в них. Гастон Леваль, наблюдавший это явление в процессе и изучивший его самым тщательным образом, ограничился замечанием: «У нас нет точной цифры по количеству коллективов, созданных по всей Испании. Основываясь на неполной статистике февральского конгресса в Арагоне и данных, собранных мною во время длительного пребывания в этом регионе, я могу подтвердить, что здесь их было не меньше 400. В Леванте в 1938 г. было 500. К ним нужно добавить существовавшие в других регионах»⁵².

Вальтер Бернеккер, писавший намного позже и опиравшийся на информацию, очевидно, недоступную Левалю, говорит: «В августе 1938 г., по данным Института аграрной реформы, было 2 213 зарегистрированных коллективов, а учитывая, что Арагон с Каталонией и Левант не отражены в этой статистике, нужно полагать, что общее количество коллективов было намного выше; по текущим данным испанских анархистов, в Арагоне, Каталонии и Леванте действовали 2 700 коллективов и в Новой Кастилии – 340. Если сложить все эти данные, то в экспериментах с коллективизированной экономикой в республиканской Испании принимали участие около трёх миллионов человек»⁵³.

Далее Бернеккер оценивает значение этих трёх миллионов для всего республиканского сельского хозяйства: «При предполагаемой численности сельского населения около 17 миллионов – что, вероятно, представляет собой заниженную оценку, – три миллиона участвовавших в коллективистских экспериментах составляют приблизительно 18% от общего числа испанских сельских жителей. А если принять во внимание тот факт, что к концу 1936 г. значительная часть аграрных по преимуществу регионов Галисии, Старой Кастилии, Андалусии и частично Эстремадуры были оккупированы “националистами”, процент коллективистов в республиканской зоне значительно повышается...»⁵⁴

Наконец, Эдвард Э. Малефакис подчитал, что коллективам принадлежало около одной трети всей сельской земли в республиканской Испании и две трети обрабатываемой земли⁵⁵. Ясно, таким образом, что создание сельских коллективов было одним из наиболее значительных событий испанской гражданской войны и революции.

В некоторых частях лоялистской Испании сельских коллективов практически не было. Это в первую очередь относится к трём северным регионам, который в первый год оставались в составе Республики, то есть к Стране Басков, Сантандеру и Астурии.

В баскских провинциях анархисты практически не пользовались влиянием в сельских районах. Крестьяне обычно поддерживали Баскскую националистическую партию, которая была строго консервативной и не поощряла социальную революцию ни в промышленном, ни в сельскохозяйственном секторе. Кроме того, в земельных отношениях этого региона ведущую роль играли мелкие и средние хозяйства, а не крупные поместья.

Система землевладения в Астурии была аналогичной. Несмотря на то, что анархисты пользовались здесь значительным влиянием, особенно с начала войны, сельские коллективы были редкими. Рамон Альварес, местный лидер НКТ, писал: «Во время Гражданской войны не было крестьянских коллективов в собственном смысле слова. В нашем регионе не было больших обрабатываемых массивов земли; были одни лишь мелкие собственники или фермеры и пастухи, арендовавшие землю, что очень хорошо объясняет тот факт, что в сельском хозяйстве не произошло значительных социальных изменений. НКТ создала региональную крестьянскую федерацию, которая начала исследовать положение собственности и труда в сельской местности, а также качество обработки земли, наиболее подходящие виды удобрений и множество других аспектов астурийского сельского хозяйства»⁵⁶.

Общие проблемы и особенности аграрных коллективов

Среди анархических аграрных коллективов наблюдалось большое разнообразие. Однако определённые проблемы были характерны почти для всех. Некоторые вопросы ставила философия анархизма, другие – практический ежедневный опыт управления сельскохозяйственными предприятиями, и в ещё большей степени – отношения аграрных коллективов с окружающим миром, и наконец, война как таковая представляла собой серьёзную проблему.

Одной из задач, встававшей перед каждым коллективом сразу после его организации, было определение правил, по которым он собирался жить. В подавляющем большинстве случаев местные группы принимали уставы, определявшие их структуру и порядок функционирования. Однако имелись такие примеры, как коллектив Бальобара в Арагоне, где «из принципа» не принимали никаких писаных уставов⁵⁷. Региональные федерации стремились обязать своих членов принимать более или менее единообразные уставы.

Другая проблема затрагивала отношения коллективов с «индивидуалистами», то есть с теми крестьянами, ремесленниками и прочими, кто не хотел присоединяться к коллективу. Способы решения этой проблемы коллективами были разнообразными. Некоторые провозглашали либертарный коммунизм, при котором все жители поселения входили в коллектив; другие определяли, на каких условиях люди могут оставаться вне коллектива и какими должны быть их права – с точки зрения распоряжения продукцией, доступа к кооперативным магазинам или общественным складам и даже использования коллективизированных орудий и машин.

Бернетт Боллотен говорит об отношении крестьян-единоличников к коллективизации: «...Не может быть сомнения в том, что несравненно большее их число упрямо сопротивлялось ей или принимало её только под сильным давлением. Неприязнь мелких владельцев и арендаторов к сельской коллективизации временами признавалась анархо-синдикалистами, хотя иногда они утверждали, что преодолели её»⁵⁸. В дальнейшем мы увидим, что ситуация с мелкими собственниками существенно различалась от региона к региону и от коллектива к коллективу.

Внутренняя организация коллективов также была неодинаковой. Однако высшим органом во всех них являлось общее собрание. Оно проводилось один раз в неделю, две недели или месяц. Практически все коллективы имели некий административный комитет, но его члены обычно во всём следовали воле общего собрания; у них не было или почти не было права наказывать членов коллектива и, в большинстве случаев, члены административного комитета работали как обычные члены коллектива, проводя заседания по окончании рабочего дня.

Уставы также должны были разъяснять порядок приёма новых членов после того, как коллектив был организован. Согласно Хосе Пейратсу: «В одни коллективы желающие принимались без формальностей. В других случаях вступающий должен был передать коллективу всё своё имущество: землю, инвентарь, рабочий скот. Всё, что было передано, описывалось и оценивалось. В случае выбытия из коллектива его участник получал назад внесённое им имущество или его денежный эквивалент». Однако и эти правила были далеки от единообразия.

Кроме того, оговаривались условия исключения из коллектива:

“ «Как представляется, случаев исключения за безнравственное поведение было немного. Те, кто нарушал нормы коллектива, вначале получали предупреждение; в случае повторного проступка вопрос выносился на общее собрание. Только оно могло принять решение об исключении, заслушав обвиняемого и обвинителей...»⁵⁹

Работа в коллективе обычно выполнялась командами или бригадами, часто сформировавшимися добровольно, которые выполняли специализированные задачи. Эти единицы выбирали делегатов, которые чаще всего собирались по вечерам – иногда

совместно с административным комитетом, – чтобы запланировать работу на следующий день.

Наблюдалось большое расхождение в способах распределения продукции коллектива и товаров, полученных извне. Почти всегда устраивался общественный склад или склады, с которых распределялись предметы потребления, хотя некоторые коллективы допускали в своей среде частные магазины. Также могли действовать заведения сферы услуг, такие как парикмахерские, хотя и здесь не было единообразия.

Значительное большинство аграрных коллективов, несомненно, применяло принцип «от каждого по способности, каждому по потребности». Каждой семье выделялась её доля по количеству едоков. Но опять же, в способах реализации этого принципа существовало большое разнообразие.

Следуя распространённой у анархистов вере в то, что деньги являются одним из главных источников зла капиталистической системы, многие коллективы – вероятно большинство из них – отменили в своих границах обращение денежных средств. Но разумеется, даже коллективы, пошедшие на этот шаг, должны были предоставлять республиканскую валюту тем своим членам, которые по той или иной причине отправлялись за пределы поселения.

Некоторые коллективы без лишних сложностей позволяли семьям, входившим в них, брать с общего склада всё, в чём они нуждались. Однако даже в таких случаях обычно требовалось установить нормы потребления для дефицитных товаров, особенно если они получались из-за пределов поселения. В некоторых случаях устанавливалась общая система нормирования, при которой каждой семье выделялось определённое количество каждого продукта в зависимости от её численности, – но даже в этих случаях семье иногда разрешалось обменивать часть своей нормы одного продукта на большее количество другого.

Возможно, наиболее распространёнными были случаи, когда коллектив, отменивший денежное обращение в своих пределах, выпускал их местный эквивалент. Такие суррогаты, обычно печатные, назывались «чеками», «талонами» или как-то иначе, но только не «деньгами». С точки зрения анархистов, их достоинством было то, что они могли быть потрачены только внутри коллектива и это обстоятельство препятствовало их накоплению, которое могло породить различия в материальном положении членов.

Все коллективы должны были создать определённую систему реализации излишков и приобретения товаров извне, в которых они нуждались. В первые месяцы наиболее распространённым, по-видимому, был прямой обмен, или бартер, отдельных коллективов друг с другом, с управлявшимися рабочими предприятиями в соседних городах и с другими организациями. Однако вскоре, по мере развития комаркальных, провинциальных и региональных федераций коллективов, этот процесс принял более организованный и централизованный характер. Как мы уже упоминали в этой главе, Национальная крестьянская федерация ставила перед собой цель стать высшим органом, через который должен будет осуществляться обмен, хотя она добилась скромных успехов в осуществлении этого замысла.

Федерации служили и другим целям. Они помогали установить среди коллективов некоторое единообразие в том, что касалось бухгалтерского учёта, уставов и подготовки административных кадров. Они также стремились поддерживать солидарность коллективов, побуждая более богатые из них делиться материалами и даже потребительскими товарами с менее обеспеченными; всегда существовала опасность развития «неокапитализма», при котором каждый коллектив будет озабочен исключительно собственным благосостоянием, игнорируя интересы остальных.

Большинство коллективов проявляли интерес к расширению своего производства. Это часто подразумевало не только освоение новых земель, но ещё и ирригационные работы и другие улучшения, а также строительство конюшен, свинарников, курятников и других сооружений для выращивания мелкого скота и птицы. Во многих случаях коллективы также строили (или расширяли существующие) небольшие предприятия по переработке своей продукции.

Большинство коллективов также были глубоко заинтересованы в развитии образования и социальных услуг. Заметно увеличилось количество школ, в которых обязаны были учиться дети коллективов, обычно до достижения 14-летнего возраста. Много внимания уделялось тому, чтобы прекратить эксплуатацию детей их родителями, которые обыкновенно посылали их на работу с раннего возраста, чтобы они вносили свой вклад в доходы семьи, что в коллективе было ненужным, поскольку (как считалось) каждая семья получала необходимые товары и услуги, доступные в поселении. Был создан по крайней мере один «аграрный университет», стараниями Региональной федерации крестьян Леванта.

Распространялись и другие культурные учреждения, в особенности библиотеки. По анархической традиции, создавались атенеи, где заинтересованные люди собирались, чтобы обсудить культурные, экономические или политические темы.

Многие наблюдатели были впечатлены нравственностью в анархических сельских коллективах. Так, советский журналист Илья Эренбург прокомментировал решение революционных властей Барбастро в Арагоне отменить проституцию:

“ «[Они] издали декрет на языке прошлого столетия. Среди них были ученики Бакунина и Кропоткина. Они говорили, что проституция является пятном на солнце нового человечества и препятствует достижению всеобщего братства». Власти также призывали население «относиться к этим женщинам, вернувшимся к жизни, с величайшим уважением»⁶⁰.

В довольно многие коллективы вступили и местные доктора, которые лечили крестьян, не получая иной платы, кроме того, что им полагалось как членам коллектива. В других случаях для врачей устанавливалась дополнительная плата. Часто, если услуги сельских докторов были недоступны, коллективы обеспечивали своим членам лечение в ближайшей к ним больнице. Иногда сами коллективы строили больницы; во многих случаях они приобретали оборудование и медикаменты, необходимые местным врачам.

В большинстве коллективов официально был установлен пенсионный возраст, после которого члены не должны были работать. Некоторые коллективы предоставляли специальные дома для таких людей. Во многих случаях старики, спасаясь от скуки, решали продолжать работать и после выхода на пенсию.

Одной из главных жалоб коллективов была нехватка квалифицированных кадров. Федерации разного уровня пытались исправить эту ситуацию, направляя людей, обладавших необходимыми знаниями, или помогая организовать обучение на местах.

Некоторое напряжение, иногда перераставшее в конфликты, возникало в отношениях коллективов с двумя другими институтами – местными синдикатами и органами муниципального самоуправления.

Хотя большинство коллективов были организованы по прямой или косвенной инициативе местных сельскохозяйственных синдикатов НКТ и с их помощью, после того как коллектив был создан, роль синдиката часто становилась неопределённой. В некоторых случаях личный состав двух организаций был одним и тем же, и, как отмечал Гастон Леваль в случае Бинёфарского коллектива в Арагоне, «синдикат не играл практически никакой роли»⁶¹. В других – синдикат служил связующим звеном между коллективом и индивидуальными анархистами, не пожелавшими к нему присоединиться. И в последнем случае синдикат мог сделаться своего рода «сторожем», следившим за тем, чтобы коллектив оставался верным анархическим идеям и идеалам.

На большей части республиканской Испании с началом Гражданской войны местные органы самоуправления были заменены революционными комитетами того или иного вида. В начале 1937 г. республиканское правительство постановило, что муниципальные советы должны быть восстановлены; ранее подобный шаг был сделан каталонским Хенералидадом.

Во многих небольших муниципалитетах, где действовали сельскохозяйственные коллективы, революционный комитет фактически сливался с административным комитетом коллектива. Во многих других в революционные комитеты, наряду с представителями НКТ, включались другие политические элементы, не участвовавшие в работе административного комитета коллектива. С заменой революционных комитетов муниципальными советами появилась тенденция распределять места в них между партиями и профсоюзами в той же пропорции, в какой они были представлены в каталонском или республиканском правительстве. Это было невыгодно для НКТ, особенно после того, как она была изгнана и из регионального, и из общенационального правительства.

Гастон Леваль подытожил эти особенности сельских коллективов:

“Юридические принципы коллектива были совершенно “новыми”. Он не был ни “синдикатом”, ни “муниципалитетом” в традиционном смысле слова, ни даже средневековой общиной. Но всё же он был скорее общинным, чем профсоюзным, по своему духу. Коллектив, который точно

так же можно было назвать коммуной, как в случае Бинефара, составлял единое целое, по отношению к которому профессиональные и корпоративные группы, коммунальные службы, обмен, муниципальное управление занимали подчинённое, зависимое положение, хотя и пользовались автономией в определении своей структуры, внутреннем функционировании и выполнении своих специфических задач»⁶².

Наконец, некоторые проблемы ставила перед коллективами сама гражданская война. Одной из них был набор (и впоследствии призыв) молодёжи в вооружённые силы Республики. Это значительно увеличивало нагрузку на женщин и пожилых людей, даже если последние имели право выйти на пенсию по правилам коллектива.

Хосе Пейратс отмечал другую проблему, нараставшую с продвижением войск Франко: «По мере приближения катастрофической развязки коммуны, которым угрожало вражеское нашествие, эвакуировались в тыл. Коллективы поглощали значительную часть эвакуированных, показывая замечательный дух солидарности. Весной 1938 г. проблема усилилась из-за краха Арагонского фронта. Арагонские коллективисты массово эвакуировались в Каталонию, забирая с собой всё что можно: технику, инвентарь, мелкий и крупный скот. Каталонские коллективы, которые приняли их, были многократно вознаграждены... Сельскохозяйственный коллектив Барселоны принял 600 эвакуировавшихся с захваченной территории. Коллектив Вилабоя – сто семей...»⁶³

Иногда война ставила перед коллективами из ряда вон выходящие проблемы. Гастон Леваль, к примеру, оставил свидетельство о проблеме, с которой столкнулись коллективы в арагонской комарке, где располагался Бинефар, в июне 1937 г. Приближалась уборочная, но крестьянам не хватало техники, инвентаря и бензина, и для их приобретения требовалось несколько сот тысяч песет. Перед ними встала дилемма: либо продать в города продовольствие, предназначенное для милиционеров на Арагонском фронте, либо потерять добрую часть урожая. В конце концов они через барселонскую «Рабочую солидарность» обратились к милиционерам НКТ, и за несколько дней солдаты-анархисты собрали достаточную сумму денег, чтобы покрыть расходы коллективов Бинефара и округи⁶⁴.

И конечно, главной проблемой для коллективов было завоевание регионов, в которых они находились, войсками генерала Франко. Рано или поздно эта судьба постигала все аграрные коллективы.

12. Сельскохозяйственные коллективы в Каталонии

Более половины столетия перед испанской Гражданской войной Каталония была одним из двух основных центров анархического движения – другим была Андалусия. Однако в Каталонии основную массу последователей анархистов составляли городские рабочие, входившие в Национальную конфедерацию труда. Накануне 19 июля 1936 г. НКТ имела сравнительно мало последователей среди сельского населения региона.

Основная причина заключалась в том, что значительное большинство сельских жителей Каталонии решительно придерживались индивидуалистических идей и предрассудков. Французский анархист Гастон Леваль считал, что каталонский крестьянин в своём индивидуализме больше напоминает француза, чем среднего испанца¹.

Сама НКТ признавала эти наклонности большинства каталонского крестьянства. Резолюция пленарного собрания земледельцев Каталонии, прошедшего в сентябре 1936 г., отмечала:

“ «Особенности каталонской мелкой земельной собственности берут своё начало в духе независимости, глубоко укоренённом в наших крестьянах, которые, охваченные желанием освободиться от наёмного рабства или от кабалы издольщины и арендной платы, ставили перед собой лишь одну цель: ЗЕМЛЯ! Главным их стремлением было стать её собственником...

Как влюблённый, охваченный страстью, смешанной с наследственным эгоизмом, крестьянин рвётся завоевать или приобрести предмет своих желаний: он не жалеет сил, работая день и ночь, без отдыха и остановки, сам и со своей семьёй; он плохо питается, подрывает своё здоровье и, можно сказать, живёт хуже, чем его рабочий скот»².

Дореволюционная модель землевладения в Каталонии

Начиная с позднего Средневековья землевладельческая аристократия Каталонии начала передавать право на постоянную или долгосрочную аренду крестьянам, работавшим на их земле. Условия арендной платы были различными, от издольщины до денежной ренты или их сочетания.

В тех частях Каталонии, где преобладало виноградарство, веками заключались договоры аренды на длительный срок, соответствовавший продолжительности жизни виноградной лозы, от 50 до 75 лет. Однако в конце XIX века, когда каталонские виноградники были поражены болезнью и существовавшие сорта винограда стали вытесняться другими, с меньшим сроком жизни, разгорелись конфликты между землевладельцами и арендаторами.

Позднее, после прихода к власти республиканцев в 1931 г. и установления автономного режима в Каталонии, каталонское правительство приняло закон, гарантирующий долгосрочную аренду. Хотя этот закон был отменён консервативным правительством 1933–1936 гг., после победы Народного фронта его действие было возобновлено.

Арендаторы виноградников назывались рабасайрес. Вскоре после Первой мировой войны, при участии адвоката Луиса Компаниса, была создана организация этих крестьян – Союз рабасайрес и прочих земледельцев Каталонии (СР). В последующие годы он стал крупнейшей крестьянской организацией в Каталонии, включив в свой состав многих арендаторов и издольщиков помимо виноградарей.

СР также стал влиятельной политической силой в регионе. Когда были созданы «Левые республиканцы Каталонии», главные выразители каталонского национализма в Испанской республике, и Луис Компанис возглавил эту партию после смерти её основателя Франсиско Масия, Союз рабасайрес стал играть важнейшую роль в мобилизации каталонского национального движения.

Незадолго до начала Гражданской войны СР призывал к конфискации всех крупных поместий, которые должны были стать общественной собственностью на коллективных началах, и объединению мелких хозяйств в более крупные и экономичные. Однако вскоре после того, как началась война, Союз рабасайрес стал главным противником создания сельских коллективов в Каталонии³.

Общеобязательные сельскохозяйственные синдикаты и НКТ

Один из первых декретов, изданных каталонским правительством после начала войны, должен был вызвать значительные трудности для сельских сторонников НКТ. Постановление Хенералидада, принятое по рекомендации Совета экономики, в то время контролировавшегося НКТ, 30 августа 1936 г., когда фактическую власть в Каталонии всё ещё удерживал Главный совет милиции, также под контролем НКТ, объявляло об обязательной «синдикализации» сельского населения Каталонии. Оно гласило, что все занятые в сельском хозяйстве должны «осуществлять через сельскохозяйственный союз... данной местности продажу и переработку продуктов земледелия и животноводства, приобретение товаров, в которых они нуждаются, страхование... и кредит, необходимый для

их сельскохозяйственной деятельности»⁴.

Сельскохозяйственные синдикаты, которые, согласно декрету, предполагалось создать во всех муниципалитетах Каталонии, должны были иметь четыре секции: снабжения (включая потребительские кооперативы), сбыта, страхования и кредита. Синдикаты также были уполномочены создать пятую секцию, заведующую аграрными коллективами, если таковая требовалась в данной местности⁵. Эти организации, таким образом, в большей степени являлись кооперативами, нежели традиционными профессиональными группами сельских работников.

Несмотря на участие лидеров НКТ в разработке декрета об обязательной сельской синдикализации, он вскоре вызвал сильную оппозицию среди последователей НКТ в каталонской сельской местности. Это стало очевидно в ходе регионального крестьянского пленума каталонской НКТ в январе 1937 г.

Протоколы январского пленума свидетельствовали: «Крестьяне в значительном своём большинстве проявляют оппозицию декрету о принудительной синдикализации. В связи с этим высказывается заявление, что советник по сельскому хозяйству, которого направляют рабасайрес, проводит политику пролетаризации. Матаро утверждает, что в некоторых селениях на побережье собственники присоединились к ВСТ и рабасайрес.

Сельскохозяйственные синдикаты издают распоряжения, которые препятствуют нашей работе. Региональный комитет вмешивается, чтобы сказать, что “принудительная синдикализация” не уменьшает ценности коллективов...»

Дебаты на пленуме сосредоточились вокруг того, должны ли коллективы и другие сельские группы НКТ бойкотировать официальные сельскохозяйственные синдикаты или им следует попытаться оказывать влияние внутри них. Была принята компромиссная резолюция, предлагавшая сэнэтистам участвовать в синдикатах, но при условии, что коллективы будут иметь возможность сбыта своей продукции помимо синдикатов и что синдикаты будут контролироваться выборными лицами, включая членов НКТ⁶. Хотя на практике было ясно, что многие коллективы ведут свою работу независимо от официальных синдикатов, правительство никогда не признавало подобные действия.

Отношения НКТ с Союзом рабасайрес и ВСТ

НКТ в Каталонии в первые месяцы Гражданской войны пыталась установить если не дружественные, то по крайней мере деловые отношения с Союзом рабасайрес и сельскими отделениями Всеобщего союза трудящихся. Однако её усилия оказались тщетными.

Как мы отмечали, Союз рабасайрес по всем признакам являлся крупнейшей сельской организацией в Каталонии. Он стал ярым сторонником передачи земли, разделённой на семейные фермы, арендаторам и сельским рабочим, которые ранее обрабатывали её, но не имели права собственности. Союз был близко связан с партией «Левые республиканцы

Каталонии», возглавлявшейся президентом Хенералидада Луисом Компанисом. С другой стороны, ВСТ, у которого накануне 19 июля практически не было сельских организаций, прочно контролировался сталинистской Объединённой социалистической партией Каталонии (ОСПК) и с самого начала войны стремился подавить начавшуюся революцию.

Вначале были проведены переговоры между СР и НКТ, чтобы выработать взаимоприемлемую программу по реорганизации каталонского сельского хозяйства. Когда основные положения были согласованы, они пригласили ВСТ принять участие в заключительном обсуждении программы. Однако первая встреча представителей трёх организаций закончилась провалом из-за того, что ВСТ отклонил то, что было предложено двумя другими. Другая встреча, прошедшая двумя неделями позднее, дала фактически тот же результат.

Тогда НКТ и рабасайрес разработали соглашение из 12 пунктов, по условиям которого крестьяне, желавшие приобрести землю в семейную собственность, могли беспрепятственно это сделать, но и группы крестьян, решивших создать коллектив, также имели право на это, если принадлежали к одной из организаций, подписавших соглашение. В ситуациях, когда собственность фермера-единоличника вклинивалась в земли коллектива, следовало произвести обмен, отдавая преимущество единоличнику, чтобы вывести его хозяйство за пределы коллектива.

Когда представители НКТ пришли на встречу, где, как они думали, будет утверждено соглашение, они встретили там представителей ВСТ. Ухэтисты категорически отказались подписывать этот документ, отметив: «ВСТ не согласился с коллективизацией земли, не по принципиальным причинам, а вследствие обстоятельств». Так как СР отказался участвовать в соглашении, которое не стал подписывать ВСТ, переговоры между организациями были прекращены⁷.

Жозеп Мария Брикаль отметил ещё один фактор, несомненно, вызывавший враждебность между анархистами и крестьянами-собственниками. Он привёл слова Льюиса Ардиаки, генерального директора сельского хозяйства Хенералидада, который говорил в апреле 1937 г.: «С самого начала муниципальные советы и комитеты подчинили крестьян строгому контролю и платили очень низкую цену за продовольствие, после чего перепродавали его, чтобы получить дополнительные средства для финансирования муниципалитета»⁸. Поскольку в первые месяцы Гражданской войны многие местные администрации де-факто находились в руках анархистов, это вряд ли способствовало тёплым отношениям между НКТ и единоличными крестьянами.

Революция сверху Хенералидада

Как указывает Вальтер Бернеккер, чтобы ограничить и, если возможно, обратить вспять революцию снизу, которая произошла в Каталонии, Хенералидад, в котором после декабря 1936 г. преобладали «Левые республиканцы Каталонии» и ОСПК, стремился навязать свою «революцию сверху». Нигде это не было более очевидно, чем в аграрной политике регионального правительства, особенно в вопросе коллективизации.

Частью этой революции сверху были декреты, принятые Хенералидадом в первые восемь месяцев 1937 г. Один из них, от 1 января, узаконил фактический отказ сельских арендаторов платить ренту землевладельцам; но в то же время он возлагал на бывших арендаторов обязанность выплачивать налоги на землю, которые ранее взимались с землевладельцев. (По словам Карлоса Семпрун-Мауры, в июле 1936 г. каталонские крестьяне сожгли имущественные документы крупных землевладельцев, и издольщики стали собственниками участков, больших и малых, которые они обрабатывали⁹.)

Другой декрет, от 20 февраля 1937 г., утвердил для аграрных коллективов процедуру, которой они и без того следовали, – она позволяла любому члену покинуть коллектив в любое время, получив назад всё то, что он внёс в коллектив при вступлении. Ещё до принятия этого декрета коллективы придерживались политики, обозначенной в нём; своими действиями они смягчали анархические принципы перед лицом политических реалий. Ещё один декрет, от 14 июля 1937 г., подтвердил безвозмездную конфискацию всей собственности, принадлежавшей тем, кто был скомпрометирован участием в мятеже; также было объявлено, что сельскохозяйственные синдикаты должны предоставить кредит аграрным коллективам – но лишь тем, существование которых было легализовано¹⁰.

Знаменательный декрет от 19 июля 1937 г. предписывал распустить исполнительные комитеты всех сельскохозяйственных синдикатов и назначал новые выборы в них, причём члены ПОУМ лишались возможности быть избранными¹¹. Этот декрет недвусмысленно заявлял о праве каталонского правительства вмешиваться во внутренние дела формально независимых сельских организаций и укреплял контроль над ними со стороны ЭРК и ОСПК.

Ранее, 16 июня 1937 г., был принят декрет о создании Совета сельского хозяйства на региональном уровне, «чтобы установить общие нормы применения распоряжений правительства», и муниципальных аграрных хунт, чтобы выполнять то же самое на местном уровне. Первоначально декрет предусматривал представительство в этих органах только для трёх крестьянских организаций. Однако, после устранения НКТ из каталонского правительства, декрет от 17 августа 1937 г. включил в них представителей «политических организаций, которые формируют правительство Хенералидада в момент публикации настоящего декрета»¹². На практике эта реорганизация давала два голоса сталинистам (ВСТ и ОСПК) и два – каталонским левым республиканцам (Союз рабасайрес и ЭРК) на каждый голос НКТ.

Однако самым непосредственным образом затрагивал сельские коллективы декрет от 14 августа 1937 г., который определял порядок их регистрации и регулировал их деятельность. Все коллективы, насчитывавшие более 10 участников, должны были принять стандартный устав, включённый в декрет.

Примерный устав предусматривал право свободно вступать в коллектив – передав ему всю свою землю, технику, скот и инвентарь – и выходить из него. Те, кто желал покинуть коллектив, должны были уведомить об этом за три месяца; им возвращался их земельный участок, если он находился на границе коллектива, или его эквивалент. Другие статьи примерного устава предусматривали регулярное проведение общих собраний, избрание правления в составе по крайней мере трёх членов, и бухгалтерского комитета. Статья 17

гласила, что коллективы могут платить своим членам пропорционально проделанной ими работе или соответственно нуждам их семей. Наконец, определялись условия отпуска коллектива, и советник по сельскому хозяйству каталонского правительства наделялся полномочиями решать любые споры между коллективом и его участниками¹³.

Некоторые положения, предписанные примерным уставом, по сути, противоречили фактическому порядку ведения дел в сельских коллективах НКТ. Однако фундаментальным нарушением анархических принципов являлось само вмешательство государства в дела коллективов, которые замышлялись анархистами как автономные самоуправляющиеся образования. Этим декретом правительство Каталонии присваивало себе право, ранее принадлежавшее членам коллективов, определять формы и нормы работы аграрных коллективов. Революция сверху взяла реванш.

Региональная федерация крестьян Каталонии

Как и в других частях республиканской Испании, крестьянские организации НКТ, в частности сельские коллективы, объединились, образовав Региональную федерацию крестьян Каталонии (Federación Regional de Campesinos de Cataluña). Однако каталонская федерация была создана довольно поздно и не достигла того значимого положения, какое занимали соответствующие федерации в Леванте, Кастилии и Андалусии.

Ещё в начале сентября 1936 г. был проведён региональный крестьянский конгресс. На нём присутствовало около 400 делегатов, представлявших 200 сельских синдикатов НКТ в регионе. Этот конгресс сделал предварительные шаги к созданию крестьянской федерации, создав региональный крестьянский комитет, состоявший из четырёх делегатов от регионального секретариата НКТ и двух от каждой провинции и находившийся в Барселоне.

Наиболее важная резолюция этой конференции касалась коллективизации: «В процессе коллективизации земли, чтобы мелкие собственники ни на один момент не теряли доверия к нашим освободительным действиям и, как следствие, не превращались во врагов, препятствующих нашей работе или саботирующих её, следует с принципиальным уважением относиться к их желанию иметь землю, которую они могут обрабатывать собственными руками, при условии что это не создаёт помех и препятствий для должного развития коллективизированных единиц... То, чего мы могли бы достичь её форсированием, будет получено благодаря тому примеру, который подадут сама коллективизация и вызванные ею изменения в характере земледелия...»¹⁴

Следующий региональный крестьянский пленум НКТ прошёл в январе 1937 г. Наряду с прочими вопросами, он обсудил провал переговоров по общей программе с Союзом рабасайрес и ВСТ. Он также выразил свою позицию по вопросу обязательной синдикализации каталонского крестьянства, начатой несколькими месяцами ранее. Принятая резолюция гласила, что синдикаты «имеют сугубо экономическую функцию и, таким образом, отделены от какой бы то ни было социальной или политической тенденции и

учения...» Она требовала, чтобы сельскохозяйственные синдикаты контролировались НКТ, ВСТ и СР, и настаивала: «Сельскохозяйственные коллективы, родившиеся в революции, могут составлять часть этих сельскохозяйственных синдикатов, обладающую самостоятельностью и собственными полномочиями, и использовать их [синдикатов] экономическую организацию для приобретения плодов, семян, удобрений и инвентаря, необходимого для их [коллективов] экономического развития, причём коллективы будут иметь право использовать свою продукцию для потребления или же осуществлять обмен продуктами с другими братскими коллективами».

Пленум также признал, что использование денег в каталонской экономике некоторое время будет продолжаться. Он также принял резолюцию, призывавшую к созданию более или менее единообразной структуры в коллективах НКТ в регионе¹⁵.

Региональная крестьянская федерация была создана где-то в первой половине 1937 г. Имеется свидетельство о том, что 15 августа 1937 г. федерация провела большую конференцию в Барселоне. Объявление об этом мероприятии гласило: «Компетентные товарищи Кальоль, Тунеу и Порте, секретари Региональной федерации крестьян Каталонии, расскажут в подробностях о работе, проводившейся до настоящего времени крестьянами, принадлежащими к НКТ, через коллективы, которые стали единственным показателем несомненных практических результатов, которые новый социальный порядок дал в сельской местности»¹⁶.

Каталонская региональная организация, очевидно, не добилась такого же успеха, как её аналоги в других местах, в координации деятельности аграрных коллективов и в организации обмена продуктами между ними и других способов реализации излишков. На это указывает тот факт, что конгресс федерации, прошедший в январе 1938 г., предлагал меры, уже осуществлённые, в большей или меньшей степени, в Леванте, Центре и Андалусии.

Резолюция январского конгресса отмечала следующее: «Чтобы связать и координировать, а также направлять и ориентировать в той степени, в какой это необходимо, экономическое развитие крестьянских коллективов, РФ крестьян Каталонии создаст внутри себя необходимую экономическую организацию с комаркальными отделениями, а также местными, в случае если в одной местности находится несколько коллективов. Эта внутренняя организация... будет иметь основной своей задачей исполнение функций комаркальных, местных и регионального советов сельского хозяйства НКТ...»¹⁷ Резолюция также наметила пути организации таких органов. Нет никаких данных о том, насколько продвинулся этот процесс, но учитывая, что он начался поздно, в то время как военное и политическое положение Каталонии становилось всё более затруднительным, маловероятно, что была достигнута высокая степень интеграции коллективов НКТ в Каталонии.

Тот же конгресс в январе 1938 г. принял резолюцию об обязательных сельскохозяйственных синдикатах. Она призывала вернуть контроль над ними и над Высшим советом сельского хозяйства Каталонии трём крестьянским организациям, «исключив представительство, отведённое некрестьянским секторам, кроме представителя советника по сельскому

хозяйству...» Она также призывала к новым выборам в сельскохозяйственных синдикатах и муниципальных аграрных хунтах, чтобы представительство в их исполнительных советах соответствовало поддержке трёх крестьянских организаций на этих выборах.

Наконец, эта резолюция призывала НКТ принять декрет о перераспределении земли, если только льготы для новых владельцев земли будут распространены на «земли, занятые коллективами», чтобы земля была возвращена коллективам в тех муниципалитетах, где они были лишены её из-за отсутствия у них юридического признания, и чтобы собственникам, у которых была взята земля, не выплачивалось никакой компенсации¹⁸.

Количество и общие характеристики каталонских сельскохозяйственных коллективов

Как и для остальных частей республиканской Испании, сложно подсчитать, сколько аграрных коллективов НКТ было создано в Каталонии. Оценки сильно варьируются. Гастон Леваль, имевший смутное представление о каталонских сельских коллективах, писал, что их было «около шестидесяти»¹⁹. С другой стороны, пресса НКТ времён Гражданской войны утверждала, что в регионе насчитывается целых 400 коллективов, что почти наверняка являлось преувеличением. Исследование, проведённое Хенералидадом Каталонии в ноябре 1936 г., выявило 66 существующих коллективов, но это, очевидно, неполная цифра, поскольку многие каталонские коллективы были образованы позже этой даты. Подводя итог, Вальтер Бернеккер склонен принять число в 200 коллективов²⁰. Судя по всему, это наиболее разумная из имеющихся оценок.

Нет сомнений в том, что среди каталонских коллективов наблюдались существенные различия. Некоторые были удивительно маленькими, другие входили в число крупнейших во всей республиканской Испании. Довольно многие были изолированы географически, в то же время значительное число из них, особенно в окрестностях Барселоны и Лериды, образовывали плотные скопления и в некоторых случаях поддерживали тесную связь с городскими рабочими коллективами НКТ.

Между сельскими коллективами НКТ также существовали расхождения с точки зрения организации их работы. Были те, которые ориентировались преимущественно на товарообмен с другими сельскими и промышленными коллективами, и те, которые по большей части продавали свою продукцию на рынке за наличные деньги. Различались также способы вознаграждения членов коллективов, хотя в большинстве из них, очевидно, придерживались анархического принципа оплаты в соответствии с семейными нуждами.

Наконец, неодинаковыми были степень и качество успеха, достигнутого каталонскими сельскими коллективами. Некоторые были весьма эффективны в экономическом и социальном отношении. Другие явно вели сомнительное существование.

Примеры каталонских коллективов

Нам доступны более или менее подробные данные о 25 коллективах НКТ и об одном, который спонсировала и направляла ПОУМ. Я представлю некоторые из них.

Вероятно, самым успешным анархическим сельскохозяйственным коллективом в Каталонии и одним из самых успешных во всей Испании являлся коллектив города Оспиталет-де-Льобрегат. Он входил в сообщество коллективов НКТ вокруг Барселоны, которая большую часть Гражданской войны в значительной степени контролировалась анархистами.

Сельскохозяйственный коллектив Оспиталета (Colectividad Agraria de Hospitalet) был создан в сентябре 1936 г. Он стал спасением для сельского хозяйства в данном районе, где с начала войны наблюдалась серьёзная дезорганизация. Здесь насчитывалось около 200 мелких собственников и арендаторов, при общей численности 1 000 человек, занятых в сельском хозяйстве. Перед войной сельскохозяйственные рабочие не имели постоянной занятости: они ежедневно приходили на биржу труда, где одни получали работу, а другие нет. Однако после создания коллектива все они стали считаться членами с равными правами.

Раз в месяц проходили регулярные собрания членов. Должностные лица коллектива избирались на неопределённый срок, но могли быть отстранены на любом собрании. Они регулярно отчитывались перед членами коллектива на собраниях. На практике одни и те же люди занимали официальные должности в течение всей войны.

В коллективе было два совета: административный и технический. Первый состоял из председателя, заместителя-секретаря, казначея и пяти членов. Он осуществлял общее руководство коллективом, включая его финансы. Технический совет насчитывал около 25 членов, которые планировали, что, где и как выращивать. Этот совет включал главным образом крестьян, долгое время владевших землёй и имевших опыт ведения хозяйства.

Как только коллектив был создан, все различия между участками, принадлежавшими отдельным крестьянам или арендовавшимися ими, утратили силу, и обрабатываемая земля стала составлять единый массив. Угодья коллектива были разделены на 38 зон по 35 га, каждую из которых обрабатывала своя бригада, избиравшая делегата. В течение войны площадь обрабатываемой земли увеличилась на треть, составив в итоге около 1 470 га.

Коллектив выращивал главным образом овощные культуры. Большая часть продукции отправлялась на центральный рынок в Барселоне и продавалась там за деньги. Некоторые продукты, как, например, особый сорт салата латука, продавались во Франции, как и перед войной. Вначале коллектив сам доставлял продукты за границу, на своих грузовиках. Позднее каталонское правительство создало центральную экспортную биржу продовольствия в Матаро, которая проводила все торговые операции, удерживая заработанную иностранную валюту и выплачивая выручку крестьянам в песетах. Коллектив также осуществлял незначительный бартерный обмен с другими аграрными коллективами. Время от времени он отправлял грузовики с продовольствием в милицию и армию.

Все члены коллектива получали равную плату наличными деньгами. Периодически её поднимали, по мере того как возрастали расходы на проживание. Расходы на лечение полностью оплачивались коллективом. Кроме того, коллектив купил на свои средства пять тракторов, которые нельзя было использовать до войны, когда земля была слишком раздроблена, и которые стало возможно применить после коллективизации. Также были приобретены несколько конных сеялок. К концу войны на банковском счёте коллектива лежало 3 миллиона песет²¹.

Хосе Пейратс описал другой сельскохозяйственный коллектив из окрестностей Барселоны, находившийся в городе Вилабой:

“ «Коллектив был создан на землях крупных собственников, которые бежали или были экспроприированы: 250 мохад [\approx 122 га] коллективизированной земли и 200 коллективистов. Коллектив, с 12 лошадьми и столькими же телегами, образовался в феврале 1937 г. В то время он имел в своей кассе от 500 до 600 песет, внесённых отдельными участниками. Дневная зарплата составляла 60 сентимо. Когда урожай артишоков был убран, смогли обеспечить зарплату от 70 до 85 песет в неделю. Первые сбережения коллектив потратил на покупку лошадей, строительство просторной конюшни, закупку оросительных насосов, приобретение удобрений и семян.

В конце 1938 г. коллектив состоял из 500 членов и имел доход по 150 песет на каждого. Он включил в свой состав сотню эвакуированных с их семьями, дав им равные права и обязанности. Более 200 членов сражались на фронтах, их семьям оказывали помощь. В коллективе было полностью бесплатное лечение и обеспечение лекарствами. Они обустроили скотный двор, приобретённый у муниципалитета за 32 000 песет, где разместились 20 дойных коров, 200 свиней, 27 телят и множество мелкой живности. Годовая продукция составляла 70 тонн пшеницы, 37 тонн бобов, 300 тонн картофеля, 500 тонн фруктов и около 3 000 тонн овощей»²².

Один из наиболее интересных сельских коллективов НКТ в Каталонии располагался в селе Пла-де-Кабра, к югу от Барселоны. Эксперименты крестьян с кооперацией имели здесь долгую историю. Ещё в 1910 г. местный каталонский националист спонсировал создание кооперативов. Один из них перерабатывал крестьянский виноград, производил вино и продавал его. Он использовал современные методы виноделия вместо традиционного ножного отжима и модернизировал процесс ферментации. Кооперативы также организовывали закупку товаров, необходимых крестьянам. Кроме того, были созданы сельские кредитные союзы, принимавшие сбережения крестьян и выдававшие им ссуды, чтобы позволить им придержать свою продукцию до тех пор, когда она могла быть продана по хорошей цене.

Коллектив Пла-де-Кабры был создан в июне 1937 г. 270 участниками и занимал 5 тысяч с небольшим гектаров земли. Все члены имели равное право голоса, независимо от того, были они раньше собственниками, арендаторами или наёмными работниками. Землю обрабатывали в командах; важные решения принимались на общем собрании членов. Коллектив имел одного оплачиваемого служащего – бухгалтера, который заведовал документацией и финансами.

Вхождение в коллектив Пла-де-Кабры было добровольным. Многие крестьяне-собственники, включая некоторых членов НКТ, которые унаследовали небольшие участки и не желали вступать в него, получили возможность вести своё хозяйство единолично.

Единственным исключением был местный касик из Каталонской лиги, которого против его воли заставили передать землю коллективу. Это оказалось ошибкой организаторов, так как год спустя, когда изменение политических условий сделало это возможным, он добился выхода из коллектива и увлёк за собой некоторых других крестьян.

Коллектив Пла-де-Кабры выращивал зерновые культуры, овощи, виноград, миндаль и фундук. У него были птичник с пятью сотнями яйценосных кур, девять коров, шесть тёлочек и бык.

Оплата труда членов коллектива производилась исходя из численности их семей, и очевидно, они не получали официальных денег. В церкви был размещён склад, также были устроены коллективные магазины по продаже овощей, рыбы, мяса и других продуктов питания.

Сообщали, что коллектив уделял особое внимание снабжению милиции и армии. Он также наладил крупный продуктообмен с промышленными коллективами НКТ, отправляя своих людей разузнать нужды этих организаций и сообщить им, в чём он сам нуждается. Тем не менее некоторый объём продукции – который, по сообщениям, увеличился на 75% за время существования коллектива – продавался за наличные деньги²³.

Хотя каталонские сельские коллективы не были настроены против денег так же сильно, как коллективы Арагона, в селе Сервия близ Лериды коллектив отменил деньги, по крайней мере для внутреннего использования. Как сообщалось, большинство каталонских коллективов, пошедших на такой шаг, находилось в районе Лериды.

В Сервия и её окрестностях проживало 5 тысяч человек. По свидетельствам, аграрный коллектив создавался на добровольной основе, и те крестьяне, которые не хотели вступить в него, могли отказаться. Однако некоторые зажиточные хозяева, первоначально оставшиеся на своей земле, в конечном счёте вступили в коллектив, поскольку в селе практически всё, включая медицинское обслуживание и аптеку, было коллективизировано и только члены коллектива имели туда доступ. Коллектив также привлекал сыновей крестьян-единоличников, так как дневная работа в коллективе обычно заканчивалась в 5 или 6 часов пополудни, что не всегда случалось в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Когда сыновья присоединялись к коллективу, их отцы иногда бывали вынуждены последовать за ними, потому что не могли обрабатывать землю без помощи своих

отпрысков – а чтобы удержать землю в единоличном владении, крестьянская семья должна была работать на ней собственными силами, без применения наёмного труда.

Общее собрание коллектива было высшим органом, и оно проходило более или менее регулярно каждую неделю. Административный комитет выполнял решения собрания, и его члены в течение дня трудились вместе со всеми. Земля коллектива была поделена на поля рационального размера, независимо от прежних границ собственности. Работа выполнялась бригадами или командами, и административный комитет каждое утро распределял людей по командам. Возможные споры по этому поводу, как предполагалось, должно было разрешать собрание, но они случались редко.

Были случаи, когда крестьяне, которые присоединили свой клочок земли к коллективу, продолжали проявлять особый интерес к своему участку. То же иногда происходило и со скотом в коллективном стаде: секретарь коллектива Сервия много лет спустя вспоминал, что некоторые крестьяне работали сверхурочно, ухаживая за животными, которые раньше принадлежали им.

Оплата в коллективе производилась исходя из размера семьи, в натуральном виде. Каждая семья получала свою долю продовольствия, одежды и прочих товаров. Члены коллектива имели право выбирать в пределах того, что было доступно, понравившуюся им еду и другие продукты. Хотя члены обычно не получали денежной платы, коллектив имел в наличии определённую сумму денег, на случай если членам по той или иной причине понадобится потратить их за пределами коллектива.

Коллектив в Сервия имел комиссию по культуре, которая организовала школу и библиотеку. Последняя была составлена из тех книг, которые оказались под рукой, но впоследствии часто приобретались новые книги по просьбам членов коллектива.

Коллектив, выращивавший маслины и овощи, пользовался относительным достатком. Его излишки, как правило, не продавались, а обменивались на продукцию других сельскохозяйственных и промышленных коллективов. Часть урожая отправляли на фронт и часть отдавали менее обеспеченным коллективам. По свидетельству секретаря коллектива, такие пожертвования почти не вызывали возражений, потому что члены группы чувствовали себя участниками строительства Утопии, лучшего мира, – этот дух мог исчезнуть, если бы войны была выиграна, но, как настаивал рассказчик, он был реальностью во время существования коллектива Сервия²⁴.

Сельские коллективы, о которых мы говорили до сих пор, были сравнительно крупными, но было и много других, гораздо меньших. Анархические публикации того времени могут дать представление о том, как они были организованы и функционировали.

«Информационный бюллетень» НКТ-ФАИ в ноябре 1937 г. описывал общину Айтоны в провинции Лерида:

■

«В этом селе... существует сельскохозяйственный синдикат, входящий в НКТ. Есть также коллектив, существующий в течение года. Он был основан пятнадцатью семьями и с тех пор почти утроился. В коллективе есть потребительский кооператив, и его члены, как хорошие коллективисты, осуществляют на практике свои прекрасные идеалы, отдавая другим всё, в чём сами не нуждаются, без какого-либо желания воспользоваться преимуществом, эксплуатировать или получать прибыль...

Они установили плату для всех членов семьи. Глава семьи получает четыре песеты, три – жена и дети от 14 до 18, две – от 10 до 14 и одну – начиная с рождения. Это показывает, насколько коллектив заинтересован в обеспечении всех тех, кто составляет его часть. Овощи и фрукты раздаются бесплатно, и когда в кооперативе имеется достаточное количество товаров, они также раздаются».

Статья также отмечала, что коллектив имеет свою мельницу и планирует организовать школу, а также разводить коров, построить курятник и «идти вперёд, возводя просторные и гигиеничные дома для коллективистов»²⁵.

В другом выпуске содержалось описание ещё одного небольшого коллектива – в селе Виларродона, провинции Таррагона. По сообщению «Бюллетеня»:

“ «Крестьянский коллектив Виларродоны, образованный в ноябре месяце 1936 года, состоит из 21 семьи общим числом сто человек. У него было 210 хорналей [\approx 95–100 га] земли, из которых только шесть орошались. Коллективисты выполняют огромную работу, потому что у них нет иного выхода; но коллектив идёт вперёд, и если ничто не встанет на его пути, он войдёт в триумфальные ворота.

Они уже строят фермы, чтобы разместить большое количество кур, больше ста кроликов и более двадцати боровов. Им также принадлежит один из трёх масложимных заводов в округе, а также два трактора и много других машин и орудий. У них есть очень хорошо организованный потребительский кооператив, к большой пользе семей коллективистов.

В эти дни они собирают оливки, и, как они нам сказали, у них необычайный урожай зерновых, дающий надежду на восстановление в этом году, если поможет погода, после ничтожного прошлогоднего урожая. Они также тратят много сил на разработку леса, с которого получают хороший доход...»²⁶

В завершение можно упомянуть о других каталонских сельских коллективах времён Гражданской войны, не связанных с НКТ. За исключениями, которые можно пересчитать по пальцам, эти предприятия не были организованы Всеобщим союзом трудящихся и не испытывали его влияние, как часто бывало в Леванте, Кастилии и Андалусии. Это объяснялось тем, что ВСТ в Каталонии находился под жёстким контролем сталинистской Объединённой социалистической партии Каталонии, которая резко выступала против коллективизации, городской и сельской.

Однако другая марксистская партия Каталонии, активная в первый год Гражданской войны, – Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ), в большей или меньшей степени связанная с Международной коммунистической оппозицией, также известной как «правая оппозиция», не разделяла эту непреклонную враждебность к коллективам. Хотя в общем партия выступала за распределение земли, разделённой на семейные фермы, между арендаторами, издольщиками и батраками, которые на ней работали, она была готова сделать исключения из этой позиции. В некоторых случаях ПОУМ сама занималась организацией сельских коллективов.

Вероятно, важнейший из спонсируемых ПОУМ коллективов находился в селе Раймат, возле Лериды. У него были обширные виноградники, также выращивались различные зерновые культуры. Рабочие сами решили, что нет смысла делить этот массив на индивидуальные фермы, поэтому он был коллективизирован.

В коллективе Раймата использовались деньги. После коллективизации был создан кооперативный магазин. Также действовал рынок, где люди извне могли купить продукцию коллектива. Товарообмен с другими сельскими коллективами или городскими рабочими коллективами не производился.

Коллектив Раймата специализировался на производстве продуктов, необходимых солдатам на Арагонском фронте, который находился недалеко от них. Значительная часть продукции продавалась частям на фронте. Для всего остального правительство Каталонии установило максимум цен, но остаётся фактом, что немалую часть урожая коллектив продавал на чёрном рынке, который был весьма активен.

Коллектив был обеспечен финансово. Он также добился значительных успехов в наращивании объёмов продукции за время своего существования²⁷.

Заключение

Анархические сельскохозяйственные коллективы в Каталонии не имели такого значения, как в некоторых других частях лоялистской Испании. В значительной степени это объяснялось преобладанием в регионе мелких и средних земельных владений, равно как и оппозицией каталонского правительства, которое в последние два года войны контролировали ЭРК и ОСПК.

Каталонские коллективы НКТ до некоторой степени отличались от своих аналогов в других частях страны. В них реже проводились эксперименты с отменой денег, они не добились таких же успехов в организации централизованного сбыта своей продукции и, как следствие, Региональная крестьянская федерация здесь пользовалась гораздо меньшим влиянием.

Однако имеются доказательства того, что значительное количество коллективов, преуспело по крайней мере в трёх пунктах. Во-первых, они существенно увеличили объём продукции по сравнению тем, что они получали в начале. Во-вторых, они были обеспечены финансами. В-третьих, они обеспечивали своим членам более высокий уровень жизни и давали им ощущение крепкой взаимной поддержки.

13. Сельские коллективы в Арагоне

Арагон был той частью лоялистской Испании, где преобладание анархистов в первый год Гражданской войны было наиболее полным. Это также был регион, в котором эксперименты анархистов по созданию сельскохозяйственных коллективов были наиболее масштабными, и вероятно, как во время войны, так и после неё, испанские и иностранные анархисты больше всего писали о сельской коллективизации, проходившей здесь, а не в других частях страны.

С другой стороны, Арагон оказался тем регионом, где инициативы анархистов в сельской местности наиболее яростно критиковались коммунистами. Это был регион, где коммунистические войска безжалостно вторгались в сельские коллективы и громили их, арестовывая и нередко убивая их лидеров, отнимая у них землю, урожай, инвентарь, скот и технику.

Дореволюционная модель землевладения в Арагоне

Джеральд Бренан описывает, в каких условиях обрабатывалась земля в Арагоне перед Гражданской войной: «Старая провинция Арагон состоит из пиренейских хребтов, где условия напоминают наваррские, орошаемой долины Эбро, где владения небольшие, а крестьяне – относительно зажиточные, и обширной засушливой области с весьма низким уровнем осадков, которая включает в себя степные равнины бассейна Эбро и редконаселённый горный регион, известный как Маэстрасго и простирающийся на юг до Теруэля».

Как отмечает Бренан, в каждой из частей региона земельные отношения складывались по-разному:

“ «Крупные поместья, залезшие в долги крестьяне и обнищавшие батраки отличают степной район, который испытал на себе сильное влияние анархо-синдикалистского движения. В Маэстрасго, с другой стороны, живы карлистские традиции». Далее Бренан делает любопытное замечание относительно внешности и психологии арагонских крестьян, хотя, возможно, это не имеет отношения к тому, что они делали во время

Гражданской войны: «Следует добавить, что внешний облик арагонцев очень отличается от облика басков или каталонцев: они кажутся людьми более простой породы и... они известны своим упрямством»¹.

Значение анархической милиции для создания коллективов

Нет сомнений в том, что одной из важнейших причин быстрого распространения сельских коллективов в Арагоне в первые месяцы войны было присутствие здесь анархических частей милиции. В начале мятежа силы армии и Гражданской гвардии получили контроль над большей частью Арагона. Однако, как только ситуация в Каталонии стабилизировалась, Главный совет милиции поставил своим приоритетом отвоевание Арагона у мятежников. В течение двух-трёх недель три четверти территории региона и половина его населения были возвращены под контроль сил, лояльных Республике². Эти силы по преимуществу состояли из анархистов и ими же возглавлялись.

Аугустин Сухи, немецкий анархист, в начале 1937 г. писал о событиях в этом регионе: «Сразу же после 19 июля в разных деревнях Арагона начались столкновения между крестьянами и фашистами. Во многих деревнях происходило повальное бегство населения, спасавшегося от преследований со стороны мятежников. Позднее, когда антифашистские колонны из Каталонии и Леванта вошли в Арагон, эти деревни были освобождены от гражданских гвардейцев и фашистов. Их жители вернулись. Здесь начался процесс социальных преобразований, который не имеет примеров в Испании с точки зрения его сложности и глубины»³.

Франц Боркенау, который посетил южный Арагон на второй неделе августа 1936 г., записал в свой дневник то, что он там увидел. Ему довелось побывать в посёлках Фрага и Сариньена. В первой, как он узнал, были убиты 38 человек (из тысячного населения), в основном по инициативе колонны Дуррути, которая проходила здесь. В их число входили «священник, его наиболее активные приверженцы, адвокат с сыном, помещик и некоторое число богатых крестьян». Однако, хотя земля и прочее имущество убитых были конфискованы местным революционным комитетом, «работа на земле покойных продолжалась тем же порядком, что был заведён прежде...»⁴

Но в Сариньене он нашёл уже организованный крестьянский коллектив. Жители молотили свой урожай пшеницы на четырёх молотилках, экспроприированных у крупных землевладельцев.

Боркенау писал в заключение своих наблюдений:

«Подводя итог: как во Фраге, так и в Сариньене имелись многочисленные политически индифферентные элементы и активное анархистское ядро, преимущественно младшего поколения. Во Фраге это ядро, под влиянием милиционной колонны Дуррути, способствовало убийству огромного числа людей в селе, но никаких других достижений у них не было. В Сариньене такое же ядро было предоставлено само себе, так как она лежала на пути не анархистской, а поумовской колонны, и отношения между анархистским селом и милицией ПОУМ были далеко не лучшие. Но, несмотря на это, с гораздо меньшим числом убийств, анархистское ядро добилось значительных улучшений для крестьян, и всё же оно было достаточно мудрым, чтобы не пытаться насильно приобщить сопротивляющуюся часть села, а ждать, пока пример других не окажет эффект»⁵.

Франк Минц попытался получить представление об общем влиянии анархической милиции на движение по созданию коллективов. Он изучил случаи 19 коллективов, из которых девять находились в провинции Уэска, шесть – в Теруэле и четыре – в провинции Сарагоса. Он установил, что милиционеры участвовали в собраниях, на которых решался вопрос о создании трёх из девяти коллективов Уэски, четырёх из шести – Теруэля и всех четырёх – Сарагосы⁶.

Минц подвёл следующий итог: «Мы приходим к заключению, что коллективизация была принудительно навязана милицией, набранной из числа анархистов за пределами региона, и что, по нашему мнению, она организовывала поселения скорее с точки зрения военной экономики, для собственного обеспечения, чем по соображениям социальной реформы. С другой стороны, арагонские анархисты, зная ситуацию, извлекали выгоду из момента, не злоупотребляя им, и они добились успеха в осуществлении своих идей на практике с одобрения большинства крестьян...»⁷

Однако анархический лидер Феликс Карраскер отрицал, что коллективизация навязывалась милицией: «Я, тот, кто жил в Арагоне во время существования коллективов, могу подтвердить, что, за исключением немногих деревень, где какое-то время стоял фронт, нигде не было принуждения, и милиционеры не шли в тыл, чтобы организовать коллективы или общественные учреждения иного рода»⁸.

Руководители анархической милиции, особенно Дуррути, со своей стороны, были довольно откровенны по поводу задач милиции в коллективизации. Бернетт Боллотен цитирует заявление Дуррути: «Мы ведём войну и совершаем революцию одновременно. Революционные меры в тылу приняты не в одной только Барселоне; они распространяются оттуда до самой передовой. Каждая деревня, завоёванная нами, начинает развиваться на революционных началах»⁹.

11 августа 1936 г. колонна Дуррути выпустила прокламацию, которая освещает её роль в развёртывании революции в сельском Арагоне:

«Военный комитет колонны Дуррути, учитывая пожелания и нужды людей Бухаралоса, объявляет:

1. Ввиду того, что хлеб является священным достоянием трудового народа и антифашистского дела, урожай должен был убран без промедления.
2. Все предметы, такие как плоды, животные и средства транспорта, принадлежащие фашистам, становятся собственностью Народа под контролем его Комитета.
3. Начиная с даты выхода этой прокламации, частная собственность на земли крупных землевладельцев упраздняется, они становятся владением Народа в форме, которую определит Комитет.
4. Все тракторы, жатки, плуги и т.п., принадлежащие фашистам, являются собственностью Народа.
5. Поскольку вооружённая борьба милиции представляет собой защиту жизни и интересов трудящихся, граждане Бухаралоса должны оказывать ей свою безусловную и энергичную поддержку, как материальную, так и моральную»¹⁰.

Абель Пас, биограф Дуррути, также отметил, что в начале августа Дуррути «сосредоточил своё внимание на крестьянских коллективах, которые с удивительной стихийностью возникали по всему освобождённому Арагону. Отношения, установленные между колонной и коллективами, созданными в занятом ею секторе, были вполне братскими. Крестьяне приходили в колонну, чтобы передать продукты или попросить Дуррути посетить их коллектив и поделиться своим мнением о том, так идут дела». Дуррути обычно «соглашался с удовольствием... В ходе своих визитов в разные селения Дуррути оценил важность этой коллективной работы для расширения революции, но также отметил опасности, которым может подвергнуться движение коллективистов, если оно не станет единой силой...»¹¹

Дуррути предложил Военному комитету колонны, чтобы милиционеры, не занятые воинскими обязанностями, помогали крестьянам собирать урожай (см. главу 6)¹².

Очевидно, что связь между созданием анархических коллективов и присутствием милиционеров различалась от места к месту. Так, в большинстве деревень комарки Вальдерробрес провинции Теруэль активные анархисты были вынуждены спасаться бегством в начале мятежа. Собравшись в Гандесе, на границе Каталонии, они, с помощью местных элементов НКТ, через несколько дней вернулись и прогнали мятежников, захвативших контроль над их районом¹³.

В посёлке Тамарите в комарке Монсон, провинция Уэска, около недели сохранялось равновесие между революционным комитетом и подразделением Гражданской гвардии, которое оставалось в казарме. 26 июля анархисты «организовали ударную колонну из

антифашистов окрестных деревень и заставили их [гвардейцев] покинуть Тамарите». Штатские сторонники мятежа пытались держать оборону в одном из зданий, но местная НКТ связалась со своими коллегами в Лериде, которые отправили им на помощь самолёт; после двух сброшенных бомб группа мятежников сдалась¹⁴.

В Бинефаре, также в комарке Монсон, гражданские гвардейцы и их штатские сторонники забаррикадировались в казарме и церкви. Когда сэнэтисты из города и округа собирались штурмовать здания, занятые мятежниками, к ним присоединилась «рота солдат, лояльных Республике», которая только что прибыла из Лериды; мятежники вскоре сдались¹⁵.

Наконец, в случае Алькампеля, в той же комарке, возглавляемые НКТ крестьяне разбили вооружённых штатских мятежников, после того как местная Гражданская гвардия была вызвана в Тамарите. Здесь, 27 июля, Единый синдикат трудящихся НКТ созвал на сельской площади собрание, где он объявил о своём намерении организовать коллектив, наметил план мероприятий и предложил присутствующим обсудить его. Эта идея вызвала сильную оппозицию, которую возглавил местный врач, состоявший в ПОУМ. В конце собрания лидеры НКТ объявили, что в течение следующих двух дней желающие вступить в коллектив должны будут подписать соответствующий документ. В итоге 250 семей, около половины населения, вступили в коллектив. Через несколько дней к нему присоединился и врач¹⁶.

Количество коллективов в сельском Арагоне

Существуют разные мнения – как и в случае с другими частями лоялистской Испании – о том, сколько сельских коллективов действовало в Арагоне.

Гастон Леваль говорил мне, что их было около 350¹⁷, хотя в опубликованных работах он указывает цифру 400, приблизительно с полумиллионом крестьян и других участников¹⁸.

С другой стороны, Аугустин Сухи, писавший в то время, утверждал: «Пятьсот деревень и городов Арагона, с общей численностью населения около половины миллиона, ввели у себя коллективизм...»¹⁹ Хосе Пейратс оценивал число коллективов в 450, с 433 тысячами членов²⁰. Эту же цифру принимает Вальтер Бернеккер, который отмечает, что коллективы охватывали 300 тысяч человек, или 70% населения, и более 70% обрабатываемой земли²¹. Бруэ и Темим согласны с количеством коллективов, указанным у Пейратса, и утверждают, что в них входило 430 тысяч крестьян²².

Региональная федерация коллективов Арагона

Ещё в августе 1936 г. Буэнавентура Дуррути призывал крестьянские коллективы Арагона создать федерацию для защиты своих интересов. Однако подобная организация появилась лишь в феврале следующего года.

Несомненно, одной из причин позднего создания федерации коллективов было существование Совета Арагона, начавшего работу в середине октября 1936 г. Он выполнял многие задачи, которые, возможно, больше соответствовали федерации коллективов, и даже после того, как эта федерация была создана, наблюдалось некоторое смешение функций²³.

Другим фактором, замедлившим создание федерации коллективов в Арагоне, была оппозиция этой идее со стороны ряда комаркальных федераций, образованных местными коллективами в первые месяцы войны. По словам Феликса Карраскера: «Идти дальше, казалось, не входило в расчёты большинства крестьян, которые, привыкнув находиться в своём тесном кругу и испытав влияние пропаганды в пользу “вольной коммуны”, которую постоянно вела определённая часть либертарного движения, со скептицизмом смотрели на всё, что казалось им слишком большим и слишком сложным для того, чтобы осуществлять необходимый контроль снизу. Поэтому, боясь потерять свою автономию и противореча федеративной схеме, которую всегда отстаивало либертарное движение, они не проявляли особого энтузиазма в связи с идеей создания региональной федерации коллективов...»²⁴

Предварительная региональная конференция аграрных коллективов прошла в Каспе в ноябре 1936 г., но на ней не было создано никакой постоянной организации²⁵.

Региональная федерация коллективов Арагона (Federación Regional de Colectividades de Aragón) всё же была учреждена на конгрессе в Каспе, проходившем 14–15 февраля 1937 г. Мандатная комиссия сообщала, что на ней присутствовало 456 делегатов от 275 коллективов, включавших в себя 141 430 членов. Эта цифра, безусловно, занижена, поскольку некоторые из участвовавших коллективов учитывали только глав семей, а не всех своих членов. Присутствовали также официальные делегации от Национального комитета НКТ, Полуостровного комитета ФАИ и Регионального комитета анархических групп Арагона, Риохи и Наварры.

На конгрессе были приняты различные резолюции. Вероятно, наиболее важная из них провозглашала создание Региональной федерации коллективов, «с целью координировать экономический потенциал региона и поддерживать солидарность в этой Федерации в соответствии с принципами экономии и федерализма, которые служат нам ориентиром».

Другие резолюции призывали каждый коллектив, во-первых, вести статистику производства и потребления и отправлять её в комаркальные федерации, которые должны были передавать её региональному комитету; во-вторых, внести определённую денежную сумму, «в соответствии со своей обеспеченностью», в региональный фонд, созданный для помощи тем коллективам, которые оказались в затруднительном положении; в-третьих, если у коллектива имелся избыток рабочей силы, посылать людей в помощь другим коллективам, где не хватало рабочих рук.

Конгресс постановил: «Обращение денег в пределах коллективов должно быть отменено и заменено распределительными книжками, норму потребления каждый коллектив устанавливает самостоятельно». Это была попытка стандартизировать методы, используемые коллективами Арагона для распределения товаров и услуг среди своих членов.

Другая резолюция конгресса заявляла, что федерация признаёт существование муниципалитета, «поскольку в будущем он будет служить средством контроля народного имущества». Однако оговаривалось, что «границы территорий, находящихся в административном управлении этих органов, не должны ставить ограничений», что все сельскохозяйственные орудия должны быть в общем пользовании коллективов комарки.

Наконец, конгресс утвердил устав новой федерации. Он перечислял следующие «атрибуты» новой организации:

- “ « 1) Усиленно пропагандировать преимущества коллективизма, основанного на взаимной помощи;
- 2) Управлять опытными хозяйствами, которые могут быть созданы в тех поселениях, где условия местности благоприятны для получения всех видов семян;
- 3) Заботиться о молодёжи, которая расположена к профессиональной подготовке, создавая технические школы, которые будут давать необходимое ей специальное образование;
- 4) Организовать группу технических специалистов, чтобы изучить способы получения наилучшей производительности труда в Арагоне в разных отраслях сельского хозяйства;
- 5) Стремиться к расширению торговли Арагона с окружающими областями, постоянно добиваясь улучшения условий торговли;
- 6) Регулировать коммерческие отношения с внешним миром, контролируя посредством статистики излишки продукции в регионе, и кроме того, она будет отвечать за фонд солидарности, проявляя заботу о всех нуждах федерированных коллективов, всегда в согласии с Региональным советом обороны Арагона».

Устав предусматривал создание Регионального комитета, в составе генерального секретаря, делопроизводителя, бухгалтера, казначея и двух других членов, который должен был находиться в Каспе²⁶.

Феликс Карраскер чувствовал, что вновь созданная федерация коллективов имела огромный потенциал, способный изменить ход войны:

«Нельзя забывать, что конгресс придал окончательную форму тому, что начали деревни. В ходе конгресса неявно были обозначены новые указания и ориентиры, такие как: устройство целого региона на основополагающих принципах экономики, образования, здравоохранения и культурного обмена; упразднение собственности как наследственного права и системы наёмного труда, одновременно с созданием “компенсационного фонда”, обязавшего более богатые комарки помогать обделённым... Конгресс связал все комарки гибкой системой прав и обязанностей, превратил в осязаемый факт ту подлинную солидарность, которая определённо лежит в основе любой либертарной программы...»²⁷

Одной из первых мер новой федерации была разработка стандартной семейной распределительной книжки, в исполнение одной из резолюций её учредительного конгресса. На обложке этого документа указывались имя главы семьи и количество членов семьи в возрасте от 14 лет, младше 14 и младше пяти. Здесь же писались название и адрес коллектива. Распределительная книжка содержала страницы на каждую неделю года, начиная с 1–7 апреля 1937 г. На каждой странице были графы «товары», «количество», далее указывалась стоимость различных статей товаров, полученных семьёй за каждый день, в песетах и сентесимо. Было перечислено 24 статьи – большинство из них относились к продуктам питания, но также значились «скобяные изделия», «кухонная утварь», «мануфактура» и «обувь»²⁸.

Бруэ и Темим пишут, что «Крестьянская федерация прилагала невероятные усилия по организации опытных хозяйств, яслей и сельских технических училищ». Однако арагонская федерация просуществовала недостаточно долго для того, чтобы ввести централизованное распределение продукции своих коллективов, а также программы технической и финансовой помощи коллективам наподобие тех, что были реализованы в Леванте и Центре. После безжалостного нашествия коммунистических войск на Арагон в августе 1937 г. федерация, как и многие входившие в неё группы, фактически перестала функционировать.

Через месяц после вторжения коммунистов НКТ провела в Каспе пленум своих арагонских организаций. На нём было решено «упростить» структуру организации в регионе. В частности, решили, что «при Региональным комитете НКТ будет действовать ассоциированная комиссия по делам коллективов, которая по своим функциям будет идентична нынешнему Региональному комитету коллективов». В итоге, «Региональная федерация коллективов станет составной частью соответствующих комитетов организации на местном, комаркальном и региональном уровне»²⁹.

Комаркальные организации коллективов

Федерации коллективов, образованные в комарках региона, оказались гораздо более эффективными, чем региональная федерация. Большинство из них были созданы вскоре после начала войны, и по крайней мере некоторые продолжали действовать даже после вторжения коммунистов, исчезнув лишь с завоеванием Арагона силами Франко в марте 1938 г. Как сообщали, к февралю 1937-го в Арагоне имелись 22 комаркальских федерации³⁰.

Сохранилось достаточно информации о том, как проходила их деятельность. Гастон Леваль описывал работу типичной комаркальской федерации следующим образом: «Естественно, она должна была заниматься средствами связи (радио, почта, телеграф, телефон) и транспорта. Далее, она проявляла немалый интерес к культурному развитию связанного с ней населения. И также, поскольку шла война и революция, она распределяла оружие и предлагала стратегию сельским советам обороны. В районе Барбастро, к примеру, комаркальская федерация в течение девяти месяцев организовывала оборону против фашизма, предоставляя продовольствие и все продукты, необходимые для войны»³¹.

Одной из федераций, работа которых лучше всего освещена в литературе, является Монсонская комаркальская федерация, куда входили 32 коллектива. Сразу же после своего создания федерация «приступила к сбору данных о производстве и потреблении по каждому из коллективов... Было установлено, что здесь имелись коллективы с весьма высоким экономическим потенциалом, тогда как другие едва могли продолжать существование...»³²

Федерация оборудовала центральные склады, куда коллективы свозили свои излишки и откуда они получали продукты, в которых нуждались. Также она «начала проводить обмен со всеми районами и всеми отраслями производства, в том числе, и довольно успешно, с товарищами в Каталонском регионе, особенно близком к нам, получая продукцию металлургии, пищевой промышленности, строительные материалы, одежду, обувь, инструменты и т.п.»

Как только эти меры по организации товарообмена были приняты, «мы обошли все коллективы комарки, определяя, что они имеют и в чём нуждаются. Через два месяца работа наших складов была налажена. С них коллективы получали текстиль, одежду, трикотаж, керамику и многие кухонные принадлежности для повседневного использования. У нас было два больших грузовика, которые часто уезжали [в Каталонию] и возвращались гружённые вином из Приорато и другими товарами. Наша комарка была богата многим, но не давала достаточно вина». Из Каталонии также привезли овец, которые были распределены по коллективам³³.

Комаркальская федерация также взяла на себя реализацию продукции единственного промышленного предприятия в районе – свеклосахарного завода в Монсоне. Рабочие предприятия с началом войны взяли на себя управление производством, но вопросами сбыта занималась федерация. Она выполнила все обязательства по контрактам, заключённым заводом ранее, и, ко всеобщему удивлению и радости, оказалось, что предприятие принесло значительную прибыль, «что обернулось одинаковой выгодой для всех, коллективистов и неколлективистов». Прежде чем завод завершил второй год своей работы под контролем рабочих, он был разрушен вражеским авианалётом³⁴.

Как минимум один раз у Монсонской комаркальной организации случились разногласия с Советом Арагона, который стремился (по крайней мере до создания региональной федерации коллективов) сосредоточить в своих руках сбор и распределение продукции по всему региону. После визита на Монсонский сахарный завод Бенито Павона, вице-секретаря Совета, комаркальная федерация отправила своих членов на встречу с Мигелем Серветом, советником по экономике. Когда тот сообщил им, что организацией обмена товарами и услугами должен заниматься Совет, а не комаркальная федерация, двое делегатов сказали, что согласятся на это, если Совет оплатит им в наличных стоимость продукции всех коллективов комарки – 3 миллиона песет. Услышав эту цифру, Сервет ответил, что у Совета нет таких средств, и на этом разговор закончился; комаркальная федерация продолжала свою работу без дальнейшего вмешательства со стороны Совета Арагона³⁵.

Комаркальная федерация разработала много планов по увеличению производства коллективов и повышению уровня жизни их членов. Ветеран организации вспоминал много лет спустя: «В небольшие деревни было проведено электричество, которого там никогда не было; средства связи, транспортная система, образование и забота о детях были усовершенствованы... Почти во всех коллективах комарки прессы для отжима оливкового масла, которые всё ещё приводились в движение животными, были модернизированы и оборудованы электродвигателями, тяжёлый труд стал легче. Так как крайне необходимый нам бензин в то время был дефицитным, мы поставили электродвигатели и на молотилки. Товарищи-электрики предоставили нескольким коллективам киноаппараты...»³⁶

Замечательным достижением Монсонской комаркальной федерации было создание и обслуживание в Бинефаре больницы «Салют, Дуррути!». Ветеран комарки вспоминал об этом событии: «После реставрации старого сельского дома в нём были оборудованы кабинеты благодаря усилиям коллектива и двум врачам, которые бескорыстно и неустанно пеклись о больных. Чтобы приобрести необходимые материалы, каталонский хирург и член комаркального комитета коллективов отправились в Барселону. Они купили лучшее хирургическое оборудование, доступное во время войны, для акушерства и травматологии, рентгеновский аппарат, а также материалы для медицинской лаборатории».

К апрелю 1937 г. в больнице было 40 коек, имелись отделения общей терапии, профилактики и лечения венерических заболеваний и гинекологическое. До июля 1937 г. больница отправляла акушерку в дома, где были роженицы, позже такие женщины стали ложиться в больницу. В день принимали около 25 пациентов. Больница была открыта для каждого жителя 32 деревень комарки³⁷.

Что касается Вальдерробресской комаркальной федерации в провинции Теруэль, то она в первый год пострадала от зимы 1936/37 гг., необычайно холодной в этом районе, которая нанесла значительный ущерб урожаю оливок, основному продукту региона. Возможно, из-за этого работа комаркальной федерации была не такой разносторонней, как в федерации Монсона.

Как и в Монсоне, сельский кооператив Вальдерробреса стал центром деятельности комаркальной организации. Он был основан на собрании, проведённом вскоре после изгнания мятежников из района. Вначале различные коллективы напрямую обменивались

продуктами с другими коллективами, сельскими и городскими, но очень скоро товарообмен был централизован в комаркальном кооперативе, который установил регулярные связи с нефтяной компанией КАМПСА, Монсонским сахарным заводом и другими предприятиями.

Как вспоминал ветеран организации: «Продукты, полученные в ходе этих операций, распределялись среди местных коллективов в соответствии с числом жителей, а те распределяли их между семьями. Всегда исходили из того, что продукты по той же норме будут доступны и не состоящим в коллективах, при условии, что взамен они предоставят свои излишки. Некоторые поселения собирали больший урожай, чем другие, но это не давало им права получить большее количество нормированных продуктов. Напротив, те поселения, которые не имели излишков, всегда получали установленную норму»³⁸.

Как в Монсоне, комаркальная организация коллективов в Вальдерробресе осуществила много проектов в интересах всего общества. В их число входило проведение телефонной связи в деревни комарки. Кроме того, «в Вальдерробресе была создана комаркальная машинная станция для ремонта тех немногих автомобилей, которые были доступны для перевозки пассажиров и грузов, а также сельскохозяйственной техники...»

Коллективы совместными силами обустроили дороги и шоссе в комарке, устранив опасные повороты. Также «было отремонтировано или перестроено большое число зданий, чтобы никто не нуждался в жилье», возводились зернохранилища, скотные дворы и другие сооружения для сельскохозяйственных работ и содержания животных.

Комаркальная организация обращала внимание и на образование: «Несмотря на то, что некоторые учителя оставили свои посты, мы можем сказать, что все дети школьного возраста обоих полов получили надлежащую заботу. У нас было намерение построить для школ просторные здания, с хорошей вентиляцией и освещаемые солнцем, чтобы образование могло играть роль, соответствующую новому Либертарному Обществу, и не было необходимости эксплуатировать детей, иногда начиная с десяти или двенадцати лет»³⁹.

Аугустин Сухи также оставил описания нескольких комаркальных федераций: «В Асуаре располагается комаркальный комитет двенадцати деревень. Они посылают делегации, которые передают, что может предоставить каждая деревня и в чём она нуждается. Комаркальный комитет ведёт статистику на основе этих данных и производит обмен продуктами. До сих пор эта новая экономическая система, которая является не чем иным, как организованным обменом, не вызывала никаких трудностей»⁴⁰. Относительно Граньена Сухи сообщал:

“ «В комарке Граньен насчитывается 27 ассоциированных коллективов площадью 96 тысяч гектаров. В них проживают 11,5 тысяч жителей. Весь обмен в пределах двадцати семи деревень проходит через комаркальную федерацию. Есть два основных вида операций: а) прямой обмен между разными деревнями при посредничестве федерации; б) продажа излишков

продукции и приобретение товаров, необходимых комарке. Комаркальская федерация должна дать своё разрешение на то, чтобы произвести обмен между деревнями или закупить что-либо. Пример: “Разрешение: Комаркальская федерация сельскохозяйственных коллективов Граньена. Эта комаркальская федерация разрешает коллективу Сангаррена вывезти 3 000 кило пшеницы в Лериду с целью обмена. Граньен, 3 июня 1937 г.”»⁴¹.

Суши отмечает о федерации Барбастро:

“ «Барбастро является резиденцией одной из крупнейших комаркальских федераций. Из шестидесяти деревень комарки сорок семь коллективизированы и входят в федерацию... В некоторых деревнях комарки существуют коллективы ВСТ, но они также вступили в комаркальскую федерацию НКТ. Ассоциированные коллективы предоставляют комаркальской федерации точную статистику. Они указывают число жителей, площадь земли, состояние шоссе и дорог, поголовье животных, объёмы производства и производительность. Они указывают, сколько машин имеется в наличии и сколько необходимо, то же относительно материалов, продовольствия, одежды. Комаркальская федерация управляет экономическими делами 15 000 коллективистов...

Комаркальская федерация – своего рода экономический департамент. В ней есть секции транспорта, сельскохозяйственного производства, пищевой промышленности и др. Секция техники и оборудования занимается техническим обеспечением ассоциированных деревень. Комаркальская федерация унаследовала шесть молотилок, которые раньше принадлежали господам, и приобрела ещё две. Также закупили восемь жаток. В комарке имеются тридцать семь современных плугов, трактор и другая сельскохозяйственная техника. Комаркальская федерация обязана посылать в деревни, которые в этом нуждаются, машины и персонал, необходимый для их обслуживания...

Из коллективизированных деревень за всем необходимым, от семян до продовольствия, идут на склады комаркальской федерации. Кроме того, федерация построила скотные дворы по всей комарке»⁴².

Коллективизация: добровольная или принудительная?

Наиболее яростные споры по поводу анархических сельских коллективов Арагона вызывал вопрос, было ли вхождение крестьян в них добровольным или их принуждала к этому НКТ-ФАИ, преобладающая сила в Арагоне в первый период Гражданской войны. Анархисты,

само собой, были склонны подчёркивать добровольный характер коллективизации⁴³, в то время как коммунисты, в частности, настаивали, что крестьяне региона в подавляющем большинстве не желали вступать в коллективы и делали это лишь из-за присутствия анархических войск и других элементов, оказывавших на них давление.

Одним из самых бескомпромиссных обвинителей анархистов был Хосе Дуке, входивший в Совет Арагона и возглавлявший Коммунистическую партию в регионе во время войны. Он утверждал, что каждый раз, когда анархические милиционеры отвоёвывали какую-либо деревню у сил Франко, они созывали местных жителей на собрание, где перед ними выступал глава военного комитета колонны или местный анархический лидер:

“Как только изложение программы заканчивалось, проводилось голосование по предложениям, сформулированным оратором. Голосование всегда и во всех случаях должно было проводиться по характерной для анархистов процедуре: аккламацией, иначе говоря, выражением своего одобрения или несогласия публично, без соблюдения тайны голосования. Вдобавок, оратор, пропев хвалу свободному человеку в свободном обществе, не забывал пригрозить ужасными несчастьями тем упрямым индивидуалистам, которым ещё не удалось избавиться от своих жалких мелкобуржуазных предрассудков. После такого, легко понять, что простые арагонские крестьяне с энтузиазмом поддерживали предложения оратора, полностью и без обсуждения принимая все его тезисы».

Дуке настаивал: «В “свободные коллективы” все крестьяне, все ремесленники и все рабочие вступали по принуждению. В поселении закрывались все магазины, большие и малые. Всё сносилось на большой общественный склад, непосредственно зависевший от “свободного коллектива”, который, в свою очередь, контролировался “комитетом обороны”»⁴⁴.

Аугустин Сухи приходил к диаметрально противоположным выводам:

“Коллективизация проводилась не по приказу государства и не насильственным путём, как в России. Огромное большинство крестьян сочувствовало идеалам социальной революции. Работать коллективно, распределять продукты между собой по справедливости – такова была их цель. Никакого определённого плана коллективизации не было. Не было декретов, правительственных комиссий, не давалось официальных директив, которые должны были выполнять крестьяне. Они действовали в соответствии с собственной интуицией. Активное меньшинство вело их. В среде местного крестьянства жил идеал либертарного коммунизма»⁴⁵.

Британский наблюдатель Франк Еллинек, который в целом больше сочувствовал сталинистам, чем анархистам, в августе 1937 г., по-видимому перед разорением арагонских

коллективов отрядами Листера, дал в целом доброжелательную оценку коллективизации: «Насколько проникла в Арагон либертарная идея, можно судить по тому, как гордились селяне этой системой, и эта гордость определённо не была вызвана увеличившимся благосостоянием»⁴⁶.

В большинстве работ о коллективах, которые мне известны, содержатся упоминания о сельских единоличниках (крестьянах, ремесленниках или торговцах), не вступивших в коллективы. Из 34-х арагонских коллективов, по которым у меня имеется подробная информация, крестьяне-единоличники были представлены в 19-ти. В некоторых других также могли присутствовать «индивидуалисты», хотя о них нет никаких особых упоминаний.

В ряде случаев большинство крестьян поселения очевидным образом отказывалось от коллективизации. Так, в Монсоне лишь пятая часть от 5-тысячного населения состояла в коллективе, согласно Аугустину Сухи⁴⁷, а Хосе Пейратс утверждает, что в этом коллективе насчитывалось только 450 человек⁴⁸. В Алькампеле коллектив насчитывал около 250 семей, что, по словам Виктора Бланко, одного из членов коллектива, составляло «почти половину населения»⁴⁹. Во Фраге около 700 семей состояли в коллективе; такое же число воздержалось от вступления⁵⁰.

С другой стороны, в Бинефаре 700 из 800 крестьянских семей состояли в коллективе, и их примеру последовали 10% занятых в кустарной промышленности⁵¹. В Барбастро, как сообщал Сухи, «единоличники составляют незначительное меньшинство»⁵², а в Торре-дель-Кампте «все вошли в коллектив»⁵³.

В Асуаре сложилась уникальная ситуация. Согласно Сухи, там одновременно существовали сельские коллективы НКТ и ВСТ и функционировал координационный комитет для поддержания дружественных отношений между ними⁵⁴.

Региональная федерация коллективов с некоторой неохотой приняла политику отказа от принуждения по отношению к тем крестьянам, которые не хотели вступать в коллективы. Резолюция учредительного конгресса федерации гласила:

“ «Мелким собственникам должно быть позволено иметь столько земли, сколько они и их семьи смогут обработать, но ни один мелкий собственник, не пожелавший вступить в коллектив, не должен пользоваться какими-либо преимуществами». С другой стороны, все земли, конфискованные у «фашистов», и всю землю, которая обрабатывалась арендаторами или издольщиками, следовало передать коллективу. Наконец, «чтобы искоренить эгоистические чувства, которые могут проявлять мелкие собственники, их владения не следует регистрировать в официальном реестре»⁵⁵.

Феликс Карраскер, бывший член Национального комитета НКТ, в разговоре со мной признал, что в Арагоне были коллективы, куда крестьян заставляли вступать, особенно если в дело была вовлечена анархическая молодёжь. Однако он настаивал на том, что национальное руководство НКТ пыталось предотвратить подобные действия⁵⁶.

Резолюция, принятая коллективом Ольете 22 апреля 1937 г., помогает пролить свет на отношения между коллективами и единоличниками. Помимо прочего, в ней заявляется:

“ «Все товарищи, недовольные своим нахождением в коллективе, будут иметь право выйти из него и работать в своих хозяйствах индивидуально, при условии, что никто не может иметь больше земли, чем он сможет обработать собственными силами, хотя они могут работать вместе, если в таком сотрудничестве нет эксплуатации человека человеком. Товарищи-индивидуалисты будут воздерживаться от действий, направленных против коллектива, поскольку если они предпримут их, то они будут рассматриваться как контрреволюционеры».

Другое положение резолюции гласило: «Кооператив коллектива откроет на каждого индивидуалиста счёт для записи стоимости товаров, которые он предоставляет, и на этот счёт указанные индивидуалисты могут брать продукты из кооператива, при условии, что коллектив в них не нуждается». И далее: «Индивидуалисты могут пасти свой скот по всему муниципалитету, соблюдая уважение к посевам, как это принято, и максимальная численность коров, которую может иметь каждый индивидуалист, ограничивается двадцатью пятью головами. Они [индивидуалисты] обязаны беречь пастбища...»⁵⁷

Иногда случались конфликты между коллективистами и индивидуалистами. Наиболее серьёзный из них произошёл в коллективе Эсплуса в комарке Монсон. Здесь в начале военного мятежа был создан революционный комитет из представителей «Левых республиканцев» и НКТ. Анархисты организовали коллектив в начале сентября, но большинство поддерживавших ЛР крестьян и ремесленников отказались вступать в него. Вскоре они вышли и из ревкома, сформировали местное отделение ВСТ и вошли в контакт с Коммунистической партией. Новая организация ВСТ потребовала равного представительства с НКТ в ревкоме, равного распределения оружия между двумя группами и раздела земли, конфискованной у «фашистов», между единоличными собственниками.

Лидеры НКТ отказались выполнять эти требования, ссылаясь на то, что, по условиям национального соглашения, в ревкомы должны были входить только представители организаций, существовавших до 19 июля. Они заявили, что отделение ВСТ сформировано после этой даты, что всё оружие хранится в одном месте под охраной ревкома и что вся конфискованная земля должна обрабатываться коллективно. После этого, 8 октября, делегация коммунистов из Барбастро прибыла в Эсплус для переговоров с лидерами НКТ. Во время этих переговоров демонстрация ухэтистов, собравшаяся перед зданием, открыла беспорядочную стрельбу, в результате которой погибли около 30 человек, включая главу местного ВСТ, вышедшего на балкон.

Через два дня после этого инцидента все члены ВСТ попросили принять их в коллектив. Согласно источнику анархистов, вначале они получили отказ, однако в итоге их просьба о вступлении была удовлетворена⁵⁸.

Коллективы и война

Многие арагонские коллективы находились в считанных милях от той линии, по которой проходил фронт с конца лета 1936 г. до начала Арагонского наступления Франко в марте 1938 г. Они поставляли милиции как новобранцев, так и провизию. К примеру, 145 молодых людей из Грауса пошли в милицию НКТ59; в Бинефаре, при общей численности населения всего 3,5 тысячи, в милицию записались около 60; в коллективе Каланды 500 человек, при общей численности 4,5 тысячи, служили в милиции, по большей части в 26-й дивизии⁶⁰. В Мас-де-лас-Матасе мельник коллектива жаловался Сухи: «Слишком много товарищей на фронте. Нам не хватает работников»⁶¹.

Конечно, бóльшая часть продовольствия, получаемого республиканскими войсками на Арагонском фронте, также предоставлялась коллективами региона. Коллектив Монсона продавал армии овощи⁶². Коллектив Бинефара еженедельно отправлял на фронт 30–40 тонн провизии. Столько же было отправлено им в Мадрид в разгаре осады города⁶³.

Аугустин Сухи сообщал о ещё одном коллективе, из Альбалате-де-Синки, который добровольно помогал обеспечить Мадрид: «В марте была проведена акция солидарности с Мадридом. Десять живых боровов, от 115 до 120 килограммов каждый, 500 кило свинины, 87 цыплят, 50 кроликов, две с половиной тонны картофеля, 200 дюжин яиц, бобы и другие овощи, а также несколько дюжин коз – всё это было отправлено в непокорённый город. Это было свидетельство щедрой солидарности села с нуждающимся народом столицы. Крестьяне не приняли бы за это никакой платы, даже от отдела военного снабжения Комаркального комитета Альбалате, и вдобавок отправили в Мадрид десять вагонов с мукой и другим продовольствием. За это они также не стали требовать никакой компенсации...»⁶⁴

Общие характеристики арагонских коллективов

Аугустин Сухи описывал общие черты коллективов Арагона, которые он видел в своих поездках 1936 и 1937 гг.:

“ «Самая мелкая коллективная единица в Арагоне – трудовая группа. Она включает в себя от 5 до 10, иногда больше участников. Группы создаются крестьянами, которые связаны между собой дружбой; иногда они также живут на одной улице. К ним относятся бывшие мелкие собственники,

мелкие арендаторы, издольщики и батраки. Они идут на работу все вместе. Впереди – делегат группы. Часто сам делегат подбирает себе компаньонов для работы. Коллектив распределяет работу между группами. Когда группа заканчивает свою работу, она помогает другой группе...

Если трудовая группа превышает указанное число участников, каждый работник получает производственный табель. Делегат делает в нём записи, подтверждающие работу членов группы. Инструменты, машины и животные, необходимые для работы, являются собственностью коллектива. Обработка земли, выполнение работы, которая была ей задана, является задачей группы»⁶⁵.

Аугустин Сухи также описывал способ, которым распределялись продукты в коллективе:

“«Распределение земли, работы, инвентаря и скота стало первым, что было сделано. Коллектив, прежде всего, должен был озаботиться обеспечением материального существования своих членов. Продукты полей свозились на общий склад; самые важные виды продовольствия распределялись между всеми поровну. Излишки использовались для обмена с другими коммунами или с городскими коллективами. Продукты собственного производства распределялись безвозмездно. В зависимости от богатства коллектива, сюда входили хлеб и вино, иногда также мясо и другая еда, без ограничений и бесплатно. То, что получалось извне, путём обмена или покупки у других коммун или в городах, и то, что имелось в недостаточном количестве, было нормировано. Но у каждого было необходимое для жизни, в той степени, в какой ситуация в коллективе позволяла ему удовлетворять нужды своих членов...

Удовлетворение потребностей было отделено от рабочих способностей человека. Больше не говорили: “Хорошая работа за хорошую подённую плату”, – новой нормой стало: “От каждого по способностям, каждому по потребностям”»⁶⁶.

Эта новая система распределения в большинстве случаев влекла за собой частичную или полную отмену денег. Часто отдельный коллектив вводил у себя какое-нибудь средство обмена для внутреннего использования. В других случаях все товары либо распределялись по норме, либо бесплатно предоставлялись желающим. В этих практиках наблюдалось значительное разнообразие, но деньги Республики очень редко продолжали использоваться в коллективах – хотя, конечно же, они бывали нужны членам коллектива, когда те отправлялись «вовне».

Судя по всему, типичной с точки зрения замены денег была ситуация, наблюдавшаяся Аугустином Сухи в коллективе Масалеона:

«У председателя сельского коллектива, Мануэля Аранды, появилась оригинальная идея. Он предложил жестяные жетоны в качестве заменителя денег... Существуют жетоны ценностью до двадцати пяти песет. Но эти монеты не выдаются в качестве заработной платы: они служат только средством обмена. Каждый член коллектива получает эти жетоны. Он покупает на них то, что нужно ему для жизни и что имеется в коллективе. Одна песета в день на взрослых, 0,75 на детей младше четырнадцати лет»⁶⁷.

Оценивая опыт, по крайней мере одна группа коллективистов пришла к выводу, что отмена денег была одной из главных ошибок арагонских анархистов. Авторы работы, посвящённой коллективам комарки Вальдерробрес в провинции Теруэль, отмечают:

“Мы хотим указать на тактическую и психологическую ошибку, которую представляла собой полная или частичная отмена денег. Те, кто участвовал в этом, все испытали на себе эту меру. Все могут подтвердить, какое недовольство, и не раз, вызывали такие решения. Без сомнения, приверженцы упразднения денег всё ещё существуют, поскольку некоторые поддерживают систему “свободного распределения”. Мы считаем, что это дело большой сложности, о котором хорошо философствовать, но которое трудно осуществить на практике, по крайней мере в течение одного или двух поколений. Человек хочет работать, но он также хочет по своему желанию распоряжаться той частью, на которую он имеет право. И, как говорится, на вкус на цвет товарищей нет»⁶⁸.

Ничто не говорит о том, что метод посемейной оплаты в коллективах давал какие-нибудь поблажки лодырям. Феликс Карраскер утверждал, что дух сотрудничества был достаточно сильным, чтобы предотвратить это, но добавлял, что социальное давление на каждого члена коллектива со стороны других членов, побуждавшее выполнять свою часть работы, также было велико⁶⁹.

Примеры каталонских коллективов

Было бы невозможно пытаться описать во всех подробностях все коллективы, информация о которых доступна. Однако, для лучшего понимания природы анархических сельских коллективов в Арагоне, стоит привести несколько примеров.

Безусловно, одним из самых успешных в Арагоне и одним из тех, о которых больше всего было написано, не только анархистами, но и другими, был коллектив Грауса, в северной части региона. Социалист Абелардо Пратс писал: «Тем, кто хочет узнать о том феноменальном творчестве, которое происходит в Испании с тех пор, как началась

революция и война, я советую посетить Граус»⁷⁰.

Гастон Леваль, посетивший Граус в июне 1937 г., отмечал, что эта часть Арагона была очень консервативной, и из 43 деревень в комарке Граус только одна была коллективизирована полностью и ещё 10 – частично⁷¹. Тем не менее в самом Граусе, селе с населением около 2 600 человек, коллективизация проводилась широко.

Согласно Абелардо Пратсу, 700 семей в Граусе вступили в коллектив, а 160 оставались вне его⁷². Однако многие из единоличников не были крестьянами, поскольку в Граусе, как указывал Леваль, имелось «много небольших заведений, обслуживавших сельскую округу». К июлю 1936 г. 40% населения было занято в торговле, остальные – в промышленности и сельском хозяйстве⁷³.

Леваль описывал, как проходила коллективизация в посёлке. Сельскохозяйственный коллектив был организован 16 октября 1936 г., и в следующие два месяца НКТ и ВСТ, работая совместно, обобществили транспорт, печатные станки, обувные магазины, медицину, аптеки, кузницы, плотницкие и столярные мастерские⁷⁴. Пратс заключает: «Село достигло экономического единства, которое служит общественной пользе и коллективным интересам»⁷⁵.

Пратс, посетивший Граус через месяц или два после Гастона Леваля, был особенно впечатлён организацией сельскохозяйственной части коллектива. Он утверждал, что с введением «посемейной оплаты» средняя крестьянская семья стала получать по крайней мере в полтора раза больше, чем у неё было до создания коллектива.

Эффективность управления в коллективе приводила его в восхищение: «Всё систематически организовано. На каждую отрасль производства составлен свой документ с точными данными по её развитию и производительности, расписанными по дням, часам и землям. Таким образом, ничто не теряется, и организация всего находится на высочайшем уровне»⁷⁶.

Согласно Гастону Левалю: «Координирующие функции в коллективе выполняла административная комиссия из 8 человек. Она разделялась на 8 отделов, каждый из которых возглавлялся секретарём высокой квалификации, делегировавшимся на неограниченный срок рядовыми членами двух профсоюзов. НКТ и ВСТ были поровну представлены в комиссии – по 4 от каждого профсоюза. Все делегаты в любое время могли быть отозваны общим собранием. Отделы были следующие: культуры и здравоохранения, статистики и труда, промышленности, транспорта и связи»⁷⁷.

В результате снижения торговой активности, вызванного войной, в Граусе стали больше внимания уделять земледелию и животноводству. Среди достижений было строительство свинофермы на 2 000 голов; каждой семье в конце года давали свинью для убоя. Пратс отмечал, что «для животных устроены мойки, и они получают полный уход, которого требует научное содержание животных».

Коллектив также построил большую птицеферму с собственной лабораторией. Когда Пратс посетил её, там было больше 10 тысяч птиц. Он говорил: «...Всё новое и великолепное. Всё

устроено в соответствии с требованиями техники». Директор фермы изобрёл новый инкубатор, «имеющий большую производительность, чем существующие»⁷⁸.

Не были проигнорированы и социальные нужды коллектива: «Дети являются предметом особой заботы и постоянного внимания коллектива. До четырнадцати лет их не отправляют на работу ни под каким предлогом. Эксплуатация ребёнка собственной семьёй, в прежние времена в большинстве случаев вызванная бедностью в домах, где они появились на свет, закончилась... Матери и, прежде всего, женщины, которые скоро станут матерями, также испытывают на себе особую заботу, особенно в период вскармливания. Их освобождают от всех рабочих обязанностей»⁷⁹. Была создана новая художественно-ремесленная школа. Также работала библиотека, у коллектива были типография и книжный магазин. Когда Пратс посетил его, там проводилась выставка для ста детей, эвакуированных из Мадрида и других зон боевых действий⁸⁰.

Коллектив Грауса был исключительно успешным. Согласно Абелардо Пратсу, во многом он был обязан этим успехом своему главному секретарю – Эмилио Портелье⁸¹.

Конечно, многие коллективы не могли предоставить своим членам такое же обслуживание, какое было в Граусе. К примеру, Аугустин Сухи сообщал относительно коллектива Муньесы: «В культурном отношении это поселение стоит ниже других деревень. Здесь нет учителя, 500 детей не могут ходить в школу, очень много неграмотных. В деревне нет кинозала и, что гораздо хуже, нет врача; два обывателя, имеющих какие-то знания, занимаются лечением, естественно с грехом пополам»⁸².

Возможно, более типичным, нежели коллективы Грауса и Муньесы, был коллектив Каланды в долине Гуадалупе в Нижнем Арагоне. Ко времени революции 1936 г. земля в округе принадлежала главным образом латифундистам, хотя имелось и некоторое число мелких собственников. Земля помещиков сдавалась в издольщину, и было подсчитано, что 40 или 50 семей в Каланде получали половину дохода как собственники земли, а другую половину получали остальные 5 000 человек, большинство из которых жили в страшной бедности.

Во время военного мятежа крупные собственники поддерживали переворот. Был сформирован революционный комитет, состоявший из НКТ и «Левых республиканцев». В районе действовал Синдикат разных профессий НКТ, насчитывавший около 800 членов, по большей части сельскохозяйственных рабочих и издольщиков, а также некоторых ремесленников. Ревком занял место муниципального совета и в ноябре 1936 г. официально получил его права.

Аграрный коллектив сформировали примерно 2,5 тысячи человек из 5 тысяч жителей муниципалитета. Прочие остались мелкими собственниками. Бывший секретарь спустя много лет признавал, что часть крестьян могла вступить в коллектив из страха, хотя и настаивал, что оснований для него не было.

Члены коллектива делились на команды по 10–14 рабочих. Каждая из них избирала делегата, и каждый вечер делегаты собирались, чтобы запланировать работу на следующий день и распределить её. Существовало также правление, избиравшееся общим собранием и осуществлявшее общий контроль над коллективом. Общее собрание проходило

еженедельно, и правление и делегаты отчитывались на нём о том, что было ими сделано.

Оплата труда в коллективе производилась на душу, каждый человек, мужчина, женщина или ребёнок, получал установленную норму. Бóльшая часть зарплаты выдавалась натурой. Отношения коллектива с внешним миром строились по большей части на основе бартерных обменов. В некоторых случаях даже свёртывали производство, если в других местах условия для него были лучше, – например, перестали разводить свиней, решив, что этим лучше заниматься людям, живущим на горных склонах.

Отношения с мелкими хозяевами-единоличниками, как сообщают, были дружественными. В городе у них был кооператив, независимый от коллектива. Кооперативу коллектива иногда удавалось достать такие товары, например лампочки, которые не мог получить кооператив единоличников, и тогда первый продавал их второму. Некоторые из крестьян-единоличников сами являлись членами НКТ.

В общине создавались различные комитеты. Один из них проверял земельных собственников на предмет их принадлежности к «фашистам». Другой определял, будет ли земля, конфискованная у «фашистов», передана коллективу или единоличным хозяевам. В этих и других комитетах были представлены все политические группы, действовавшие в поселении.

Коллективом был конфискован доминиканский монастырь. Здания были переоборудованы в школу с 19-ю классами. Среди её сотрудников были шесть из прежней городской школы, пять монахинь из соседнего монастыря, полдюжины старшекурсников из ближайшего педагогического училища и несколько учителей на пенсии. Когда фронт подошёл к Каланде, детей эвакуировали, и в зданиях разместился госпиталь. Земля монастыря была отведена под опытное хозяйство. Коллектив также устроил библиотеку и общественную баню для жителей поселения.

Коллектив первоначально обеспечивал продовольствием тех своих членов, которые ушли на фронт и рабочие места которых по большей части были заняты женщинами. Когда работа коллектива наладилась, поставка продовольствия в армию была организована на регулярной основе⁸³.

Необычным был коллектив Куэвас-де-Портальрубио, недалеко от Теруэля. Некоторое время он находился на нейтральной полосе между двумя противоборствующими силами; в него входило 40 семей, всё население деревни, которые выращивало пшеницу и занималось овцеводством. Однажды франкисты угнали из коллектива 250 овец и застрелили одного из пастухов. Как было принято, продукты распределялись между семьями пропорционально количеству их членов; медицинское обслуживание было для всех бесплатным, в серьёзных случаях больных отправляли на лечение в Барселону. Коллектив был захвачен войсками Франко в марте 1937 г.⁸⁴.

Наступление войск коммунистов на коллективы Арагона

После «гражданской войны внутри гражданской войны» в Каталонии в начале мая 1937 г. и последующего падения правительства Франсиско Ларго Кабальеро в конце месяца анархисты продолжали удерживать Арагон, но упорные попытки ликвидировать анархические сельские коллективы в этом регионе не прекращались.

Хотя коммунисты были главными действующими лицами в сокрушении политической и экономической мощи анархистов в Арагоне и хотя эта операция в основном проводилась войсками, находившимися под их контролем, они отнюдь не были единственной политической силой, участвовавшей в этом. Социалисты, и в частности министр обороны Индалесио Прието, играли важную роль в этих манёврах, как мы увидим в последующих главах.

Гастон Леваль дал красочное описание нападений, произведённых коммунистическими войсками – в первую очередь 11-й дивизией Листера и 27-й дивизией, бывшей колонной «Карл Маркс»:

“ «В середине июня началось наступление в Арагоне, которое велось в широком масштабе и методами, доселе невиданными. Приближалось время жатвы. С винтовками в руках, сборщики, присланные коммунистами, останавливали на главных дорогах грузовики, перевозившие продовольствие, и перенаправляли их в свои лагеря. Немного позднее эти же стражники приходили в коллективы и от имени Главного штаба, размещавшегося в Барбастро, требовали передать им большое количество пшеницы».

Леваль описывал следующий шаг коммунистов и их союзников, направленный против арагонских коллективов:

“ «Они приступили к реквизиции всех грузовиков, в то время незаменимых при транспортировке урожая, особенно пшеницы... Коллективы почти всегда получали грузовики в обмен на свою сельскохозяйственную продукцию, иногда отказывая себе в необходимом продовольствии. Грузовики были одним из тех приобретений, которым гордились больше всего. Но их все забрали, безжалостно, под предлогом войны».

Леваль указывает ещё один способ подрыва арагонских коллективов:

«В это же время, и только в Арагоне, они проводили набор новых солдат под предлогом подготовки наступления. В самом начале жатвы пятьдесят юношей из Эсплуса были мобилизованы... Почти все деревни лишились своей молодёжи, однако в Каталонии те же категории призывников не трогали. Они пошли в армию позже. А жатва тем временем прошла в самых скверных условиях...»⁸⁵

“ «Затем началось открытое нападение. Командовал им майор Листер. Описывать его эпизоды во всех деталях было бы слишком долго. Конечным результатом было то, что 30 процентов коллективов были уничтожены. В Альколеа был арестован муниципальный совет, управлявший коллективом; обитатели дома престарелых были выброшены на улицу. В Мас-де-лас-Матасе, Монсоне, Барбастро – нигде не обошлось без арестов. Повсеместно шли грабежи. Опустошали кооперативные склады, хранилища пшеницы; ломали инвентарь. Губернатор Арагона, назначенный центральным правительством после роспуска Совета Арагона... протестовал. Ему сказали идти к чёрту»⁸⁶.

Позднее, на Национальном крестьянском конгрессе НКТ, 22 октября 1937 г., Региональный комитет Арагона представил доклад о произошедшем:

“ «Более 600 организаторов коллективов были арестованы. Правительство назначило управляющие комитеты, которые стали заведовать складами продовольствия и беспорядочно раздавать их содержимое. Земли, тягловый скот и рабочий инвентарь были возвращены семьям или фашистам, над которыми смиловалась Революция. Таким же образом разделили урожай. Животных, выращенных коллективом, постигла та же судьба. Было разрушено много коллективных птичников, конюшен, молочных ферм. В некоторых муниципалитетах, таких как Бурдеос и Каласейте, у крестьян отобрали семена, и теперь им нечем засеять землю»⁸⁷.

Коммунисты обосновали это разрушение арагонских коллективов в своей ежедневной газете «Красный фронт» от 14 августа 1937 г.:

“ «Поскольку дело касается коллективов, мы должны заявить, что ни один арагонский крестьянин не вступил в них без принуждения. Каждый, кто сопротивлялся, пострадал физически и материально от террористических

санкций. Тысячи крестьян бежали из региона, предпочитая покинуть свой дом, чем терпеть тысячу невыносимых мер, принятых Советом Арагона. Их земли были отобраны, их принуждали работать от восхода до заката на их собственной земле, изнурять себя, получая за это девяносто пять сентимо. Каждый, кто сопротивлялся, лишался хлеба, мыла и большинства вещей, необходимых для жизни. Всё продовольствие, находившееся в частном владении, было конфисковано. В муниципальные Советы вошли заведомые фашисты; шефы эскадронов Фаланги, обладатели партийных билетов, стали мэрами, советниками...»⁸⁸

Впоследствии, однако, даже коммунисты, оставшиеся в партии и выбывшие из неё, признавали, что разгон коллективов в Арагоне был ошибкой. Бернетт Боллотен цитирует Хосе Дуке, который сказал, что принятые Листером меры «были более суровыми, чем было необходимо». Другой коммунист (и оставшийся коммунистом), который входил в Совет Арагона, Мануэль Альмудí, говорил: «Меры Листера в Арагоне были очень жёсткими. Он мог действовать и с большей осмотрительностью. Его поведение вызвало сильное озлобление»⁸⁹.

Вероятно, наиболее откровенно высказался Хосе Сильва, генеральный секретарь Национального института аграрной реформы и коммунист:

“ «Когда правительство Республики распустило Совет Арагона, генерал-губернатор попытался смягчить глубокое беспокойство в сердцах крестьянских масс, распуская коллективы. Эта мера была очень грубой ошибкой и вызвала чудовищную дезорганизацию в сельской местности...

Верно то, что целью губернатора было исправить несправедливость и убедить сельских тружеников в том, что Республика защищает их, но результат оказался прямо противоположным ожидаемому. Эта мера лишь усилила беспорядок, и вновь пошло в ход насилие, на этот раз с другой стороны. В результате полевые работы почти остановились, и четверть земли не была вовремя подготовлена к севу»⁹⁰.

Частичное восстановление коллективов

Если верить Гастону Левалю, две трети арагонских коллективов уцелели после разорения региона войсками коммунистов в августе 1937 г. Кроме того, многие из коллективов, разогнанных дивизией Листера или другими частями республиканской армии, были восстановлены, когда кампания против них пошла на спад.

Хосе Пейратс отмечал изменения в политике правительства и Коммунистической партии:

«Коллективные хозяйства снова были разрешены. Заключённых освободили. Коллективизация пошла полным ходом. Подготовились к новой посевной. Но на этот раз урожай пожал Франко... Нельзя безнаказанно играть в игры, вызывающие деморализацию фронта и тыла»⁹¹.

У нас нет полной информации о том, сколько коллективов было восстановлено после вторжения коммунистов. Однако можно привести подробности по некоторым случаям. Например, коллектив Каласейте в провинции Теруэль:

“ «После нападения коллектив, как могли, реорганизовали. За это время так называемые коммунисты вернули часть земли тем, кто с оружием в руках выступил против Республики, то есть фашистам. Естественно, нападение вызвало деморализацию; коллектив был не тот, что прежде, в нём не было такого же энтузиазма»⁹². Коллектив Кретаса, в той же провинции, очевидно, продолжал существовать, хотя после нападения коммунистов в его рядах, как сообщали, наблюдалась «определённая деморализация»⁹³.

В коллективе Ла-Фреснеды последствия были не столь катастрофическими. Он был легализован министерством сельского хозяйства, и когда руководители коллектива предъявили свидетельство о регистрации вторгшимся коммунистам, те не решились полностью его ликвидировать. Тем не менее они провели общественное собрание, где объявили, что любой желающий может покинуть коллектив. После этого ушли «некоторые недовольные», среди которых были те, кто входил в НКТ до 19 июля.

После этого инцидента, согласно источнику, «очищенный от нездоровых элементов... коллектив поднялся с неожиданной силой. Это была настоящая семья... В бригадах только и говорили о том, какую работу надо сделать, чтобы увеличить производительность, восстановить дороги и ирригацию, отремонтировать дома; все мысли были о будущем и прогрессе...»⁹⁴

Коллектив Каланды был воссоздан через некоторое время после ухода солдат Листера. В соответствии с правительственным декретом, он прошёл регистрацию с помощью молодого человека, который учился на юриста. Коллектив просуществовал до вторжения сил Франко в марте 1938 г.⁹⁵

Коллектив Бальобар-дель-Синки, возле Уэски, разгромленный дивизией «Карл Маркс», также был восстановлен вскоре после нападения. По воспоминаниям одного из его бывших участников, после реорганизации он был «точно таким же, как раньше»⁹⁶.

Заключение

Преобразование сельского хозяйства в соответствии с анархической доктриной на большей части Арагона в первый год Гражданской войны, безусловно, являлось одним из важнейших достижений испанских анархистов. Среди коллективов, созданных анархистами, наблюдалось значительное разнообразие, но определённые черты, по-видимому, были для них общими.

Представляется универсальным правилом, что арагонские сельские коллективы принимали принцип оплаты по потребностям, а не по результатам труда. Судя по всему, что во всех коллективах работа выполнялась группами или бригадами приблизительно по десять человек, с выборными делегатами во главе. Окончательные решения в каждом коллективе принимало общее собрание, которое состояло из всех взрослых членов коллектива и большинстве случаев проводилось на удивление часто. Каждый коллектив имел правление, избиравшееся на собрании, которое направляло работу коллектива, но должно было регулярно отчитываться перед членами. Члены правлений, по-видимому, могли быть отозваны в любой момент, хотя свидетельства не говорят о том, что подобные случаи были частыми. Наконец, все коллективы, очевидно, обменивались излишками своей продукции с другими коллективами, а также со сторонними организациями, обычно через свою комаркальную федерацию.

Не столь всеобщим, но тем не менее распространённым был отказ от использования денег Испанской республики для расчётов внутри коллектива, хотя во многих случаях даже те коллективы, которые отменили официальные платёжные средства для внутренних целей, должны были использовать их, когда вели дела со сторонними организациями или комаркальной федерацией. Эквиваленты денег варьировались, от внутренних денежных знаков, созданных коллективом, до системы нормирования в чистом виде и даже, по крайней мере в немногих случаях, свободного распределения, когда члены коллектива просто приходили в кооперативный магазин и бесплатно получали то, что им было нужно.

Много внимания уделялось организации школьного образования или, если оно уже существовало, его расширению. Примером во многих случаях служили «свободные школы» Франсиско Феррера. Другие культурные учреждения, особенно библиотеки, также получили распространение в коллективах. В большинстве случаев коллективы также стремились обеспечить своим членам бесплатное лечение, либо на месте, либо обращаясь к услугам врачей и больниц в близлежащих городах.

С чисто экономической точки зрения, данные говорят о том, что коллективисты с большим усердием строили мелкие предприятия, чтобы перерабатывать свою продукцию или производить товары для коллектива или комаркальной федерации. Также они занимались проведением электрических и телефонных линий, строительством и улучшением дорог, строительством новых сельскохозяйственных сооружений, таких как зернохранилища, свинарники, коровники и т.п.

Возможно, самым выдающимся из несельскохозяйственных предприятий коллективов была добыча бурого угля, начатая коллективом Андорры в провинции Теруэль. Запасы угля в этой местности были разведаны задолго до Гражданской войны, но геологи объявили их непригодными для разработки. Однако, по причине сложности – и впоследствии

невозможности – получения угля из Астурии, в Каталонии возникла его нехватка, и стала неотложной необходимостью задействовать новые ресурсы, имевшиеся под рукой.

Коллектив Андорры взял на себя инициативу и в ноябре 1936 г. открыл в окрестностях шахту с помощью семи опытных шахтёров, нанятых специально для этой цели. Крестьяне Андорры составили бóльшую часть рабочей силы. Они вырыли шахту глубиной 50 метров с тремя галереями. Единственными их инструментами были кирки и лопаты, хотя для откачки воды использовался насос с моторным приводом. В итоге шахта давала в среднем 30 тонн угля в день. Гастон Леваль отмечал: «Благодаря этому работали многие фабрики Каталонии»⁹⁷.

Имеющиеся данные, по-видимому, указывают на то, что по своей производительности коллективы не уступали крестьянским хозяйствам, существовавшим ранее, а во многих случаях значительно их превосходили. Бруэ и Темим обращают внимание на утверждение анархистов, что «увеличение объёмов производства с 1936 по 1937 год составляло от 30 до 50%»⁹⁸. Коллективы, несомненно, внесли существенный вклад в обеспечение продовольствием войск на Арагонском фронте и в меньшей (но всё же значительной) степени Мадрида во время его осады, а также помогали снабжать города Каталонии и Леванта.

Сами арагонские анархисты нередко упоминали о том, что критики обвиняли их в попытках построить Утопию. Конечно, до определённой степени это было верно. Мы должны сделать вывод, что хотя их начинания и не давали достаточных доказательств того, что их представления о справедливости и равенстве в сельском обществе были осуществимы в длительной перспективе, в то же время год с небольшим опыта либертарного коммунизма в Арагоне не является окончательным доказательством обратного.

14. Сельские коллективы в Леванте

После Гражданской войны анархисты были склонны вспоминать аграрные коллективы Леванта как свой самый успешный эксперимент в сельском хозяйстве. Некоторые иностранные анархисты, лично наблюдавшие революционные инициативы НКТ на селе в разных частях республиканской Испании, соглашались с этой оценкой. Так, французский анархист Гастон Леваль писал: «По нашему мнению, именно в Леванте – благодаря его естественным богатствам и творческому духу наших товарищей – работа сельскохозяйственных коллективов осуществлялась наиболее широко и успешно»¹.

Не может быть сомнений в том, что число сельских коллективов, находившихся под началом НКТ, увеличивалось в течение большей части войны. Также верно то, что они в целом поддерживали хорошие отношения со своими коллегами из Всеобщего союза трудящихся, который в данной части страны оставался под контролем сторонников Франсиско Ларго Кабальеро. Аналогично, федерации сельских союзов НКТ и ВСТ в течение всей войны стремились организовать аграрную экономику региона таким образом, который больше всего отвечал условиям войны. Наконец, в первые полтора года войны две профсоюзные организации проделали заслуживающую внимания работу по организации экспорта цитрусов и других продуктов, которые позволяли обеспечить иностранной валютой республиканский режим, находивший в стеснённом положении.

Однако следует признать и то, что анархисты недооценивали всю серьёзность длительного конфликта между аграрными коллективами и мелкими и средними собственниками, составлявшими большинство сельского населения в регионе, особенно в трёх валенсийских провинциях, и коммунисты быстро извлекли пользу из этого конфликта. Кроме того, анархисты значительно преувеличивали, и в то время и впоследствии, свои успехи в преодолении серьёзных недостатков коллективов, включая чрезвычайную узость кругозора, низкий культурный уровень участников и частое непонимание философии и природы организуемых ими коллективных хозяйств.

Довоенная ситуация в сельской местности Леванта

Область, которую испанские анархисты обозначали как Левант, включала в себя три провинции, иногда называемые Валенсийской Страной, – саму Валенсию, Кастельон-де-ла-Плану и Аликанте, а также провинции Мурсия и Альбасете, к югу и западу соответственно.

До войны ситуация в сельском хозяйстве этого региона значительно отличалась от той, что была в других частях Испании, таких как Андалусия, Эстремадура и Кастилия.

Для Валенсийского региона, в частности, не были характерны латифундии. Крупные поместья (более 100 га) занимали лишь четверть обрабатываемой земли в трёх валенсийских провинциях, тогда как владения размером до 10 га составляли 51,35% земли, а владения от 10 до 100 га занимали 24,12%. Мелкие собственники составляли 56% сельского населения, средние – 27%, крупные – только 16%².

Доктор Боск Санчес подводит итог следующим образом: «...В сельской местности Валенсии преобладала мелкая и средняя собственность, а не крупная; значительную часть прибрежной зоны охватывало интенсивное товарное садоводство и овощеводство, которое требовало специализации крестьянства, и до гражданской войны здесь никогда не ставился всерьёз вопрос об аграрной реформе, которая существенным образом изменила бы структуру собственности»³.

Отчасти из-за такой модели землевладения в регионе, у НКТ в начале Гражданской войны «не было специфически аграрной профсоюзной организации в Валенсийской Стране, и её организационная слабость в сельской местности бросалась в глаза»⁴. Напротив, согласно доктору Боск Санчес, «Федерация земледельцев (ВСТ) консолидировалась в период Республики, и, по-видимому, она во время войны оставалась крупнейшей крестьянской организацией» Валенсийского региона⁵. По данным одного коммунистического источника, федерация ВСТ в трёх валенсийских провинциях насчитывала около 80 тысяч членов, в сравнении с 30 тысячами в федерации НКТ⁶. Другой коммунист, Хесус Эрнандес, утверждал, что к началу войны федерация ВСТ имела 30 тысяч членов, из которых 8 тысяч шли за коммунистами, в НКТ входило около 8 тысяч сельскохозяйственных рабочих, Региональная федерация арендаторов, «находившаяся под влиянием Коммунистической партии», насчитывала 3,5 тысячи членов, а католическая Валенсийская федерация сельскохозяйственных синдикатов имела «более 30 200 сторонников»⁷.

С более чем трёхмиллионным населением, эта часть Испании почти весь год была залита светом, имела субтропический климат и была одной из самых богатых областей сельскохозяйственного производства на полуострове. Она специализировалась на выращивании цитрусов, риса и овощей, и значительная часть продукции выращивалась на поливных землях, освоенных ещё во времена мусульманского владычества. После захвата других важных сельскохозяйственных регионов мятежниками в начале войны средиземноморское побережье приобрело особенно большое экономическое значение для Республики, так как оно не только кормило армию и население лоялистской зоны, но и занималось экспортом, обеспечивая приток иностранной валюты.

С политической точки зрения, в регионе были представлены различные течения. Две географические части региона, более холмистая западная и приморская восточная, расходились в своих предпочтениях. В первой, где преобладали зажиточные фермеры, долгое время господствовало карлистское, или традиционалистское, движение, но к 1930-м гг. оно в основном было вытеснено республиканскими партиями, у НКТ и ВСТ также появились сторонники⁸.

На побережье широкой поддержкой пользовалась Партия автономистского республиканского союза (ПУРА), консервативная, но выступавшая за региональную автономию. С ней соперничали две главные республиканские партии, «Левые республиканцы» и Республиканский союз, а также социалисты в городах. Партии Народного фронта поддерживали идею автономии Валенсийского региона на тех же принципах, что были установлены для Каталонии. И действительно, в июле 1936 г., перед самым началом Гражданской войны, республиканские партии разработали проект регионального Устава автономии⁹. Вскоре после начала войны НКТ также составила аналогичный документ¹⁰.

Захваты земли в начале войны

С началом Гражданской войны профсоюзные организации и новые революционные власти Валенсийского региона и соседних провинций конфисковали значительное количество земли. Они были изъяты главным образом у двух групп: крупных землевладельцев и людей, проявивших симпатии к мятежникам. В трёх валенсийских провинциях было конфисковано 289 418 гектаров, что составляло 13,18% от общей площади земельных владений в регионе.

Была значительная разница в количестве земли, конфискованной в разных провинциях. В Аликанте, к примеру, было захвачено 18,94% довоенных владений, в то время как в Кастельоне – только 5,53%, а в Валенсии – 14,89%. В Альбасете, где доля крупных поместий была значительно выше, было захвачено 33,35% земли¹¹. У меня нет данных по Мурсии.

Эта конфискация имела большое значение для сельских коллективов НКТ и ВСТ, поскольку они создавались главным образом на захваченных землях. Доктор Боск Санчес, которой удалось детально исследовать 87 коллективов Валенсийского региона, отмечает, что в 93% случаев коллективы были созданы на земле, захваченной в начале войны, в 3% случаев объединённые коллективы НКТ-ВСТ занимали и конфискованную землю, и землю, ранее принадлежавшую членам коллективов, и только в 2% коллективы пользовались только той землёй, которая принадлежала сформировавшим их крестьянам¹². Также она подсчитала, что коллективы были организованы на 31,58% из 13,18% земли, конфискованной в трёх провинциях Валенсийской Страны¹³.

Распространение сельских организаций НКТ

В революционной атмосфере, возникшей после подавления мятежа в Левантийском регионе, организации НКТ быстро распространялись в сельских районах. Анархисты вскоре осознали необходимость создания федерации своих сельских групп. Как следствие, 18–20 сентября 1936 г. в Валенсии был проведён первый региональный крестьянский конгресс НКТ. Утверждалось, что на нём присутствовало 146 делегаций, представлявших 41 347 членов.

Конгресс принял решение о создании Региональной федерации крестьян Леванта (Federación Regional de Campesinos de Levante). В её состав вошли организации НКТ из трёх валенсийских провинций, а также из Альбасете и Мурсии. Сельским союзам было предложено сформировать комаркальные федерации, а также пять провинциальных.

Учредительный конгресс РФКЛ сформулировал основы аграрной политики анархистов в регионе. Он выступил за обобществление земли, которая была захвачена, но в то же время поддержал право мелких собственников «обрабатывать землю, которую они могут обработать своими руками, пока это не создаёт препятствий или затруднений надлежащему развитию коллективизированных единиц». Эта резолюция прошла не без сопротивления. Некоторые делегаты доказывали, что «уважать мелкого собственника – это слабое место в нашей позиции, потому что это семя может размножиться», и предлагали, «чтобы каждое поселение действовало исходя из собственных возможностей»¹⁴.

В дальнейшем проходили и другие конгрессы РФКЛ на комаркальном, провинциальном и региональном уровнях. Так, региональный крестьянский пленум, прошедший в декабре 1936 г., призывал к более энергичному проведению революции в сельской местности¹⁵.

К июню 1937 г., по данным анархического ежедневника «Социальная кузница», было создано 23 комаркальных федерации РФКЛ в провинции Валенсия, по восемь в Аликанте и Кастельоне, десять в Мурсии и четыре в Альбасете¹⁶. Однако в это время лидерам РФКЛ уже стало ясно, что внутри федерации необходимо создать отдельную организацию для коллективов, входящих в неё. Вследствие этого II конгресс РФКЛ, проходивший в ноябре 1937 г., призвал коллективы создавать свои собственные комаркальные федерации¹⁷.

Первоначальная организация коллективов

В революционной эйфории начала Гражданской войны, НКТ и ВСТ приступили к организации сельских коллективов. Однако наблюдалось большое разнообразие в характере и организации этих коллективов, особенно тех, что были сформированы НКТ.

Одну крайность представляли собой Педральба и Бугарра в комарке Кампо-де-Турия в Валенсии, где «на общем собрании люди решили провести всеобщую коллективизацию. Земля, магазины, мастерские перешли в заведование комитета, деньги были отменены, и флаг НКТ развевался над зданием муниципального совета»¹⁸. С другой стороны, во многих местах, напротив, ничего не изменилось, «собственники продолжали обрабатывать свою землю и продавать урожай тем же частным торговцам»¹⁹.

Не всех анархистов удовлетворял либертарный коммунизм коллектива Педральбы. Теренс М. Смит цитирует критический отзыв союза работников коммунального хозяйства НКТ Валенсии, опубликованный в издании ВСТ «Корреспонденция Валенсии» в конце сентября 1936 г. В нём говорится:

«Либертарный коммунизм не будет напоминать монастырь или казарму, при нём будет не скудость, а изобилие». Далее расписывалась нехватка потребительских товаров и сырья для текстильной фабрики, которая также входила в коллектив Педральбы. Делался вывод, что, «когда либертарный коммунизм навязан людям силой, они будут саботировать его сколько могут, скрытно конечно же». Критика заканчивалась утверждением, что «Педральба, сообщество с высокой производительностью, превратилась в потребителя»²⁰.

Между установлением либертарного коммунизма и сохранением статус-кво существовал широкий диапазон решений. Д-р Аурора Боск Санчес отмечает:

“ «В некоторых поселениях НКТ не получила контроля над конфискованной землёй, в других – получила лишь над небольшим количеством, а когда организация НКТ получала землю, местные лидеры и активисты не имели представления о том, чем является коллектив. Если же им удавалось инициировать коллективизацию, то она различалась от случая к случаю, в одних коллективах дела шли хорошо, в других – нет, и организация НКТ не имела реального контроля над ними»²¹.

Несомненно, в первые месяцы войны крестьяне вступали в коллективы по многим мотивам. Сразу после начала войны основной причиной была срочная необходимость уборки урожая. Война вспыхнула как раз перед сезоном жатвы, и нужно было безотлагательно убрать урожай на землях, оставленных их владельцами. Некоторые коллективы наверняка были организованы именно с этой целью.

Во многих других случаях создание коллективов отражало идеологическую ориентацию вовлечённых крестьян. Я уже описывал «полную коллективизацию», проведённую в Педральбе и Бугарре, двух сёлах, где анархисты провозглашали либертарный коммунизм ещё во время неудачного восстания НКТ в январе 1933 г.²² В пяти провинциях Леванта было много других поселений, где крестьяне, создававшие коллективы, сходным образом исходили из идейных мотивов. Д-р Боск Санчес приводит объяснение лидеров одного коллектива:

“ «19 июля 36-го мы, рабочие люди, верили, что настал час полного освобождения, и естественно, мы начали проводить в Каудете-де-лас-Фуэнтесе нашу экономическую революцию»²³.

Однако д-р Боск Санчес предполагает, что существовали и другие факторы, побуждавшие вступать в коллективы на первом этапе Гражданской войны:

«...Трудно представить, что эти разнообразные мотивы добровольного присоединения к коллективу влияли на выбор тех, кто не испытывали крайней нужды и не разделяли коллективистскую идеологию профсоюзов, но, по крайней мере в начале войны, массово вступали в некоторые коллективы НКТ. В этих случаях, скорее, террор или просто необходимость обеспечить своё существование заставляли их вступать в коллектив, поскольку НКТ, политически доминировавшая в поселении, конфисковывала землю, лошадей и урожай, организовывала снабжение и распределяла все продукты. Кто мог рискнуть остаться вне коллектива?»²⁴

Редактор анархического ежедневника «Социальная кузница» в Валенсии признал, что одной из самых сложных задач для региональных лидеров НКТ в первый период конфликта было удержать излишне рьяных сэнэтистов от обобществления земли мелких владельцев, верных Республике. Он несколько раз лично отправлялся в сельскую местность для решения этой проблемы, и по крайней мере однажды его сопровождали гражданские гвардейцы, хотя он убеждал меня, что в его намерения не входило отдавать им приказ действовать. После обсуждения крестьяне обычно соглашались с его доводами²⁵.

Периодическое издание НКТ в эмиграции было вынуждено раскрыть негативные последствия неумеренного энтузиазма анархических активистов в одном из муниципалитетов левантийской провинции Кастильон, посёлке Алькала-де-Чисверт. После февральских выборов 1936 г. некоторые недовольные сэнэтисты вместе с республиканцами сформировали местное отделение ВСТ. В это же время НКТ восстановила свою организацию, закрытую предыдущей правой администрацией.

19 июля, когда началась гражданская война, в посёлке прошла облава на «реакционеров». «К несчастью и вопреки протестам умеренных, был предпринят захват фабрик, земель и зданий, с целью их коллективизации». Фабрики немедленно были введены в работу, экспроприированная земля составляла половину от общего количества, и все здания в городе были муниципализированы. Революционный комитет «из представителей всех антифашистских секторов» заменил собой муниципальный совет. Коллектив был официально образован в январе 1937 г. на собрании 2 000 человек, включая ухэтистов, но требование ВСТ, чтобы ему позволили распределить землю между своими членами в индивидуальном порядке, было отклонено НКТ, которая, судя по всему, имела преобладание.

В июле 1937 г. губернатор Кастильона отправил в Алькала-де-Чиверт штурмовых гвардейцев. Поощряемые стоявшей неподалёку коммунистической милицией, «реакционеры» захватили продовольственный склад коллектива и штаб-квартиру «Либертарной молодёжи». Четыре ведущих члена НКТ были арестованы. В посёлке впервые была образована ячейка Коммунистической партии, по-видимому ухэтистами²⁶.

Распространение коллективов в Леванте

Независимо от того, какими мотивами первоначально руководствовали крестьяне, вступая в коллективы, остаётся фактом, что число коллективов в Левантийском регионе продолжало расти бо́льшую часть Гражданской войны. Это подтверждается практически всеми источниками, разногласия возникают лишь по поводу того, сколько именно коллективов было организовано в регионе.

Самую высокую оценку привёл автору Рафаэль Эстебан, бо́льшую часть войны занимавший должность секретаря по статистике и контролю Региональной федерации крестьян Леванта, который утверждал, что в пяти провинциях региона насчитывалось 922 или 932 коллектива²⁷.

Гастон Леваль, лично посетивший многие коллективы Леванта, заявлял в своей книге «Либертарные коллективы в Испании» (1972), что в регионе было 900 коллективов²⁸. Однако в своей более ранней работе «Ни Франко, ни Сталина» (1969) он писал: «На конгрессе Федерации крестьян Леванта (21–23 ноября 1937 г.) были представлены 430 организованных коллективов. Через пять месяцев их стало 500». Он добавляет, что коллективы имелись в 43% «поселений» Левантийского региона²⁹.

Ограничиваясь тремя валенсийскими провинциями, доктор Боск Санчес подчитала, что в регионе было 264 сельских коллектива НКТ. Кроме того, было 69 коллективов, контролировавшихся ВСТ, и ещё 20 совместно организованных НКТ и ВСТ³⁰.

Известно, что количество сельских коллективов увеличивалось с весны 1937 г. до конца этого года, несмотря на то, что в этот период они подвергались нападкам (о которых мы будем говорить далее) со стороны Коммунистической партии и испытывали на себе враждебное отношение правительства доктора Негрина. Этот факт, по-видимому, свидетельствует о добровольном характере большинства коллективов, сложившихся к концу 1937 г.

Согласно доктору Боск Санчес, если в марте 1937 г. РФКЛ насчитывала в своём составе 84 коллектива, то к августу она сообщала о 180 зарегистрированных коллективах, 130 проходивших процедуру регистрации и ещё 230 находившихся «в процессе формирования» во всём Левантийском регионе; в ноябре же, по сообщениям РФКЛ, в ней было 340 зарегистрированных коллективов и ещё 75 ожидавших регистрации. Также в Валенсийском регионе произошло увеличение числа коллективов, связанных с ВСТ³¹.

По данным Теренса М. Смита, в марте 1937 г. в Федерации крестьян состояло 84 коллектива, а к октябрю 1937 г. около 360 коллективов прошли регистрацию. К апрелю 1938 г. здесь насчитывалось 437 коллективов, 135 из которых ещё не были легализованы³².

Характеристика коллективов НКТ

Существовали большие различия в организации и функционировании аграрных коллективов НКТ Левантийского региона. Бернабэ Эстебан, бывший секретарь провинциальной федерации РФКЛ в Аликанте, говорил мне, что среди них были хорошие и неважные, некоторыми из них руководили люди, не имевшие соответствующего образования, а некоторые даже эксплуатировались теми, кто их возглавлял. Однако в целом он приходил к выводу, что аграрные коллективы НКТ в Леванте действовали довольно успешно в тех сложных условиях³³.

Вероятно, одним из наиболее выдающихся был коллектив Альфара-дель-Патриарки в провинции Валенсия. Местные крестьяне организовали коллектив одними из первых в регионе. Во время мятежа им посчастливилось схватить в посёлке одного высокопоставленного чиновника из армейской службы снабжения (интендантства). Он симпатизировал мятежникам, но тем не менее работал с руководителями коллектива, помогая им наладить делопроизводство. Он верно служил коллективу в течение всей войны, а после её окончания вновь занял должность в армии (франкистской).

С помощью этого офицера руководители коллектива Альфара-дель-Патриарки быстро создали разветвлённую систему учёта. Они разработали формуляры, позволявшие отчитываться о разных сторонах деятельности коллектива и в дальнейшем использовавшиеся многими другими коллективами региона³⁴.

Противоположный пример представлял собой коллектив Алькоя в провинции Аликанте. Он управлялся комитетом, члены которого стали продавать урожай коллектива по собственному усмотрению; кроме того, у них образовалась большая задолженность перед Министерством сельского хозяйства, которую они не могли или не хотели погасить. Получив жалобы от членов коллектива Алькоя, секретарь Аликантийской федерации РФКЛ, вместе с местным представителем Института аграрной реформы, прибыл для расследования ситуации. На собрании членов коллектива секретарь федерации посоветовал всем сознательным сэнэтистам немедленно выйти из этого коллектива и сформировать другой. Когда это было сделано, новый коллектив НКТ вскоре смог выплатить свою часть долга министерству, и до конца войны он продолжал работать в более или менее нормальном порядке³⁵.

Гастон Леваль обобщил наблюдения об организации коллективов в Леванте следующим образом:

“Почти всегда коллективы создавались по инициативе крестьянских союзов данной местности, но вскоре становились автономными организациями. Сохранялся лишь внешний контакт с союзом, который служил связующим звеном между коллективистами и индивидуалистами. Фактически последние приносили свои продукты для обмена на другие,

так что на практике их изоляция размывалась в среде синдиката, который отныне должен был иметь организацию, соответствующую новой ситуации...

Внутри него [синдиката] создавались комиссии по рисоводству, апельсинам и овощеводству. Коллектив непосредственно также имел свой магазин и свои комиссии; но позднее это ненужное дублирование было устранено; магазины были объединены; комиссии объединяли как коллективистов, так и индивидуалистов, зарегистрированных в синдикате. Иногда создавались смешанные комиссии, например для приобретения машин, семян, удобрений, инсектицидов, ветеринарных препаратов и др. Все использовали одни и те же грузовики»³⁶.

Сельские коллективы Леванта начинали с различных систем оплаты труда. Однако к концу войны общераспространённой стала оплата по количеству членов в семье. Это, разумеется, соответствовало идейным установкам НКТ³⁷.

Поумистский лидер Вилебальдо Солано описал работу одного коллектива в провинции Валенсия, в котором участвовали его родители и который был добровольно организован группой мелких собственников. В коллективе, говорил он, фактически были отменены деньги для внутреннего использования, каждая семья обеспечивалась продовольствием и всем нужным для жизни, и ей давалось столько денег, сколько требовалось для покупки абсолютно необходимых товаров за пределами коллектива. Работу выполняли сообща, и коллектив продавал продукцию. По воспоминаниям Солано, коллектив был «счастливым», и когда он беседовал с женщинами, которым было по шестьдесят и больше, те решительно защищали недавно образованный коллектив, говоря, что при нём местное хозяйство поставлено лучше, ведётся успешнее, а доход делится более справедливо³⁸. Согласно Вальтеру Бернеккеру, отмена республиканских денег получила широкое распространение в коллективах региона: «В значительной части левантийских коллективов... денежное обращение либо было отменено, либо стало играть второстепенную роль, вследствие введения местных денег или чеков с одновременным укреплением практики натурального обмена, или бартера. Менее чем в половине коллективов (31 из 75) обнаруживаются признаки того, что денежное обращение сохранилось»³⁹.

РФКЛ требовала от своих коллективов принимать единообразные уставы. Так, секция консультации и статистики, докладывала в ноябре 1937 г. конгрессу РФКЛ:

“ «Чтобы не допустить беспорядка, вызванного разными уставами в каждом коллективе, что значительно затруднило бы сбор данных о развитии каждого из них и их нормах, вследствие их многообразия, не говоря уже, само собой, об угрозе того, что Министерство труда не утвердит их, возникла необходимость подготовить примерный Устав для всех коллективов. Этот Устав теперь имеют все создаваемые и все ожидающие

регистрации коллективы; Устав не во всём совпадает с желаниями организации – к чему это отрицать? – но только он может получить одобрение в свете существующего социального закона, вдохновлённого исключительно марксистскими доктринами»⁴⁰.

Вероятно, более или менее типичным был устав коллектива Алькорисы. Он включал десять статей, описывавших собственность коллектива, порядок её использования, членство в коллективе, процедуры вступления и выхода, роль административного совета, функции общего собрания, «права и обязанности коллективистов», условия роспуска коллектива (только если его численность станет меньше десяти членов) и то, как поступить с собственностью коллектива в случае его роспуска.

Следует прокомментировать некоторые положения устава. Новые члены принимались общим собранием после подачи заявления. Предусматривалось три способа выхода из коллектива: обоснованный добровольный, необоснованный добровольный и исключение; в последних двух случаях выходящий участник терял свою долю в имуществе коллектива. По поводу прав и обязанностей говорилось, что «член коллектива будет обязан отдавать все свои силы и способности на благо последнего» и что «члены коллектива будут иметь право получать от коллектива то, в чём они нуждаются, соответственно его возможностям»⁴¹.

При всём этом, отнюдь нельзя считать, что все сельские жители, входившие в НКТ в Левантийском регионе, хотели состоять в коллективах; некоторые делали выбор в пользу личной собственности. Франц Боркенау отмечал во время своей поездки по этим краям в августе 1936 г.:

“ «В посёлке Силья несколько членов местного комитета в моём присутствии начали спорить с моими компаньонами из региональной организации анархистов по этому поводу; они не только считали само собой разумеющимся то, что крестьянская земля должна остаться нетронутой, они считали, что даже экспроприированную землю казнённых фашистов следует не коллективизировать, а распределять между крестьянами...»⁴²

Согласно д-ру Боск Санчес, в этой ситуации у руководства РФКЛ «не было выбора, кроме как признать в августе 1937 г., что, наряду с коллективами, в крестьянском союзе имеются “общественные промысловые, производственные и потребительские кооперативы и кооперативные магазины, обслуживающие тех, кто ведут жизнь мелких собственников”». Позднее, на II конгрессе РФКЛ в ноябре 1937 г., была принята резолюция, предписывавшая «сформировать кооперативы, которые будут охватывать обе формы организации труда, хотя во многих случаях это просто подтверждение фактической ситуации». Д-р Боск Санчес считает, что эта резолюция «представляла собой значительный шаг в сторону большей гибкости и реализма в организации НКТ, что нашло своё отражение во многих конкретных решениях, весьма далёких от либертарной ортодоксии»⁴³.

Инициативы коллективов в области образования

Коллективы НКТ в Левантийском регионе получили особенную известность благодаря своим образовательным инициативам. Вальтер Бернеккер отмечает, что к 1938 г. все коллективы Леванта имели свои школы: «Программы общей и технической подготовки для юношей и взрослых способствовали повышению общего уровня образования сельского населения. Одновременно они добились максимально полного образования для детей»⁴⁴.

Один человек, который ребёнком провёл большую часть войны в коллективе Торреагуэры в Мурсии, где его дедушка был секретарём, вспоминал о достижениях и проблемах местного образования. Все дети ходили в школу, тогда как до войны многие родители не могли позволить себе отказаться от той небольшой прибавки к семейному доходу, которую приносила работа детей. Когда коллектив гарантировал каждой семье соответствующее содержание, у них больше не было причин не пускать детей в школу.

Однако, по мере продолжения войны, коллектив столкнулся с серьёзной нехваткой рабочей силы, так как большая часть молодёжи ушла на военную службу. Поэтому возникла необходимость использовать детский труд во время сбора апельсинов и винограда. Их отправляли на работу по очереди, некоторые дети не ходили в школу, работая каждый день. Всем детям выдали равную зарплату, независимо от того, сколько времени они провели на работе⁴⁵.

Озабоченность коллективистов образованием детей нашла отражение в уставе коллектива Хативы в провинции Валенсия. Статья 21 гласила: «Ни один ребёнок не может быть отправлен на работу до достижения четырнадцати лет, и они будут обязаны ходить в школу с шести лет. Ответственность за отсутствующих будут нести родители или учителя, и за пропуск занятий без уважительной причины с них будет удерживаться дневная плата, то есть шесть песет»⁴⁶.

Это положение неукоснительно соблюдалось на практике. В распоряжение школы были предоставлены три здания и ещё одно, где дети могли оставаться после занятий под наблюдением взрослых, пока их родители не вернутся с работы⁴⁷.

Деятельность Региональной федерации крестьян Леванта

Региональная федерация крестьян Леванта, созданная через несколько недель после начала Гражданской войны, сыграла ведущую роль в аграрном коллективистском движении НКТ в Левантийском регионе. Она стремилась установить среди коллективов единообразные процедуры работы, а также предоставляла им широкий спектр услуг. Одновременно она

занималась продажей и распределением продукции коллективов – и других крестьян, входивших в НКТ, – как внутри страны, так и за её пределами.

По плану, РФКЛ должна была находиться на вершине организационной пирамиды: в основе её лежали местные синдикаты и коллективы, которые объединялись в федерации в каждой комарке, далее в федерации в каждой из пяти провинций и, наконец, в региональную федерацию. Гастон Леваль говорит, что было создано 54 комаркальных федерации и пять провинциальных⁴⁸.

Однако есть доказательства того, что формирование комаркальных федераций проходило не так гладко, как надеялась РФКЛ, что заставляет усомниться в сообщаемых Левалем цифрах. Резолюция регионального пленума крестьянских комаркальных организаций, состоявшегося в сентябре 1937 г., гласила: «Мы сказали, и это правда, что создано много крестьянских комаркальных групп, но также верно и то, что многие из этих групп работают с большой нерегулярностью, так как не произошло разделения функций между крестьянской организацией и остальной частью конфедерации... Там, где комаркальные крестьянские федерации ещё не созданы, их следует срочно организовать, и решения об их функционировании должны быть проведены на практике»⁴⁹. Д-р Боск Санчес утверждает, что ей удалось найти доказательства существования лишь четырёх комаркальных федераций, созданных в трёх валенсийских провинциях⁵⁰.

Провинциальные федерации, с другой стороны, функционировали более или менее эффективно. Например, в Аликанте провинциальная федерация держала 20 бухгалтеров, которые следили за финансовой ситуацией в коллективах провинции⁵¹.

Предполагалось, что РФКЛ будет проводить конгрессы ежегодно, фактически их прошло два, в сентябре 1936 г. и ноябре 1937 г. На каждом из них избирался региональный комитет, который направлял деятельность федерации. Согласно Левалю, региональный комитет имел 26 технических секций, заведовавших производством основных продуктов региона, а также вопросами транспорта, техники, импорта и экспорта, строительства и здравоохранения и образования⁵².

В аппарате РФКЛ имелся большой штат бухгалтеров, которые обрабатывали финансовые отчёты коллективов НКТ. Федерация пыталась отслеживать работу коллективов, и если замечали, что какой-нибудь из них испытывает трудности, туда отправляли сотрудника для выяснения обстоятельств. Этот человек мог предложить изменения в организации коллектива или методах бухгалтерского учёта, мог предложить, чтобы федерация нашла для него нового бухгалтера. Однако функции федерации оставались строго консультативными. Согласно Рафаэлю Эстебану, она никогда не принуждала коллектив принять её предложения, поскольку это противоречило бы принципам НКТ⁵³.

Федерация также стремилась помочь тем коллективам, которые были самыми слабыми в финансовом или экономическом отношении. РФКЛ ставила своей целью выровнять экономический уровень всех коллективов, насколько это было возможно. В рамках этой политики федерация первоначально предложила учредить синдикальный банк. Однако национальный и региональный комитеты НКТ отклонили эту идею, посчитав, что она идёт

вразрез с принципами анархо-синдикализма. Вместо этого федерация создала Компенсационную кассу аграрных коллективов (Caja de Compensación de Colectividades Agrarias). Более обеспеченным коллективам полагалось сдавать свободные средства в эту кассу, из которой выдавались значительные суммы более бедным коллективам, на приобретение семенного материала, техники и покрытие других издержек. Эти ссуды обычно не возвращались, и фактически в большинстве случаев никто не ожидал, что они будут возвращены. Никаких процентов не взималось⁵⁴.

Проявления солидарности были и среди самих коллективов. Однажды Рафаэль Эстебан, в качестве секретаря по статистике и контролю РФКЛ, посетил коллектив Полинья-де-Хукара в провинции Валенсия, относительно преуспевающее объединение 800 семей. В то время в окрестностях создавались два новых коллектива, у которых земля была гораздо беднее и которым не хватало многих ресурсов для начала работы. Как вспоминал много лет спустя Эстебан, когда он сказал руководителям Полинья-де-Хукара, что федерация окажет новым коллективам финансовую помощь, те восприняли это чуть ли не как личное оскорбление и заявили, что они сами в состоянии помочь своим соседям. Федерация, конечно же, с радостью позволила им это сделать, и организация Полинья-де-Хукара действительно помогла наладить работу этих двух коллективов⁵⁵.

Однако есть свидетельства того, что не все богатые коллективы демонстрировали такую же солидарность со своими соседями, что и в Полинья-де-Хукаре. Орасио Прието, выступая на экономическом конгрессе НКТ в Валенсии в январе 1938 г., критически отзывался о «постоянном эгоизме рабочих, управляющих коллективом». Также, валенсийская анархическая газета «Социальная кузница» в августе 1938 г. жаловалась, что «коллективы до настоящего времени, несмотря на их очевидный успех, были автономными экономическими образованиями, предоставленные каждый сам себе. Если земля была плодородна, коллектив был богат. Если, напротив, земля была бедной, коллектив существовал в условиях крайней нищеты»⁵⁶.

Ещё одной задачей Региональной федерации крестьян Леванта было улучшение подготовки административных кадров, ведущих дела коллективов. Для этого РФКЛ образовала «институты» в каждой из пяти провинций, где секретари, бухгалтеры и другие специалисты проходили краткий курс подготовки⁵⁷.

Первая из этих школ была создана в октябре 1937 г. в бывшем женском монастыре. Из 120 желающих в состав слушателей было зачислено 100. От них требовалось умение читать и писать, знание арифметики и основ культуры. Все студенты-мужчины должны были быть старше 30 лет и, таким образом, не попадать под призыв на военную службу. Эта школа могла дать слушателям достаточную подготовку, чтобы занимать должность секретаря коллектива, в течение одного месяца. Выпускники были нарасхват у коллективов федерации⁵⁸.

Кроме того, было создано два «университета» для членов коллективов, один в Валенсии (университет Монеада), другой в Мадриде. Студенты отбирались из лучших выпускников институтов, и многие были детьми руководителей коллективов. Студенты посещали университет в течение года. В каждом университете одновременно обучалось по 200

человек обоих полов. Им преподавался обширный курс различных сельскохозяйственных предметов. Каждое утро они работали в опытном хозяйстве, прикреплённом к каждому университету, закрепляя полученные знания на практике. Днём у них были теоретические занятия в аудиториях. Хотя упор делался на изучении сельского хозяйства и бухгалтерского учёта, также давалось общекультурное образование. Эти университеты подготовили два выпуска, обучение третьего было прервано в связи с окончанием войны⁵⁹.

В дополнение к программам подготовки бухгалтеров для синдикатов и коллективов, РФКЛ разработала типовую систему бухучёта и требовала, чтобы местные организации использовали её⁶⁰. К ноябрю 1937 г. 60 из 340 коллективов, состоявших в федерации, приняли эту стандартизированную систему⁶¹.

В задачи РФКЛ также входило техническое и технологическое улучшение сельского хозяйства. В региональной и провинциальной организациях и в отдельных коллективах работали многие выдающиеся агрономы, ветеринары и сельскохозяйственные инженеры. Рафаэль Эстебан подтвердил, что эти люди в целом были лояльны и оказывали федерации всевозможное содействие.

Одной из заслуг агрономов федерации была организация опытных хозяйств. Когда агроном предлагал федерации создать экспериментальную ферму в каком-либо районе, РФКЛ обращалась к коллективу, земля которого должна была быть отведена под неё, и просила его о сотрудничестве. Хотя это требование не было обязательным, так как у федерации не было полномочий отдавать приказы, Рафаэль Эстебан говорил, что не было ни одного случая, когда местный коллектив отказался бы сотрудничать с агрономом⁶².

Леваль кратко охарактеризовал основные функции технических специалистов, работавших на разных уровнях коллективной организации:

«Агрономы предлагали необходимые и возможные мероприятия: планы полевых работ, смену культур, которые выращивались при частной собственности и не всегда были лучшим образом приспособлены к геологическим и климатическим условиям. Ветеринар организовывал животноводство на научной основе; в конечном счёте ему приходилось советоваться с агрономом по вопросам доступных ресурсов, и, по согласованию с крестьянскими комиссиями, они приводили земледелие в наилучшее возможное состояние при наличных условиях...

Но ветеринар также консультировался с архитектором и инженером при строительстве коллективных свиноводческих, конюшних и птичников... Благодаря инженерам было проведено множество каналов и артезианских скважин, которые позволяли улучшить орошение земель, нуждавшихся в этом».

Мероприятия по ирригации, как отмечает Леваль, особенно активно проводились в области Мурсии и Картахены⁶³.

Ещё одним нововведением РФКЛ и входивших в неё групп было открытие предприятий для переработки некоторых главных видов сельскохозяйственной продукции региона, таких как

апельсины, картофель, помидоры и другие овощи. Это начинание, по крайней мере отчасти, было вызвано возрастающими трудностями сбыта продукции за границей и сокращением рынков по мере продвижения армий Франко. Согласно Гастону Левалю, основные фабрики апельсиновых концентратов действовали в Оливе и Бурриане, а предприятия по производству овощных консервов были созданы в Мурсии, Альфафаре, Кастельоне и Патерне⁶⁴.

Снабжение вооружённых сил

Региональная федерация крестьян Леванта и входившие в неё организации играли важную роль в обеспечении продовольствием вооружённых сил, особенно армии Центра, дислоцировавшейся в Мадриде, а также самих жителей Мадрида. Рафаэль Эстебан описал, как работала эта система снабжения. Полковник Касадо, командовавший силами Мадридского региона значительную часть войны, звонил Эстебану и говорил ему, к примеру, что он отправил 200 грузовиков забрать продовольствие из Леванта. В свою очередь, Эстебан, у которого была информация о доступных продуктах, сообщал Касадо, сколько грузовиков нужно отправить в определённые коллективы и сколько в Валенсию, где у РФКЛ были вместительные склады. Так водителям не приходилось тратить время и бензин на поездки туда, где запасов продовольствия не было.

Расчёт за продукты, полученные из Леванта, осуществлялся через Федерацию крестьян Центра, действовавшую в Кастилии. Каждый грузовик привозил с собой накладную, в которой указывалось, какие продукты и в каком количестве должны быть получены из такого-то коллектива. Местные коллективы пересылали эти накладные в Валенсию, где региональная федерация составляла на их основании единую ведомость, которую отправляла в Федерацию Центра. Эта организация получала от полковника Касадо деньги и передавала их РФКЛ, которая, в свою очередь, выплачивала стоимость продуктов, предоставленных каждым коллективом⁶⁵.

Проблемы экспорта

Одним из самых интересных аспектов сельскохозяйственной деятельности НКТ Леванта было её участие в экспортных операциях, в годы Гражданской войны приносивших Республике значительную часть иностранной валюты. Основными экспортными продуктами были репчатый лук, цитрусовые и рис, хотя последний в основном сбывался внутри страны.

После краха государственной власти и дезорганизации большинства экономических институтов в первые недели войны регион немедленно столкнулся с кризисом лукового экспорта. Мятеж произошёл, когда урожай лука был уже почти собран и готов для вывоза. Однако в условиях воцарившегося хаоса действовавшие ранее каналы сбыта этого очень важного продукта были разрушены.

Это побудило НКТ и ВСТ в данном регионе заняться решением проблем, связанных со сбором и транспортировкой лука. Был образован Координационный комитет

производителей-экспортёров лука НКТ-ВСТ (Comité de Enlace de Productores-Exportadores de Cebollas CNT-UGT)⁶⁶. Он организовал вывоз лука при посредничестве некоторых старых торговых домов, которые долгие годы вели дела с Великобританией. Координационный комитет выплачивал людям, входившим в эти торговые дома, жалование вместо комиссионных, и те на первых порах не возражали. Однако к концу года экспортные агенты стали требовать себе комиссионные, которые они получали до войны. Пока экспортом лука продолжал заниматься Координационный комитет, он отклонял эти требования⁶⁷.

Теренс М. Смит приходит к выводу, что до вмешательства организации НКТ-ВСТ «первая экспортная кампания революционной Валенсии, луковая, складывалась не лучшим образом... Многочисленные недостатки – дефекты упаковки, смена установленных торговых марок... отсутствие контроля над прибылью, полученной за границей, – стали вескими доводами, которые выдвигали против своих оппонентов сторонники централизованного профсоюзного контроля и политического устранения традиционных экспортёров»⁶⁸.

После смещения правительства Ларго Кабальеро новая администрация Негрина декретом от 12 июня 1937 г. создала Центр экспорта лука (Central de Exportación de Cebolla), заменивший собой Координационный комитет НКТ-ВСТ. Новая организация управлялась административным советом, куда входили три представителя правительства и по одному представителю от РФКЛ, Федерации земледельцев ВСТ и коммунистической Провинциальной крестьянской федерации (ПКФ). Хотя НКТ и ВСТ решительно возражали против создания центра и особенно против представительства в нём ПКФ, в рядах которой, по их словам, «было большинство собственников-эксплуататоров», они не могли ничего сделать, и экспорт лука в следующие два сезона контролировался республиканским правительством (и, в меньшей или большей степени, Коммунистической партией)⁶⁹.

Однако более серьёзной проблемой был экспорт апельсинов, которые являлись главным продуктом региона и основным средством получения валюты. К началу Гражданской войны в этой отрасли существовали Синдикат работников экспортных и смежных предприятий ВСТ и Единый региональный синдикат экспорта фруктов НКТ. После долгих переговоров в конце октября 1936 г. этими двумя союзами был создан КЛУЭА – Объединённый Левантийский совет сельскохозяйственного экспорта (Consejo Levantino Unificado de Exportación Agrícola), как «орган, регулирующий экспорт апельсинов». Министерство промышленности и торговли официально делегировало ему полномочия в этой области.

Этот совет состоял из членов НКТ и ВСТ, представлявших все стадии апельсинового экспорта. В него входили четыре крестьянина, портовый рабочий, два административных служащих, два экспортных техника, банковский работник, два представителя провинциального секретариата, железнодорожный рабочий, водитель грузовика, комиссионер, работник морского транспорта и упаковщик. Председателем совета был делегат Комиссии по сельскому хозяйству, промышленности и торговле Валенсии⁷⁰.

Именно КЛУЭА официально занимался экспортом апельсинов в течение сельскохозяйственного сезона 1936–37 гг. Однако, как отмечает д-р Аурора Боск Санчес, «в апельсиновой кампании 1936–1937 гг. преобладали импровизации»⁷¹. Организовать процесс экспорта оказалось чрезвычайно сложно. Возникали серьёзные проблемы с

местными организациями, которые собирали фрукты и готовили их к транспортировке, с заграничными агентами и с правительством. Также пришлось столкнуться с противодействием Коммунистической партии и её Провинциальной крестьянской федерации.

На некоторых иностранных наблюдателей КЛУЭА произвёл благоприятное впечатление. Так, Франц Боркенау писал в феврале 1937 г.: «С технической стороны, КЛУЭА работает довольно хорошо. Апельсины проданы и вывезены, частично морским путём, хотя, конечно же, не в таком количестве, как в обычные времена. Но КЛУЭА удаётся выполнять свои контракты по поставке апельсинов и расплачиваться наличными за свои собственные покупки за границей. Есть лишь некоторые жалобы по качеству фруктов»⁷².

Органами КЛУЭА на местах являлись КЛУЭФы – объединённые местные советы экспорта фруктов (*consejos locales unificados de exportación de frutas*), которые действовали в 275 населённых пунктах. Д-р Боск Санчес пишет, что «владельцы апельсиновых рощ, коллективы, кооперативы передавали продукцию местному КЛУЭФу, который проводил обработку и упаковывал апельсины, а затем передавал их КЛУЭА для экспорта»⁷³.

Между КЛУЭА и КЛУЭФами возникали серьёзные трения. Согласно д-ру Боск Санчес: «Местные КЛУЭФы пользовались чрезмерной автономией, доходившей до конкуренции с самой экспортной организацией: они напрямую продавали свою продукцию за границу по более низким ценам, вызывая тем самым общее их снижение... Многие КЛУЭФы нанимали рабочих, не имевших опыта сортировки и обработки апельсинов, просто потому, что они были членами одной из двух профорганизаций; результаты были плачевными. Часто происходила путаница при упаковке, перемешивались разные виды апельсинов и различался их вес, на фруктах был наклеен один товарный знак, на коробке – другой»⁷⁴.

В поселениях, где до войны не существовало профсоюзов, «они немедленно были созданы, чтобы взять в свои руки местную власть и контроль над КЛУЭФ». Как отмечает д-р Боск Санчес, «таким образом, в них попадали лица, за которыми не осуществлялось никакого политического контроля. Однако КЛУЭФы нуждались в политически неблагонадёжных людях с правым прошлым... По существу, именно старые торговцы и экспортёры апельсинов стали руководить КЛУЭФами; если же этого не происходило, последствия могли быть плачевными»⁷⁵.

КЛУЭА хорошо знал о недостатках КЛУЭФов. Весной 1937 г. он провёл исследование 53 из них. Выяснилось, что в половине населённых пунктов «аморальность одних членов КЛУЭФов, недостаток культуры и профессиональная несостоятельность других были главными причинами их неэффективной работы»⁷⁶.

У КЛУЭА также имелись серьёзные проблемы на другом конце экспортной цепочки – в странах, где продавались апельсины. С началом Великой депрессии испанский экспорт апельсинов упал с 11 963 кинталей в 1930 г. до 9 098 кинталей в 1934 г.^{76а}. Однако, несмотря на 50-процентное снижение дохода от экспорта апельсинов в 1931–35 гг., они составляли 11,07% общей стоимости экспорта Испании⁷⁷.

Когда началась Гражданская война, Германия, которая ранее была крупным рынком сбыта, оказалась закрыта для республиканской Испании, так как нацистский режим поддерживал Франко⁷⁸. В то же время возникли проблемы с транспортировкой испанских апельсинов во Францию, а в Великобритании они сталкивались с растущей конкуренцией апельсинов из Палестины, Северной и Южной Африки⁷⁹.

Необходимость импровизировать при продажах за границей, как и организация производства и сбора апельсинов в самой Испании, представляла собой серьёзную проблему. КЛУЭА был вынужден использовать в качестве своих агентов многих представителей старых экспортёров в Англии, Франции, Бельгии и Голландии. Очень часто оказывалось, что эти люди сочувствуют мятежникам либо работают недобросовестно и так или иначе наносят ущерб репутации КЛУЭА⁸⁰.

У КЛУЭА также происходили конфликты с республиканским правительством. Оно согласилось выдавать КЛУЭА половину стоимости апельсинов после их погрузки, а вторую половину обещало выплачивать, когда они фактически будут проданы⁸¹. Но на деле правительство сильно задерживало выплату этой второй половины, в результате чего сам КЛУЭА очень поздно выплачивал местным КЛУЭФам компенсацию за предоставленные фрукты⁸².

Наконец, КЛУЭА пришлось столкнуться с серьёзной оппозицией Коммунистической партии и её крестьянской организации в Валенсийском регионе. Хесус Эрнандес в своих тирадах против испанских анархистов, написанных после войны, даёт типичные примеры нападок, которым подвергался КЛУЭА. Он обвиняет КЛУЭА в коррупции, эксплуатации крестьян, сотрудничестве с сочувствующими Франко, использовании средств организации для финансирования ФАИ и даже в продаже апельсинов на сторону Франко⁸³.

Д-р Боск Санчес говорит по поводу кампании коммунистов против КЛУЭА: «Провинциальная крестьянская федерация, поддерживавшая апельсиновые кооперативы, доказывала, что отмена контроля над экспортом и полная свобода торговых марок будут более выгодными экономически. Она также обвиняла КЛУЭА в ограблении крестьян, которым не выплачивалась полная стоимость экспортируемых апельсинов»⁸⁴.

Незадолго до расформирования КЛУЭА, ПКФ выступала с его осуждением: «КЛУЭА и КЛУЭФы привели к случаям насилия, о которых мы все знаем. Естественно, мы не можем думать об использовании этой организации, поскольку фактически это труп»⁸⁵.

Не ограничиваясь критикой КЛУЭА, крестьянская организация коммунистов стремилась подорвать его экономически. Теренс М. Смит отмечает: «Апельсиновые кооперативы, организованные Провинциальной крестьянской федерацией, выступали в качестве конкурентов КЛУЭА, и она пользовалась преимуществами при получении кредитов у Института аграрной реформы и Министерства сельского хозяйства»⁸⁶. Министр сельского хозяйства, конечно, являлся коммунистом.

Но очевидно, что недовольство крестьян экспортным советом далеко не всегда исходило от коммунистической организации. Теренс Смит комментирует: «Враждебность крестьян из

синдикатов НКТ по отношению к централизованной экспортной организации не прекращалась, и система, при которой КЛУЭА первоначально получал только 50% стоимости экспорта, была плохо понята и плохо воспринята»⁸⁷.

Когда КЛУЭА готовился к своему второму экспортному сезону 1937–38 гг., он принял меры по преодолению трудностей и устранению ошибок, с которыми он столкнулся в первый год. Согласно д-ру Боск Санчес, он планировал «прекратить конкуренцию между КЛУЭФами и их независимость, унифицировать торговые марки, введя единую национальную торговую марку, различающуюся по качеству, улучшить транспортировку, использовать более добротную упаковку и особенно проявить внимание к качеству апельсинов, предназначенных для экспорта»⁸⁸.

Упразднение КЛУЭА

Однако КЛУЭА не суждено было провести второй экспортный сезон. 6 сентября 1937 г. правительство Негрина создало СЭА – Центр экспорта цитрусов (Central de Exportación de Agrícos), находившийся в ведении Министерства финансов и экономики. В его функции, согласно декрету, входили «все проблемы сбора, обработки, транспортировки и продажи плодов цитрусовых, а также получаемых из них продуктов, если они предназначены для экспорта».

Ни у НКТ, ни у ВСТ не было прямого представительства в административном совете СЭА. В него входили «представители производителей», избираемые местными сельскохозяйственными комитетами или, где их не было, муниципальными советами⁸⁹. По-видимому, в их числе были сэнэтисты и ухэтисты, но, как отмечает Франк Минц, СЭА находился «под правительственным и коммунистическим контролем»⁹⁰.

В результате учреждения СЭА прекратил свою работу КЛУЭА. Однако РФКЛ и Федерация земледельцев ВСТ «продолжали работать как ещё одна экспортная организация в рамках государственной структуры»⁹¹. Гастон Леваль утверждает, что синдикаты и коллективы НКТ в Леванте экспортировали 51% процент цитрусовых, вывезенных из региона в годы войны⁹². Это подтверждает и Вальтер Бернеккер⁹³.

Доктор Боск Санчес подводит итоги упразднения КЛУЭА: «...Создание СЭА не только положило конец профсоюзной коллективизации апельсинового экспорта, но также включило в сферу государственного регулирования основные сельскохозяйственные продукты Валенсии и, самое главное, завершило стадию, когда профсоюзы доминировали в ключевых аспектах валенсийской экономики. Было очевидно, что и в области сельскохозяйственного экспорта победа в дискуссии “война-революция/революция-война” осталась за центральным правительством и Коммунистической партией»⁹⁴.

Однако полем соперничества между сельскими группами анархистов и социалистов, с одной стороны, и коммунистов – с другой были не только экспортные культуры, лук и апельсины. То же происходило и с рисом, который по большей части потреблялся внутри Испании. Коммунистическая партия, как сообщали, контролировала 90% производства риса в

регионе⁹⁵. По словам Франка Минца: «Федерация рисовых синдикатов (Federación Sindical del Arroz) была прокоммунистической и пользовалась политическими привилегиями»⁹⁶. На крестьянском пленуме НКТ Леванта секретарь Регионального комитета «выступал по вопросу риса и сообщил, что Военная комиссия, делая закупки по более высокой цене в Федерации рисовых синдикатов, не приобретала рис у нас, хотя мы предлагали более выгодные условия...» Противостояние зашло настолько далеко, что рисоводы в окрестностях Сильи отказались торговать с коллективом НКТ, который покупал рис по 60 песет за кинталь, и продали его Федерации рисовых синдикатов, которая платила 4097.

Некоторые синдикаты НКТ присоединились к рисовой федерации⁹⁸. На втором пленуме региональной крестьянской федерации НКТ в декабре 1936 г. председательствующий говорил: «Невозможно понять, как могут члены НКТ состоять в организациях вроде Федерации рисоводческих синдикатов, нашего противника, который противостоит нам, распространяя пораженчество»⁹⁹.

Отношения НКТ и ВСТ в сельском Леванте

В целом отношения между НКТ и ВСТ в сельских районах Левантийского региона оставались хорошими на протяжении большей части Гражданской войны. Как уже было отмечено, существовало много сельских коллективов, которые являлись совместными предприятиями НКТ-ВСТ, и в начале войны анархические профессиональные организации сотрудничали с социалистическими, создавая общерегиональные органы сельскохозяйственного экспорта.

Причина такого довольно тесного сотрудничества заключалась в том, что две организации в большей или меньшей степени разделяли одну и ту же точку зрения на войну. ВСТ в большинстве районов Леванта контролировалась социалистами, принадлежавшими к фракции Ларго Кабальеро, и они разделяли с анархистами убеждение, что победа в войне и победа революции неразделимы, что они не могут произойти одна без другой. Что касается аграрного вопроса, то Испанская федерация земледельцев (ФЭТТ) ВСТ, как и сельская федерация НКТ, была убеждённой сторонницей коллективизации сельского хозяйства, по крайней мере в перспективе. С другой стороны, им приходилось, тем или другим способом, находить компромисс между коллективами и теми крестьянами, в их собственных организациях и вне их, которые хотели остаться мелкими собственниками.

Конфликты между НКТ и ВСТ в сельском Леванте происходили в основном в тех населённых пунктах, где ВСТ находился в руках Коммунистической партии, хотя порой разногласия возникали и при других обстоятельствах.

Как и РФКЛ, социалистическая ФЭТТ столкнулась с проблемой того, что многие из её членов предпочитали оставаться мелкими землевладельцами, а не вступать в коллективы. В самом начале войны ФЭТТ перестроила свою структуру так, чтобы сделать это возможным, не раскалывая ряды организации.

Метод объединения единоличников и коллективистов в рамках одной федерации заключался в создании так называемых многоосновных кооперативов (cooperativas de base múltiple). Доктор Боск Санчес отмечает: «Многие синдикаты... в этот период не ограничивались созданием кооперативов, а шли дальше в осуществлении аграрной политики ФЭТТ, формируя секции коллективистов внутри многоосновных кооперативов или, в продолжение тенденции первых дней войны, создавая совместные коллективы с РФКЛ-НКТ...»¹⁰⁰

Один из конфликтов между местными сельскими группами НКТ и ВСТ произошёл в Аликанте. В некоторых частях этой провинции ВСТ находился под влиянием коммунистов. Хотя они согласились объединиться с местными союзами НКТ, чтобы сформировать на захваченной земле совместные коллективы, они добились того, чтобы было заключено соглашение с представителями Института аграрной реформы на местах: в обмен на финансовую помощь, необходимую для начала работы, коллективы позволяли институту заниматься реализацией их урожая.

Однако, когда Бернабе Эстебан стал провинциальным секретарём РФКЛ Аликанте в июле 1937 г., он взял курс на выход сэнэтистов из совместных коллективов НКТ-ВСТ. Он потребовал от сторонников НКТ покинуть эти организации и, с помощью РФКЛ, нашёл средства для того, чтобы анархисты выплатили Институту аграрной реформы свою часть долга бывших совместных коллективов. В итоге у НКТ появилось около 60 коллективов в провинции Аликанте, из которых более 20 были образованы в результате разделения коллективов НКТ-ВСТ¹⁰¹.

Доктор Боск Санчес также упоминает два случая в провинции Валенсия, в городах Кульера и Каркахенте, когда крестьяне вышли из коллективов НКТ и создавали конкурирующие организации ВСТ. В обоих случаях крестьяне, имевшие относительно немного земли, были принуждены к вступлению в коллективы, и когда им представилась возможность, они ушли из последних, чтобы сформировать синдикаты ВСТ¹⁰². Теренс М. Смит также обращает внимание на плохие отношения между НКТ и ВСТ в городе Олива, той же провинции, которые он объясняет тем фактом, что «оба союза предлагали установить свою разновидность революционного социализма в контролируемых ими районах»¹⁰³.

Эти случаи разногласий между местными группами НКТ и ВСТ являлись очевидными исключениями, подтверждающими правило. Сельские профессиональные организации анархистов и социалистов тесно сотрудничали в Левантийском легионе в течение всей Гражданской войны.

Отношения между сельскими и городскими организациями НКТ в Леванте

Отношения сельских союзов и коллективов НКТ Леванта с их городскими соратниками не всегда складывались гладко. Это имело несколько причин.

С одной стороны, крестьян возмущали меры, которые принимали анархисты и другие прореспубликанские элементы в городах, особенно в начале войны, чтобы обеспечить продовольственное снабжение городских районов. В течение тех двух недель, когда гарнизоны Валенсии и других городов оставались «нейтральными» и де-факто создавались новые революционные власти, нормальное функционирование экономики было нарушено. В связи с чрезвычайным положением новые революционные органы, в которых анархисты играли важную роль, конфисковывали склады и магазины с продовольствием, чтобы распределить его среди населения. Наряду с этим, НКТ и ВСТ отправили в близлежащие сельские районы отряды, которые реквизируют продовольствие, вместо платы оставляя своего рода расписки, где говорилось, что профсоюз, берущий продукты, со временем заплатит за них.

Подобные меры вызывали у многих крестьян негодование. Не довольствуясь этим, некоторые принципиальные анархисты стремились установить с помощью этих расписок систему бартерного обмена между крестьянскими и рабочими организациями, действующую на более или менее постоянной основе. Эта идея окончательно была отвергнута в сентябре 1936 г., когда местная НКТ в Валенсии осудила систему расписок как средство присвоения «продукта чужого труда»¹⁰⁴.

Крестьяне высказывали и другие претензии. На октябрьском региональном крестьянском пленуме 1936 г. было предложено закрыть «излишние» предприятия, а их рабочих, вместе с безработными, отправить на работу в деревню¹⁰⁵.

С другой стороны, у некоторых городских членов НКТ имелись поводы для недовольства своими сельскими товарищами. Выше уже был описан мрачный взгляд части городских профсоюзных лидеров на крайние меры по установлению либертарного коммунизма в ряде сельских сообществ.

У некоторых городских коллективов были более конкретные жалобы. К примеру, Синдикат газа, воды и электричества был недоволен тем, что многие крестьяне не платили по своим счётам, хотя для трудовых коллективов тарифы за услуги в этой сфере были снижены. В ноябре 1936 г. координационный комитет ВСТ-НКТ этого коллектива опубликовал заявление, где, в частности, говорилось: «Мы также выступаем с осуждением тех многочисленных деревень провинции, которые отказываются оплачивать свои счета за электричество и не позволяют комитетам устанавливать средства контроля, чтобы обеспечить надлежащее обслуживание»¹⁰⁶.

Коммунисты и их Провинциальная крестьянская федерация

В течение всей Гражданской войны коммунисты вели нескончаемую кампанию против сельских коллективов, созданных анархистами и социалистами из фракции Ларго Кабальеро в Левантийском регионе. В этой кампании они использовали все ресурсы, имевшиеся в их распоряжении, включая аппарат Министерства сельского хозяйства, которое с 4 сентября 1936 г. и почти до самого конца войны возглавлялось коммунистом Висенте Урибе, своё растущее влияние в армии и полицейских силах Республики и неофициально поощряемое насилие.

В своей кампании против аграрного коллективизма в Леванте коммунисты могли опереться на значительную поддержку со стороны мелких собственников, которые выступали против коллективизации или боялись её. И действительно, хотя с теоретической точки зрения это может показаться нелогичным, коммунисты стали самыми рьяными защитниками частного землевладения в Левантийском регионе.

Конфликт между мелкими собственниками и коллективами имел реальное значение. Хотя лидеры НКТ недвусмысленно высказывались, что коллективизация мелких владений должна быть исключительно добровольной¹⁰⁷, как уже было отмечено, в первые недели и месяцы войны наблюдались очевидные случаи их принудительной коллективизации.

Даже ведущие фигуры НКТ в регионе признавали важность «индивидуалистических» наклонностей многих крестьян и сельскохозяйственных рабочих. По словам одного из них, Ихинио Нохи Руиса, говорить с валенсийскими крестьянами о коллективизации было всё равно что «говорить с ними по-гречески». Он добавлял, что «планом большинства [наших] сторонников в Испанском Леванте был раздел» захваченной земли между крестьянами¹⁰⁸.

В Леванте, как и в других частях республиканской Испании, коммунисты воспринимали декрет Висенте Урибе от 7 октября 1936 г. как инструмент защиты мелких и средних земельных собственников и стремились применять его соответствующим образом. По утверждению коммунистического крестьянского лидера Хулио Матеу, факты были таковы, что, «когда начался мятеж, в первые моменты смятения, ни одна организация, кроме Коммунистической партии, не отважилась провозгласить уважение к мелкому собственнику»¹⁰⁹.

Вскоре после издания декрета от 7 октября 1936 г. Коммунистическая партия в Валенсии решила усилить свои позиции в сельской местности, организовав под своим началом Провинциальную крестьянскую федерацию (Federación Provincial Campesina). ПКФ объявила своей целью «объединить все общества, синдикаты, сельскохозяйственные кооперативы и организации бедных крестьян, арендаторов, издольщиков и мелких собственников, и вообще всех, кто обрабатывает землю своими руками и руками членов своей семьи»¹¹⁰.

Провинциальная крестьянская федерация была основана 18 октября 1936 г. активистами Коммунистической партии, но также пользовалась поддержкой республиканских партий региона, в значительной степени опиравшихся на мелких сельских хозяев. При учреждении ПКФ было объявлено, что в неё входят 68 крестьянских обществ. Через несколько месяцев ПКФ насчитывала 230 «крестьянских секций» наряду с 80 кооперативами, и в ней было более 50 000 членов¹¹¹.

Организации, присоединившиеся к ПКФ, в общем шли не за коммунистами. До июля 1936 г. они по большей части входили в объединение католических сельскохозяйственных союзов, организованных падре Висенте. Они также были электоральным оплотом Валенсийской региональной правой партии¹¹².

Бернетт Боллотен описал эту ситуацию:

“В богатой апельсинами и рисом провинции Валенсия... где фермеры процветали и до Гражданской войны поддерживали правые организации, по заявлениям официальных лиц, пятьдесят тысяч к марту 1937 г. вступили в Крестьянскую федерацию... “Коммунистическая партия, – жаловался один социалист, – занимается в деревнях собиранием худших остатков бывшей Автономистской партии, которые были не только реакционными, но и безнравственными, и организует этих мелких собственников в новый крестьянский союз, обещая им гарантировать их собственность на землю”. Обеспечивая своих членов удобрениями и семенами, а также кредитами от министерства сельского хозяйства – которое также контролировалось коммунистами, – Крестьянская федерация кроме того служила мощным тормозом сельской коллективизации, проводившейся сельскохозяйственными рабочими провинции. Понятно, что защита, предоставляемая этой организацией, должна была побуждать многих её членов подавать заявления о приёме в Коммунистическую партию»¹¹³.

Нью-йоркская анархическая газета «Испанская революция» отмечала в августе 1937 г.: «В Валенсии... бывший региональный секретарь партии Хиль-Роблеса, наряду с прочими, теперь является членом КП»¹¹⁴.

Само собой, коммунисты должны были обосновать и объяснить то, что их крестьянская организация создаётся на базе групп, которые до начала Гражданской войны были опорой правых в политике Левантийского региона. Висенте Урибе заявлял, что «крестьяне не виноваты в том, что их направляли не лучшим образом, подвергали реакционному влиянию, влиянию клерикализма, поднявшего оружие против Республики», и что коммунисты пытаются превратить их в «прогрессивную демократическую силу», верную республиканскому режиму¹¹⁵.

Лидер Провинциальной крестьянской федерации, коммунист Хулио Матеу, объяснил, что коммунисты, создавая ПКФ, преследовали две цели. С одной стороны, они стремились прекратить «экономическую войну между крестьянами». С другой – они пытались привлечь на сторону Республики «важнейший политический инструмент, который использовали лидеры Региональной правой, чтобы побеждать на выборах». Следовательно, ряды ПКФ должны были быть открыты «для любого крестьянина, работавшего на своей земле, независимо от его политических или религиозных убеждений»¹¹⁶.

Не приходится сомневаться в той важной экономической и политической роли, которую играла ПКФ в борьбе против сельских коллективов в Левантийском регионе. Мы уже отмечали, каким образом они помогали саботировать инициативу НКТ-ВСТ по централизации регионального экспорта апельсинов в рамках КЛУЭА, что в итоге привело к созданию правительственного (и контролируемого коммунистами) СЭА. Согласно д-ру Боск Санчес, к концу зимы 1936/37 гг. НКТ и ВСТ стали рассматривать ПКФ как «главного врага их аграрной политики»¹¹⁷.

Применение насилия против коллективов Леванта

Коммунисты в своём противостоянии коллективизации в Леванте полагались не только на политический и экономический вес крестьян-единоличников, входивших в Провинциальную крестьянскую федерацию. Они использовали своё растущее влияние на испанское республиканское правительство, чтобы задействовать Штурмовую гвардию и другие полицейские силы – а впоследствии и армейские части, – наряду с вооружёнными группами гражданских, для нападений на многие коллективы.

В главе 8 говорилось об участии бойцов из Железной колонны НКТ в защите коллективов Виналесы, Монеады и Альфара-дель-Патриарки, которые были атакованы штурмовыми гвардейцами в начале марта 1937 г. Как отмечает д-р Боск Санчес, эти случаи «были не единичными, и весной 1937 г. многие синдикаты и коллективы жаловались Национальному и Региональному комитетам НКТ на нападения полиции... Министерство внутренних дел, подозревая, что аналогичные выступления могут произойти и в других валенсийских населённых пунктах, где пользовалась влиянием НКТ, провело обыски в синдикатах и коллективах, разыскивая оружие и арестовывая активистов»¹¹⁸.

Гастон Леваль подчеркнул планомерный характер этих действий:

“ «Были запланированы нападения в разных местах. Операция была поручена карабинерам и штурмовым гвардейцам, которые, без сомнения, были тщательно отобраны... Нападение исходило из двух центров (Мурсии и Аликанте)...

Наши товарищи-крестьяне, которые были предупреждены, решили сопротивляться. У них не было бронемашин, но имелись винтовки, пистолеты и два противотанковых орудия, очевидно, предоставленные Железной колонной на Теруэльском фронте... Как и было задумано, звон церковных колоколов передавал предупреждение, и товарищи из сельских центров региона спешили на помощь атакованным городам. Ручных гранат не жалели; два батальона из Железной колонны и два из Конфедеральной

колонны шли с Теруэльского фронта к Сегорбе. Комаркальные федерации Хативы, Каркахенте, Гандии и Суэки объединили свои силы и встали фронтом у Гандии, а федерации Катаррохи, Лирии, Монеады, Патерны и Буррианы встали у Виналесы».

После четырёх или более дней боёв вмешалось национальное руководство НКТ, которому удалось уладить конфликт. Большинство арестованных анархистов были освобождены. Леваль заключает: «Были убитые и раненые, но коллективы не были разрушены; напротив, их количество стало расти ускоренными темпами»¹¹⁹.

Д-р Боск Санчес приводит некоторые примеры таких полицейских облав. В Каркахенте «22 марта прибывшие на двух грузовых и четырёх легковых автомобилях штурмовые гвардейцы установили пулемёт перед штаб-квартирой ФАИ, после чего блокировали все въезды в город, захватили телефон и телеграф и обыскиали дома сэнэтистов, изъяв при этом 200 ружей... Через несколько дней, 26 марта 1937 г., практически то же самое произошло в Бенагуасиле, где Штурмовая гвардия, не найдя оружия в штаб-квартире НКТ, оставила в посёлке 50 или 60 своих человек, чтобы обеспечить организацию муниципального совета, согласно распоряжению губернатора и политических партий...»

В ответ на эти и подобные им события Региональная конфедерация труда Леванта осудила действия Министерства внутренних дел и полиции: «Они разыскивают тех товарищей, которые выполняли и выполняют эту социальную работу по перестройке экономики, и если не арестовывают, то досаждают им, нарушая тем самым нормальное функционирование новых организаций и стараясь вызвать их крах»¹²⁰.

Нападения на коллективы усилились после Майских дней в Барселоне. Однако, как замечает д-р Боск Санчес:

“ «В этой ситуации было очевидно, что незащищённость, беспорядок и деморализация, вызванные этими нападениями в широких слоях республиканского сельского населения, поставили сбор урожая под серьёзную угрозу...» В результате министр сельского хозяйства Висенте Урибе 8 июня 1937 г. издал Декрет о временной легализации сельскохозяйственных коллективов. Этот декрет обещал предоставить коллективам техническую и финансовую помощь, «чтобы они могли успешно и быстро, насколько это возможно, провести сельскохозяйственные работы, приходящиеся на время уборки урожая»¹²¹.

Хотя лидеры НКТ-ВСТ надеялись, что этот декрет даст сигнал по крайней мере к перемирию в войне с коллективами, факты не подтвердили их ожидания. Д-р Боск Санчес отмечает: «Энтузиазм в профсоюзах длился недолго, так как, едва началось лето 37-го, многие коллективы вновь стали жаловаться на аресты их членов и разорение их имущества»¹²².

Нападения продолжались и в конце года, при участии не только полиции, но и неопознанных групп, забиравших урожай и уничтожавших постройки¹²³.

То же самое происходило в 1938 г., хотя нападения в этот период, по выражению д-ра Боск Санчес, стали «более спорадическими». Она также отмечает изменения в характере нападений на коллективы, говоря, что, за редкими исключениями, «коллективы больше не считали своими главными врагами муниципальные советы и Штурмовую гвардию, а видели угрозу своей революционной работе в армейских частях и беженцах, которые массово оседали в поселениях Валенсии»¹²⁴.

Коллективы НКТ делали что могли, защищая себя от этих нападений. По крайней мере иногда они продолжали использовать церковные колокола, чтобы оповестить местных и соседних крестьян о приближении потенциально враждебных сил¹²⁵.

Доктор Боск Санчес приходит к выводу, что «атмосфера преследования, описанная Секцией информации и статистики РКЛ, действительно существовала». Хотя она не утверждает, что ей удалось установить все случаи насилия над коллективами, она располагает более или менее подробной информацией о 42 из них, с весны 1937 г. до конца 1938 г. Её данные относятся только к Валенсийскому региону и не распространяются на Мурсию и Альбасете¹²⁶.

Вопрос о легализации коллективов

По понятным причинам, анархисты вначале не собирались добиваться официального признания своих аграрных коллективов в Леванте или где-либо ещё. С идеологической точки зрения, сама мысль о том, что эти группы должны просить государство о легализации, была для них табу – хотя для социалистов, поскольку коллективы ВСТ также были затронуты, это не было проблемой.

С другой стороны, в первый год Гражданской войны само правительство упорно сопротивлялось легализации коллективов НКТ. Это было видно уже в декрете 7 октября 1936 г., который давал в лучшем случае неопределённые указания по этому вопросу¹²⁷.

Однако после июльского декрета 1937 г., временно признававшего законность сельских коллективов, отношение как правительства, так и НКТ к легализации коллективов стало меняться. Доктор Боск Санчес предполагает, что главными причинами, повлиявшими на изменение позиции коллективов, входивших в Региональную федерацию крестьян Леванта, стали «угроза неполучения экономической помощи и опасность того, что у них могут быть отобраны конфискованные земли».

Так или иначе, после июля 1937 г. РКЛ приняла общее решение о том, чтобы состоящие в ней коллективы подали заявление на регистрацию. Ко второму конгрессу федерации в ноябре 1937 г., как сообщалось, 340 коллективов были официально зарегистрированы и ещё 75 находились в процессе регистрации¹²⁸.

Однако если лидеры РФКЛ думали, что узаконение коллективов правительством даст им защиту от преследований коммунистов и прочих противников, они, конечно же, ошибались. Репрессии против них продолжались до самого окончания войны.

Кризис коллективов в конце войны

Последние месяцы Гражданской войны были отмечены растущими проблемами, разочарованием и во многих случаях распадом сельских коллективов НКТ в Леванте. Прежде всего, этот регион, который в первые два года войны был надёжно укрыт в тылу, больше не находился в безопасности. 14 июня 1938 г. Кастельон, столица одной из валенсийских провинций, был взят силами Франко¹²⁹. Кроме того, последующий раскол Республики на две части значительно увеличил нагрузку на экономику Центра, включая коллективные хозяйства.

Одной из главных проблем, с которыми столкнулись сельские коллективы на последнем этапе войны, была потеря более или менее квалифицированных кадров вследствие мобилизации в теснимую со всех сторон республиканскую армию. Так, совместный коллектив ВСТ-НКТ из Альдемуса в марте 1938 г. просил РФКЛ о помощи в освобождении его бухгалтера от призыва, «потому что, к сожалению, товарищи, которые остаются, неспособны занять его место, потому что они неграмотны». Аналогично, комаркальская федерация крестьян Алькоя в феврале 1938 г. информировала РФКЛ о том, что не может никого послать на курсы подготовки бухгалтеров, потому что «те, кто мог бы пойти, должны срочно отправляться на фронт, и ни один из тех, кто остаётся, не имеет малейшего понятия о счетоводстве»¹³⁰. Согласно доктору Боск Санчес: «Такие проблемы, как отсутствие работников, нехватка удобрений, трудности с транспортом, которые начали возникать в конце 1937 г., в течение 1938 г. стали повседневной нормой для валенсийских коллективов»¹³¹.

Впервые за всё время войны не только прекратилось создание новых коллективов и кооперативов, но и многие созданные прекратили своё существование из-за экономических проблем и нехватки рабочей силы, оккупации их территории вражеской армией или прямого и косвенного саботажа со стороны тех, кто начиная с первых дней войны надеялся на победу Франко. Наметившая тенденция к упадку коллективистского движения резко усилилась в последние три месяца Гражданской войны¹³².

Заключение

Можно не сомневаться в том, что в сельских коллективах Левантийского региона происходил один из самых интересных социально-экономических экспериментов лоялистской Испании во время Гражданской войны. Анархическая Региональная федерация крестьян Леванта не только объединила несколько сотен сельских коллективов в регионе, но также стремилась усовершенствовать их организацию и функционирование, помогала обучать их руководителей и служащих, расширяла их техническое обслуживание. Совместно с организациями, входившими в Федерацию земледельцев ВСТ, анархисты

проделали заслуживающую внимания работу по организации производства, транспортировки и продажи за границей главных экспортных продуктов региона.

Одной из принципиальных проблем, с которыми столкнулись анархисты, была поддержка большинством сельского населения – включая последователей самой НКТ – мелкой собственности, а не коллективного сельского хозяйства. Хотя внутри своей организации им удалось достичь приемлемого компромисса между единоличниками и коллективистами, эта проблема продолжала существовать в региональном масштабе, что позволило Коммунистической партии организовать значительную часть крестьянства против коллективов и НКТ как таковой. Коммунисты также пользовались тем, что большую часть войны должность министра сельского хозяйства занимал один из их общенациональных лидеров – Висенте Урибе. Кроме того, коммунисты использовали своё влияние в правительстве – и за его пределами – чтобы произвести нападения на десятки, если не сотни коллективов. Однако, в конечном счёте, только поражение в войне положило конец аграрному коллективистскому эксперименту анархистов в Леванте.

Франц Минц постарался подвести итоги сельской коллективизации в Леванте:

“Сложно делать какие-либо общие выводы... экспорт апельсинов и риса сталкивался с саботажем. Но разве это не является доказательством экономической жизнеспособности, возможности успеха профсоюзов, если бы те не подвергались постоянным нападениям? В сельской местности существовало в общей сложности четыреста пятьдесят коллективов, что определённо говорит об их важности в этом регионе, многолюдном и оживлённом»¹³³.

Доктор Аурора Боск Санчес также попыталась оценить результаты этого эксперимента. Во-первых, говорит она, «мы знаем по сообщениям синдикатов, что одни коллективы поднимали новые земли, что другие пытались улучшить методы земледелия, что многие строили животноводческие фермы и что значительное большинство из них прилагали все усилия, чтобы поддерживать производство, до конца войны, несмотря на растущие экономические трудности, недостаток удобрений и семян и нехватку рабочей силы»¹³⁴.

Во-вторых, тот же автор отмечает: «Тем слоям бедного валенсийского крестьянства, которые добровольно вступили в коллективы, и убеждённым синдикалистам коллективизация принесла существенные изменения в их жизни. Бесспорно то, что коллективы избавили их от крайней нищеты и вынужденной безработицы, возложили на них непривычную экономическую и политическую ответственность, дали им образование, досуг и те запретные земли, которые были поместьями богачей, и наконец, эти годы остались в их памяти как лучшие в их жизни»¹³⁵.

Мне нечего добавить к этой оценке.

15. Сельские коллективы в Кастилии, Андалусии и Эстремадуре

По своему характеру анархические аграрные коллективы, организованные в Кастилии, Андалусии и Эстремадуре, не имели фундаментальных отличий от аналогичных групп в восточных частях Испании. Однако условия, при которых они возникли, существенно отличались от каталонских, арагонских и левантийских.

Если в земельных отношениях средиземноморских регионов ключевую роль играли мелкие крестьяне-собственники и долгосрочные арендаторы, то Кастилия и Андалусия по преимуществу были регионами латифундий. Крупные поместья здесь имели давнюю историю. И всё же Франц Боркенау, посетивший Кастилию и Андалусию во второй месяц Гражданской войны, отмечал: «Мало сходства можно найти между засеянными пшеницей поместьями средних размеров Кастилии, очевидно феодального происхождения, работники которых несколько поколений назад были крепостными, и необъятными оливковыми латифундиями Андалусии, неизменными в своём укладе с карфагенских и римских времён, безземельный пролетариат которых происходит от рабов и до сих пор ещё сохраняет многие черты рабского населения, беззащитного перед своими хозяевами»¹.

До войны наблюдались также значительные различия в политической и профсоюзной ориентации крестьянства двух регионов. В Кастилии социалисты долгое время пользовались влиянием среди крестьян, и Испанская федерация землевладельцев (ФЭТТ) задолго до 19 июля создала здесь разветвлённую организацию. Однако, как мы увидим, после начала войны в регионе быстро распространилось влияние НКТ.

Хотя бóльшая часть Старой Кастилии сразу же была занята мятежниками, бóльшая часть Новой Кастилии в течение войны оставалась под республиканским контролем. Гастон Леваль отмечает, что «две трети провинций Мадрид, Толедо и Сьюдад-Реаль... и вся провинция Куэнка» оставались в республиканской зоне².

В отличие от Кастилии, Андалусия всегда была одним из главных регионов влияния анархистов в Испании. Джеральд Бренан говорил о распространении анархизма в этих краях в последние десятилетия XIX в.:

«В батрацких бараках, или ганьяни́ас, в уединённых сельских домах апостолы говорили увлечённым слушателям о свободе и равенстве. В городах и деревнях создавались небольшие кружки, которые открывали вечерние школы, где многие учились читать, вели

антирелигиозную пропаганду и часто практиковали вегетарианство и трезвость. Даже табак и кофе некоторыми были объявлены под запретом... Но главной характеристикой андалусского анархизма был его наивный милленаризм. Каждое новое движение или стачка мыслилась как предвестник наступающего века изобилия, когда все – даже Гражданская гвардия и помещики – будут свободными и счастливыми. Теперь уже никто не скажет, когда это произойдёт. Помимо захвата земли (да и то не везде) и сожжения приходской церкви, не было никаких положительных предложений»³.

К несчастью для анархистов – и для Республики – значительная часть Андалусии в начале войны оказалась в руках мятежной армии генерала Кейпо де Льяно.

Захваты земли в феврале – июле 1936 г.

В предреволюционном бурлении, охватившем Испанию после победы Народного фронта на выборах в феврале 1936 г., в Кастилии, Андалусии и Эстремадуре происходили масштабные захваты земли крестьянами и последующая легализация этих захватов Институтом аграрной реформы (ИАР).

5 марта Институт аграрной реформы получил инструкции вернуть крестьянам в определённых провинциях всю землю, которая была отобрана у них в период реакционного правительства 1933–1936 гг. В течение недели, как сообщалось, были удовлетворены требования почти 40 тысяч крестьян. 20 марта ИАР был уполномочен конфисковывать любые поместья, если это было «в интересах общества».

Однако, как отмечает Вальтер Бернеккер: «Параллельно с этим во многих южных провинциях (Севилье, Кáсересе, Бадахóсе), а также в Старой Кастилии, Саламанке и Толедо произошли сотни несанкционированных захватов земли под клич “Да здравствует Республика!”. Захваты эти по большей части были легализованы правительством Асаньи 28 марта...» Он добавляет: «Революционную окраску этой реформе придали не столько меры нового правительства, сколько инициативы крайне левых групп действия, не организованных под чьим-либо руководством... Сельскохозяйственные рабочие и крестьяне захватывали поместья по собственному усмотрению...»⁴

Первоначальное замешательство в сельской Кастилии

С началом Гражданской войны в кастильской сельской округе воцарилось смятение. Большинство крупных землевладельцев стояли на стороне мятежников, и они либо бежали, либо были казнены своими работниками. Их земля была захвачена арендаторами и батраками. Однако они колебались по поводу того, как следует организовать

землевладение после исчезновения их хозяев.

Франц Боркенау, проезжавший по региону примерно через шесть недель после начала войны, сообщал:

“ «Вопрос о земле совершенно не решён, и наибольшую неуверенность испытывают насчёт того, как приступить к его решению. Где вся земля принадлежит одному-двум аристократам, которые ушли к мятежникам, задача относительно проста. Там земля автоматически была экспроприирована и остаётся в руках комитетов и профсоюзов, которые ничего не изменили в способе обработки. Те же руки работают на той же земле, сохраняются прежние границы поместий, выплачивается прежняя зарплата, и единственная разница в том, что она выплачивается уже не управляющим помещика, а комитетами и профсоюзами и что пшеница не продаётся торговцам, а так или иначе делится между деревнями и армией...»⁵

Гастон Леваль также засвидетельствовал это смятение:

“ «...Безотлагательно, во всех деревнях, где господствовала общественная организация прошлых веков, Народный фронт назначил администраторов, которые конфисковали не только землю, но также технику и рабочий скот. Одновременно Всеобщий союз трудящихся назначил административные комитеты, чтобы организовать эксплуатацию экспроприированной земли... Последствия этого наплыва администраторов, лишённых творческой инициативы, были плачевными... Но работа в этой области нуждалась в постоянной инициативе, чтобы соответствовать различным обстоятельствам, которые нельзя было предвидеть из кабинетов, и для крестьян было невыносимо подчиняться людям, ничего не знавшим об их работе. Вместо того чтобы напрячь силы, они сдерживали себя»⁶.

В сложившейся ситуации НКТ, у которой к началу войны было только 8 тысяч членов среди крестьян Кастилии, начала пропагандировать идею создания сельских коллективов. Многие анархисты из Мадрида, где у НКТ уже было крепкое ядро, отправились в сельскую местность, чтобы агитировать за такое решение проблемы, и около тысяч крестьян НКТ из Левантийского региона разошлись по Кастилии с тем же посланием⁷.

Активистов также разослала НКТ Куэки, где у анархистов была сильная организация. Много лет спустя Хуан де Куэнка писал, что «из 298 деревень... составлявших провинцию Куэнка, НКТ была известна лишь в полудюжине...» Напротив, ВСТ имел организации почти в 80 поселениях. Однако, отмечал Хуан де Куэнка, «мы пошли в провинцию, не пропуская ни одного села или деревни, чтобы своими делами и словами заронить либертарное семя, как

обещание нового мира без рабов и хозяев»⁸.

В тех немногих кастильских деревнях, где уже существовала какая-то анархическая традиция, создание коллективов происходило быстрее, чем где-либо ещё в регионе. Так было в Мембрилье, в провинции Сьюдад-Реаль, где к началу войны только НКТ и «Левые республиканцы» имели сторонников.

В Мембрилье и её сельской округе, с общим населением около 8 000 человек, как только было получено сообщение о выступлении мятежников, анархистам удалось организовать всеобщую стачку и собрать рабочих в центре посёлка, где они вскоре одолели горстку фалангистов, пытавшихся захватить данный район. После этого мэр собрал «ответственных политических и профсоюзных деятелей поселения, чтобы обсудить, какое решение может быть найдено в этот неблагоприятный момент, который они переживают». В результате этой встречи действующие муниципальные власти «отказались от всей социально-экономической ответственности в пользу ответственных лиц из Национальной конфедерации труда, которые приняли её в сотрудничестве с “Левыми республиканцами”, поскольку других профсоюзных или партийных организаций не существовало».

Новые лидеры созвали общее народное собрание. В это время «первой необходимостью было продолжить уборку пшеницы и ячменя, которые уже спели... и могли быть потеряны из-за любого изменения погоды». Собрание согласилось с этим и выбрало административный совет из десяти членов НКТ и пяти левых республиканцев. При совете были созданы четыре комиссии – сельского хозяйства, снабжения, жилищного хозяйства и здравоохранения, обороны, – которые организовали практически все стороны жизни поселения.

Так родился коллектив Мембрильи, который просуществовал до окончания войны в марте 1939 г.⁹.

Распространение коллективов в Кастилии

Хотя очевидно, что количество членов НКТ и коллективов быстро выросло в сельской Кастилии за первые недели войны, нет никаких однозначных данных о том, сколько сельскохозяйственных коллективов было в регионе. Гастон Леваля подсчитал, что через год после начала войны НКТ имела 100 000 членов среди сельского населения Кастилии и 200 аграрных коллективов. Он добавляет, что к концу 1937 г. количество коллективов увеличилось до 300¹⁰.

Однако Вальтер Бернеккер пришёл к выводу, что оценки Леваля сильно занижены. Он, по-видимому, принимает оценку в 340 коллективов «в обеих Кастилиях». Основываясь на неполных официальных данных, Бернеккер подсчитал, что в провинции Сьюдад-Реаль был 181 коллектив, из которого 112 контролировал ВСТ, 45 – НКТ, 24 были смешанными, и всего в них входило около 33 200 семей. В Куэнке было 102 коллектива, из которых было 37 ВСТ, 5

НКТ и 60 смешанных, с 4 620 семьями; в Гвадалахаре – около 205 коллективов, 195 из которых относились к ВСТ и только семь к НКТ; в провинции Мадрид было около 76 коллективов, из них 56 ВСТ, 15 НКТ и 5 смешанных; и в провинции Толедо было 100 коллективов, 77 ВСТ и 23 НКТ¹¹.

Лидеры НКТ всегда утверждал, что сельские коллективы в Кастильском регионе были полностью добровольными. Так, Эухенио Криадо, генеральный секретарь Региональной федерации крестьян Центра НКТ, говорил в июле 1937 г.:

“В Кастилии у нас около двухсот тридцати коллективов. Мы не навязывали ни одного из них. Мы их пропагандировали. Мы направляли крестьян воззваниями, лекциями и митингами... Сами крестьяне, без какого-либо принуждения или навязывания, приходили и просили, чтобы мы ориентировали их и прислали активистов, чтобы помочь установить коллективы...”¹²

Сходным образом, писавший много лет спустя в эмигрантском анархическом издании Ф. Креспо отмечал, что, когда был организован коллектив Мембрильи, некрестьянам была предоставлена возможность выбора, присоединиться к нему или нет. Он увидел, что из 122 человек, которым было предложено членство, 86 согласились вступить в коллектив¹³.

Есть все основания считать, что, в противоположность Арагону и даже Леванту, давления НКТ в Кастильском регионе было недостаточно для создания сельских коллективов. В первые недели войны у НКТ было мало последователей в кастильской сельской местности, и её влияние в вооружённых силах здесь отнюдь не было преобладающим, так что в распоряжении анархистов было не так много сил, чтобы заставлять крестьян вступать в коллективы. По-видимому, следует признать, что распространение коллективов НКТ в регионе практически полностью являлось результатом распространения анархических идей среди крестьян и убеждённости последних в преимуществах коллективизации.

Внутренняя организация кастильских коллективов

Устройство коллективов Кастилии не имело заметных отличий от того, что было у коллективов восточных регионов. Гастон Леваль отмечает, что везде были «административная комиссия, избранная собранием всех жителей поселения или собранием коллектива и ответственная перед ним; группы производителей, составленные соответственно половым и возрастным различиям; делегаты групп регулярно собирались, чтобы составить план и скоординировать работу».

Как правило, в административной комиссии были члены, ответственные за определённые задачи, такие как «земледелие, скотоводство, образование, обмен, транспорт, здравоохранение». Однако, говорит Леваль:

“ «В маленьких деревнях и менее значительных коллективах один делегат часто принимал на себя разные функции, почти всегда без отрыва от работы...»¹⁴

Тот факт, что некоторые коллективы были созданы в весьма обширных поместьях, подразумевал, что у них должны быть несколько иная структура, чем в средиземноморских регионах страны. Так, «некоторые владения были столь велики, что со своим штатом работников они образовывали настоящие экономические единицы. Следовательно, отдельно взятый коллектив имел большое значение, а в некоторых муниципалитетах разрозненные коллективы объединялись посредством местного координационного комитета. В других случаях почти весь муниципалитет был коллективизирован и составлял единую организацию, работавшую по многим направлениям»¹⁵.

У анархических коллективов Кастильского региона была развитая иерархия (хотя это слово не понравилось бы анархистам) организаций выше местного или муниципального уровня. На уровне комарки создавалась комаркальная компенсационная касса. Её администраторы избирались общим собранием коллективных делегатов, и Гастон Леваль отмечал, что «каждый коллектив, выдав зарплату... закупив минеральные удобрения, семена, технику, оплатив издержки на школы и здравоохранение, посылал деньги, которые у него оставались» в кассу.

Главной задачей кассы было удовлетворять нужды менее благополучных коллективов. Леваль отмечал, что «ни одна коммуна, пострадавшая от града, засухи или мороза и получившая помощь для преодоления этих капризов природы, не должна была возмещать стоимость того, что было ею получено»¹⁶. Наряду с этим, касса выполняла функцию по распространению опыта. Леваль писал, что она, с помощью техников из комитета Федерации Центра, изучала положение «отдельных коллективов, которые регулярно и непреднамеренно оказывались в убытке», и выискивала способы «устранения этих трудностей, улучшения производительности сельского хозяйства и организации вспомогательных производств»¹⁷.

Каждая комаркальная касса была частью комаркальной крестьянской федерации. Та, в свою очередь, входила в одну из провинциальных крестьянских федераций, а вскоре была создана организация и в масштабах всего региона¹⁸.

Региональная федерация крестьян Центра НКТ

Быстрый рост числа крестьян в рядах НКТ в Кастильском регионе и распространение коллективов под руководством НКТ вскоре сделали необходимым объединение сельских организаций НКТ на региональном уровне. Как следствие, в апреле 1937 г. была образована Региональная федерация крестьян Центра (Federación Regional de Campesinos del Centro). На её учредительном конгрессе в Мадриде, согласно источникам, присутствовало около 480 делегатов, представлявших 87 895 членов.

Учредительный конгресс Региональной федерации выразил желание сотрудничать с Федерацией земледельцев ВСТ в регионе. Вальтер Бернеккер также отмечает:

“Из речей многочисленных участников конгресса было... ясно, что региональная федерация будет заниматься не только экономическими задачами, но и защитой интересов НКТ в борьбе против внутренних политических врагов». Они подчёркивали «полезность регионального объединения коллективов для создания сильной организации, способной к сопротивлению»¹⁹.

В конце октября 1937 г. было решено слить Региональную федерацию крестьян, насчитывавшую на тот момент 97 843 членов, и Синдикат распределения, насчитывавший 12 897 членов. Новая организация стала именоваться Региональной федерацией крестьян и продовольствия Центра (Federación Regional de Campesinos y Alimentación del Centro)²⁰.

Согласно Вальтеру Бернеккеру, региональный комитет федерации «должен был координировать [сельскохозяйственную] экономику региона, собирать статистику производства и потребления и содействовать учреждению коллективов. Создание многочисленных секций на всех уровнях отражало желание федерации организовать коллективы – уважая их внутреннюю автономию – по экономическому критерию, в соответствии с новейшими техническими достижениями... Региональная федерация должна была скоординировать разнородный конгломерат коллективистских экспериментов и оставить врагов НКТ, постоянно говоривших о “хаосе” в коллективах, без каких-либо реальных аргументов»²¹.

Региональная федерация проводила различные мероприятия в своей области. Она создала лаборатории, которые изучали образцы почвы, присланные коллективами, и определяли, какие семена и культуры будут для них наиболее подходящими, какие удобрения следует использовать и как глубоко пахать землю. Секция удобрений федерации занималась приобретением минеральных удобрений, в которых нуждались коллективы.

Периодическое издание федерации «Свободная земля» (Campo Libre), помимо прочего, публиковало «точные указания о методах обработки земли и выращивания злаков, плодовых и овощных культур, винограда, фруктовых деревьев, в соответствии с их сортом, климатом и почвой. Публиковались инструкции о способах борьбы с болезнями, хранении продукции, породах животных, наиболее подходящих для каждого региона, их рациональном кормлении и т.д.»

Гастон Леваль делает вывод, что всё это «повышало техническое образование крестьян, и подобные усилия способствовали быстрой рационализации сельского хозяйства, которому наши инженеры, агрономы, химики и специалисты всех видов отдавали свой энтузиазм»²².

Другой задачей Региональной федерации была помощь коллективам, оказавшимся в неблагоприятных условиях. Так, в течение одного года она потратила 2 миллиона песет на обеспечение бедных коллективов минеральными удобрениями и техникой; эти деньги были выручены за счёт продажи продукции более обеспеченных коллективов²³.

Региональная федерация крестьян, особенно после объединения с Синдикатом продовольственного распределения, была основной организацией, через которую распределялась продукция коллективов НКТ в Кастилии. Гастон Леваль пишет, что к концу 1937 г. людей, приезжавших из Каталонии или Леванта в коллективы НКТ в Кастилии, чтобы приобрести зерно и другие продукты, постоянно направляли в Региональную федерацию в Мадриде, которая занималась подобными вопросами; местные коллективы не желали продавать свою продукцию напрямую²⁴.

Во время войны, по крайней мере некоторое время, член Мадридского городского совета от НКТ отвечал за снабжение города потребительскими товарами, в частности продовольствием. Совет контролировал рынки города, и именно туда коллективы региона отвозили продукты, предназначенные для жителей города²⁵.

Разумеется, у федерации были свои трудности. Они перечислялись в одной из статей «Свободной земли» от 6 ноября 1937 г.:

“ «Проделанная работа была недостаточно производительной из-за недостаточного числа работников, вследствие того, что многие ушли в Народную армию. Хотя эта Федерация стала источником нашего благосостояния, она не получала помощи в необходимом размере. Пока у профсоюзов лежали деньги в банке, они считали, что Федерация должна сама решать свои проблемы. Местная организация НКТ Мадрида, несколько местных союзов и группы милиции помогли материально; но этого недостаточно. Хотя одни союзы богаты, другие бедны; всё ещё не существует достаточной солидарности, и Федерация практически неспособна помочь им... Следует также обратить внимание на препятствия, которые поставило государство на пути развития коллективов...»

Отношения с ВСТ

Отношения между сельскими союзами и коллективами НКТ и ВСТ в Кастильском регионе оставались дружественными в течение всей войны. Гастон Леваль отмечает:

«Федерация земледельцев, составлявшая часть ВСТ, также поддерживала коллективизацию»²⁶. Говоря о провинции Куэнка, Хуан де Куэнка также писал: «Пакт между НКТ и ВСТ улаживал наши разногласия, позволял избежать конфликтов и поощрял коллективные эксперименты во многих деревнях провинции»²⁷.

Пакт, о котором говорит Хуан де Куэнка, был подписан НКТ и ВСТ в этой провинции в марте 1937 г. Его преамбула гласила:

“ «Ввиду постоянных разногласий, которые возникали в деревнях между членами ВСТ и НКТ по поводу проблем, порождённых Революцией, ответственные лица обеих организаций в этой провинции, собравшиеся, чтобы рассмотреть и решить эти проблемы, согласились совместно принять следующие нормы для ведения работы и совместного существования в деревнях провинции, где обе организации имеют представителей и отделения».

Пакт включал в себя 21 пункт, определявший, как должны организовываться и управлять коллективы. Предусматривалось создание в каждом коллективе административного совета, «избираемого коллективом на собрании и с равным числом членов от каждой организации». Каждый коллектив должен быть организован в группы, согласно выполняемой работе, и каждая группа должна избирать делегата, который каждый день должен встречаться с административным советом, чтобы запланировать работу на следующий день.

Пакт провозглашал, что делегаты «будут стараться, используя все средства побуждения, чтобы работа была сделана с максимальной эффективностью, поддерживая единство и нравственность и обучая своих товарищей тем работам, к которым они не были подготовлены ранее». Делегаты не могут никого наказывать, а только выносят обвинения в неподобающем поведении на собрание, «и уже оно должно будет принять окончательное решение».

Соглашение предусматривало, что каждый рабочий «авансом» будет получать установленный размер заработной платы и ещё по 28 сентимо на каждого несовершеннолетнего ребёнка. Обмен продуктов на местах должен осуществляться через кооператив в каждом коллективе. Доходы, оставшиеся после погашения издержек и выплаты авансов, будут разделены «следующим образом: 25 процентов на образование, ещё 25 процентов на приобретение и улучшение рабочих материалов и оставшиеся 50 процентов останутся на пользу всех коллективистов, если они одобряют это на собрании».

Пункт 20 гласил:

«Взаимное уважение неизменно должно отличать отношения между коллективистами, ввиду того, что коллектив создан для совместной работы ради благосостояния всех. Следовательно, любой коллективист, который пытается оскорбить другого, даже если тот человек не коллективист, или пытается присвоить доходы, которые ему не причитаются, прежде всего будет наказан и, если это произойдёт снова, будет исключён, потеряет все права, которые он мог приобрести, и не сможет потребовать назад ничего, что он мог внести в коллектив...»²⁸

Отношения с Институтом аграрной реформы

Многие из сельских коллективов НКТ в Кастильском регионе старались иметь как можно меньше дел с правительственным Институтом аграрной реформы (ИАР). Это было понятно, не только потому, что анархисты вообще испытывали неприязнь к отношениям с правительством, но и потому, что с сентября 1936 г. министром сельского хозяйства, в подчинении которого находился ИАР, был член ЦК коммунистов Висенте Урибе, враг крестьянских коллективов.

Хуан де Куэнка отмечал, что в провинции Куэнка коллективы ВСТ часто обращались к ИАР за финансовой помощью, необходимой им для сбора урожая и приобретения оборудования. В обеспечение кредитов, выданных институтом, коллективы должны были заложить свой урожай и даже в некоторых случаях передать ему контроль над землёй.

Коллективы НКТ стремились избежать этого. Согласно Хуану де Куэнке: «Ни один из наших коллективов или административных советов не нуждался в том, чтобы закладывать свой урожай или просить [Институт] аграрной реформы о чём-либо, что даст ему право совать свой нос в экономику коллектива. Совсем наоборот, они увеличивали и развивали земледельческое и скотоводческое богатство благодаря высокому духу труда и самопожертвования. Фронты питались молодёжью, в то время как старики, женщины и даже дети выполняли с энтузиазмом все задания, какими бы трудными они ни были»²⁹.

Однако были случаи, когда и коллективы НКТ в Кастильском регионе получали помощь от Института аграрной реформы. К примеру, коллектив Торихи в провинции Гвадалахара, созданный в марте 1937 г., получил заём в 7 000 песет от НКТ и 25 000 песет от ИАР. К октябрю он вернул институту свой долг в виде 99 242 кг пшеницы, которые, как сообщали, стоили 33 590 песет³⁰.

Примеры успешных коллективов НКТ

В Кастилии имелись коллективы НКТ, которые функционировали не очень хорошо и не добились успеха, и, как мы видели, одной из функций Федерации крестьян Центра было оказывать помощь таким коллективам.

Легко понять, что сэнэтисты не давали широкой огласки тем коллективам, которые были отстающими. Однако они, и в то время, и впоследствии, предоставляли подробную информацию о тех сельских коллективах, которые были преуспевающими. Стоит посмотреть на некоторые из них.

Выше уже упоминалось о создании коллектива Мембрильи в провинции Сьюдад-Реаль в самом начале войны. Это был один из крупнейших анархических коллективов Испании, в который изначально вошло около тысячи членов. Он также был одним из самых успешных, как в экономическом, так и в социальном плане.

Одним из первых решений коллектива Мембрильи было снести все изгороди, разделявшие частные землевладения. Имея тракторы, пять больших плугов и другой инвентарь, коллективисты стали сеять, выращивать и убирать различные культуры, в первую очередь пшеницу, ячмень, виноград и шафран. В коллективе также имелись гипсовые залежи, и около пятидесяти рабочих (вместо двенадцати в прошлом) занимались добычей и измельчением гипса. Он стал одним из важнейших продуктов для обмена.

Производство при коллективе значительно увеличилось. Вина в 1937 году было получено в полтора раза больше, чем в предыдущем. Также увеличился урожай злаковых и плодово-овощных культур. Но самое впечатляющее увеличение наблюдалось в производстве шафрана, который стал главным источником доходов коллектива.

Коллектив Мембрильи построил и модернизировал несколько промышленных предприятий. Была вновь открыта скотобойня, на которой в 1937 г. разделали тысячу овец. Были открыты фабрика альпаргатас (традиционные испанские сандалии) и сапожная мастерская. Начали работать установка по перегонке вина, ремонтная мастерская, мельница и завод по изготовлению шафрановой эссенции.

Коллектив Мембрильи обменивал излишки своих продуктов на товары извне, в которых он нуждался. После создания Федерации крестьян Центра НКТ эти операции проводились через неё.

Кроме того, коллектив Мембрильи разместил у себя значительное число беженцев из Андалусии и принял их в свои члены. Как сообщалось, лишь 32% из этих 2 000 беженцев были в трудоспособном возрасте.

Члены коллектива Мембрильи, вероятно, больше всего гордились своей культурной работой. Коллектив открыл не только общеобразовательную, но также художественную и профессиональную школы. Материалы для занятий были приобретены в Мадриде и Барселоне; учащиеся и преподаватели из Мадрида и Валенсии неоднократно приезжали посмотреть на работу этих школ, которые стали образцом для анархических учебных заведений. Помимо этого, действовал атеней, группа образования взрослых, где часто проводились лекции и дискуссии по политическим, экономическим и профсоюзным

вопросам.

Печальным эпилогом к истории коллектива Мембрильи стало то, что после окончания войны 146 его членов были расстреляны победителями³¹.

Другой коллектив, которым гордились анархисты, находился в Бриуэге, которая оказалась в самом центре сражения за Гвадалахару в марте 1937 г. Коллектив Бриуэги пережил эти бои, в которых многие из его членов принимали участие.

Коллектив Бриуэги был создан в сентябре 1936 г. 125 семьями, общей численностью 600 человек. Он принял во владение крупные поместья, охватывающие 1 900 фанег (1 227 га) в муниципалитете Бриуэга, тогда как 1 400 фанег (904 га) осталось в руках мелких собственников, некоторые из которых бежали из Бриуэги вместе с отступающими итальянскими войсками в марте 1937 г. Коллектив производил пшеницу, ячмень, овёс, бобы, картофель, оливки, мёд, различные фрукты и орехи.

Вновь созданный коллектив испытывал недостаток в деньгах. Однако с экспроприированной земли вскоре был собран урожай пшеницы, который продали хлебопекарному кооперативу в Мадриде, управляемому совместно НКТ и ВСТ, что позволило коллективу приобрести первоначальный капитал.

Коллектив Бриуэги, очевидно, не стремился к установлению либертарного коммунизма. Членам продолжали платить «зарплату», пять песет в день супружеской паре и дополнительно 75 сентимо на каждого ребёнка (хотя большинство детей эвакуировали во время сражения при Гвадалахаре). Зарплата выплачивалась даже в те дни, когда не выполнялось никакой работы. Был организован муниципальный кооператив, где все жители – коллективисты и мелкие фермеры – покупали товары за деньги.

Коллектив Бриуэги имел мельницу, электростанцию, а также текстильную и шоколадную фабрики. Кроме того, у него вначале было три прессы для отжима оливкового масла, но они были уничтожены вражеской бомбардировкой.

Десять мест в муниципальном совете Бриуэги были поровну разделены между НКТ и ВСТ, который в этом районе контролировала Коммунистическая партия.

В селе также размещалась Комаркальная федерация крестьян Бриуэги. В неё, наряду с коллективом Бриуэги, входило ещё 13 коллективов комарки³².

Конечно, одним из самых успешных коллективов НКТ был тот, что возник в крупном поместье Миралькампо, ранее принадлежавшем графу Романонес, в провинции Гвадалахара. Он занимал площадь в 12 квадратных километров вдоль реки Энарес и выращивал зерновые, дыни, кормовые травы и виноград. В коллективе было около 600 человек.

Коллектив Миралькампо постоянно расширял свою деятельность. К концу войны он держал 41 молочную корову, 200 синей и большую пекарню, которая обеспечивала его членов хлебом. Когда стало невозможно получать мыло из Валенсии, как это обычно делалось, в

коллективе Миралькампо было установлено оборудование для его производства.

Самым масштабным из осуществлённых проектов стал отвод русла реки Энарес, которая пересекала территорию коллектива и часто, выходя из берегов, затопляла ценные угодья. Эта работа была выполнена с помощью инженера, присланного Федерацией крестьян Центра и обошлась в полмиллиона песет; часть стоимости, очевидно, была оплачена федерацией.

В коллективе Миралькампо произошло значительное увеличение продукции. Например, производство пшеницы более чем удвоилось с 1936 по 1937 г., урожай ячменя увеличился в четыре раза, а вина в новом сезоне получили на 50% больше.

Доходы членов коллектива также заметно выросли. Зарплата повысилась с 4 песет в день до 15, «плюс право на жильё, освещение и топливо, лекарства и услуги врача». Наконец, в конце каждого года часть прибыли от операций коллектива поровну делилась между семьями.

Однако некоторые излишки средств коллектива были переданы Региональной федерации крестьян. Кроме того, коллектив Миралькампо регулярно снабжал больницы Мадрида бесплатными фруктами и прочим продовольствием, а также молоком. Время от времени он также делал дополнительные пожертвования, как, например, зимой 1937 г., когда в Мадриде не хватало хлеба и в течение двух дней и ночей грузовики из столицы приезжали за пшеницей в Миралькампо³³.

Когда граф Романонес вернулся после окончания войны, он был удовлетворён тем, как вёл хозяйство коллектив, и заступился за некоторых его бывших членов, которые преследовались режимом Франко³⁴.

Другой коллектив, который назывался Мадридским, был создан в предместьях столицы, куда ещё доходили трамваи, и большую часть войны находился недалеко от передовой. Этот коллектив включал в себя около 260 работников, которые провели обширную ирригационную систему, наполнив её водами реки, которая никогда ранее не использовалась для этого, что обошлось примерно в 100 тысяч песет. Члены коллектива также потратили 100 тысяч песет на семена и удобрения в сельскохозяйственный сезон 1937/38 гг.

Этот коллектив занимался выращиванием овощей. Большая часть продукции продавалась самим коллективом, куда приезжали закупаться солдаты с фронта и жители города. Коллектив также напрямую поставлял продукцию в коллективизированные рестораны столицы и Комитет по регулированию отелей.

Рабочие коллектива перед войной получали около 6 песет в день. Вскоре после создания коллектива ежедневный доход его членов поднялся до 8,5 песет и к декабрю 1937 г. составил 12 песет. Кроме того, коллектив на оптовой основе покупал рис, картофель, растительное масло и мыло, которые в равных пропорциях распределялись между его членами³⁵.

Оппозиция коммунистов коллективам в Кастилии

Как и в других частях республиканской Испании, коммунисты были наиболее решительными и безжалостными противниками сельских коллективов в Кастильском регионе. В то же самое время, когда они предпринимали нападения на коллективы в Леванте, сталинисты стремились подорвать и разрушить их в Кастилии.

В апреле 1937 г. Мариано Васкес, национальный секретарь НКТ, публично обвинил коммунистов в том, что они «убили десятки анархо-синдикалистов в провинции Толедо». В июле того же года генеральный секретарь Федерации крестьян Центра утверждал: «Мы вели жестокие бои с коммунистами, особенно с бригадами и дивизиями под их контролем, которые убили наших лучших крестьянских активистов и беспощадно уничтожили наши коллективные хозяйства и наш урожай, выращенный с бесконечными жертвами»³⁶.

Сесар Лоренсо описал некоторые детали операции коммунистических войск в Кастилии против коллективов: «Предводитель коммунистических партизан “Эль Кампесино” сеял террор в области Толедо и Сьюдад-Реаля. В свирепости он превосходил Листера; были истреблены сотни крестьян-коллективистов, опустошены поля, сожжены дома. НКТ была вынуждена пригрозить ему смертью и отправкой войск для противостояния ему, чтобы положить конец кровавым бесчинствам»³⁷.

Бернетт Боллотен также прокомментировал эту ситуацию: «Эти нападения на коллективы неизбежно должны были оказать неблагоприятное воздействие на сельскую экономику и мораль, поскольку, хотя верно то, что в некоторых районах коллективизация была для большинства крестьян анафемой, не менее верно и то, что в других коллективные хозяйства были стихийно организованы основной массой крестьянского населения. В провинции Толедо, например, где ещё до войны существовали сельские коллективы, 83% крестьян, согласно близкому к коммунистам источнику, приняли решение в пользу коллективной обработки земли»³⁸.

Распространение сельских коллективов в Андалусии

Частью Андалусии, которая оставалась под наиболее прочным контролем республиканцев в течение всей Гражданской войны, была провинция Хаэн, где до войны ведущей силой были скорее социалисты, а не анархо-синдикалисты. Большая часть Альмерии также оставалась в руках лоялистов, как и части провинций Гранада и Кордова. Однако западные области Андалусского региона (Кадис и Севилья), где влияние анархистов было наиболее сильным в течение длительного времени, быстро были захвачены войсками генералов Кейпо де Льяно и Франко.

Это, возможно, помогает объяснить, почему анархические авторы, как во время войны, так и впоследствии, уделяли в своих рассуждениях мало внимания коллективам НКТ в Андалусии, в противоположность подробным описаниям таких коллективов в Арагоне, Леванте, Кастилии и даже Каталонии.

Однако, несмотря на это молчание, в регионе, разумеется, существовало много сельских коллективов НКТ. Как и в других частях республиканской Испании, оценки количества коллективов и числа их членов сильно различаются. Как отмечает Вальтер Бернеккер, утверждение Антонио Росадо, секретаря Региональной федерации крестьян, о том, что в Андалусии было 600 коллективов, сделано «без указания источников этой цифры»³⁹. Сам Бернеккер, основываясь на неполных официальных данных, подсчитал, что в провинции Кордова было 148 коллективов, все они были созданы совместными усилиями НКТ-ВСТ и включали 8 602 семьи. В Гранаде было 33 смешанных коллектива с 20 тысячами семей; в Хаэне – 760 смешанных коллективов с 33 тысячами семей⁴⁰.

Однако есть причины считать, что по крайней мере некоторые из коллективов в андалусских провинциях были предприятиями исключительно НКТ. К примеру, отчёт в «Информационном бюллетене» НКТ-ФАИ конца 1937 г., говоря о шести сельских коллективах в комарке Грандия в Хаэне, называет их «нашими». С начала войны, говорилось в сообщении, эти коллективы особенно активно снабжали продовольствием фронт, находившийся недалеко⁴¹.

Характеристика андалусских коллективов

Как и в других частях лоялистской Испании, наблюдалось большое разнообразие в способах организации сельских коллективов Андалусии. Франц Боркенау даёт классическое описание коллектива Кастро-дель-Рио, недалеко от Пособланко, который он посетил в начале сентября 1936 г. (и который впоследствии был оккупирован войсками Франко)⁴²:

“ «У местных анархистов было время, чтобы создать свой анархистский Эдем, который в большинстве пунктов очень напоминает тот, что был создан анабаптистами в Мюнстере в 1534 г. Выраженной особенностью анархистского режима в Кастро является отмена денег. Обмен упразднён; производство изменилось очень незначительно... Местный аюнтамьенто был не слит с комитетом, как повсюду в Андалусии, а распущен, комитет занял его место и создал нечто вроде советской системы. Комитет конфисковал поместья и управляет ими. Они даже не были объединены и обрабатываются отдельно, каждое руками тех, кто трудился на его землях прежде. Денежная заработная плата, конечно, была отменена. Но было бы неправильно сказать, что её заменили натуральной платой. Здесь

вообще нет никакой платы; жители берут пропитание прямо из сельских магазинов»⁴³.

Либертарно-коммунистическая организация коллектива Кастро-дель-Рио не произвела благоприятного впечатления на Боркенау:

“ «При этой системе обеспечение посёлка самое бедное; даже, рискну предположить, ещё более бедное, чем было раньше, в тех несчастных условиях, при которых привыкли жить андалусские подёнщики-брасерос... Я напрасно искал выпить кофе, вина или лимонада. Местный кабачок был закрыт как гнусное коммерческое заведение. Я осмотрел магазины. Их запасы были настолько скудными, словно возвещали о надвигающемся голоде. Но жители, казалось, гордились таким положением вещей. Они были рады, как они сами говорили нам, что закончилось распивание кофе; они, казалось, расценивали эту отмену бесполезных вещей как улучшение нравственности... Их ненависть к высшему классу в гораздо меньшей степени объяснялась экономическими причинами, чем моральными. Они не хотели жить сытой жизнью тех, кто был ими экспроприирован, они избавились от этой роскоши, которая казалась им столь порочной. Их представление о новом порядке, который должен быть построен, было всецело аскетичным»⁴⁴.

Очевидно, были и другие коллективы, которые первоначально приняли либертарный коммунизм, но впоследствии модифицировали его. Так, опубликованный в то время отчёт анархистов о коллективе Иснальоса в Гранаде отмечал:

“ «Народный комитет самым естественным образом в мире изложил в последовательных декларациях всё социальное и экономическое содержание его развития, начавшегося в те дни с прекращения зарабатывания денег и передачи лучших торговых заведений в общественное пользование. На протяжении примерно двух месяцев – в высшей точке Революции – Иснальос жил в Либертарном Коммунизме. Экономика не испытала отрицательных последствий, и никто не выражал никакого протеста... В дальнейшем он, как и все деревни, пережил различные трансформации, которые заставили его принять дух умеренности, исходивший от власти, в своей экономической жизни...»⁴⁵

Лусиано Суэро Санчес, который занимал должность секретаря в коллективе Торрепехохиля провинции Хаэн с июня 1938 г. до конца войны, дал общую характеристику анархических коллективов в этой провинции:

«Имелись коллективы НКТ в Баэсе, Убеде, Торрепехохице, Касории и Пеаль-де-Бесерро, а также провинциальная крестьянская федерация в Хаэне... Коллективы во всех этих сёлах основывались на принципе обмена и, во многих случаях, на обращении денег при оплате дневной работы товарищей, которые составляли коллектив»⁴⁶.

Суэро Санчес ранее был секретарём коллектива Дамьеля в Кастилии и, очевидно, был вызван Региональной федерацией крестьян Андалусии, чтобы помочь реорганизовать коллектив в Торрепехохице:

“ «С моим прибытием... товарищи немного изменили форму администрации коллектива, составили официальные документы о конфискации земли, ввели бухгалтерскую и складскую документацию и составили опись на всё, чем обладал коллектив, и, избрав на общем собрании административный комитет, отныне стали составлять ведомости и платить товарищам согласно спискам рабочих и информации от делегатов, избранных группами...

[Все члены коллектива], в равной мере, через Комитет снабжения обеспечивали продуктами войска на фронте, который находился у Андухара, города, до момента окончания войны страдавшего от многочисленных и весьма тяжёлых бомбардировок вражеской авиации и артиллерии»⁴⁷.

Согласно источникам, большинство анархических коллективов в Хаэне продолжали использовать деньги, но доход от реализации урожая распределялся в соответствии с размерами семей членов коллективов, а не пропорционально проделанной работе. Однако в коллективе, созданном в крупнейшем из поместий провинции и занимавшем около 30 тысяч гектаров, использование денег было полностью отменено. Один человек как-то приехал в этот коллектив, чтобы кое-что купить, и предлагал деньги за то, что ему было нужно. Крестьяне отказались, говоря, что они хотят обменять свои продукты на те, что имеются у него. Человек продолжал настаивать на том, чтобы заплатить наличными, но крестьяне показали ему сумку и сказали, что если его интересуют деньги, то у них есть полная сумка, которая им без надобности, а в обмен на имеющиеся у них продукты они хотят получить товары⁴⁸.

Антонио Росадо спустя много лет после войны говорил Рональду Фрейзеру:

“ «Мы не присваивали ничьей земли, создавая коллективы исключительно в поместьях, которые были брошены, и на той земле, которую мелкие

собственники желали передать сами. В противном случае последних оставляли, позволяя им работать на собственной земле как прежде и продавать свою продукцию свободно». Он добавлял, что к концу Гражданской войны в лоялистской части Андалусии было 350 коллективов с 60 тысячами членов⁴⁹.

Региональная федерация крестьян Андалусии

Как и в других частях республиканской Испании, крестьянские союзы и сельские коллективы Андалусии создали общерегиональную организацию – Региональную федерацию крестьян Андалусии (Federación Regional de Campesinos de Andalucía). Первый шаг в этом направлении был сделан на заседании Регионального комитета НКТ в Малаге в конце сентября 1936 г., на котором был создан Субкомитет развития, координации и защиты сельскохозяйственной экономики. Главой субкомитета был назначен Антонио Росадо, крестьянский лидер из провинции Севилья, который, когда его дом был захвачен войсками Кейпо де Льяно, смог добраться до Мадрида и оттуда прибыл в Малагу.

Основная задача Росадо заключалась в стимулировании организации сельских коллективов НКТ и обеспечении, насколько это было возможно, их рациональной организации. С этой целью он первым делом разработал стандартную систему бухгалтерского учёта, которая предоставляла всю необходимую информацию об экономическом и финансовом положении каждого коллектива и в то же время была достаточно простой, чтобы её могли применять крестьяне, имевшие хотя бы начальную грамотность.

После этого Росадо отправился в поездку по районам Андалусии, которые всё ещё контролировались Республикой. Он взял с собой копии составленной им формы и оставлял их в тех сельских союзах и коллективах, которые он посещал. Эта поездка впервые дала региональной НКТ более или менее полное представление о состоянии той части сельской экономики, которая контролировалась её членами⁵⁰.

Хотя Росадо заболел и выбыл из строя на несколько месяцев, работа по созданию региональной крестьянской федерации, за которую он стоял с самого начала, продолжалась. Организация была, наконец, создана на конгрессе в июле 1937 г., где присутствовали представители 41 коллектива, из которого 23 полностью относились к НКТ, а 18 были объединёнными организациями НКТ-ВСТ⁵¹. На этом конгрессе в Гуадиксе присутствовали два представителя Национального комитета НКТ и «делегация от Национального комитета НКФ» (Национальной крестьянской федерации).

На учредительном конгрессе был принят устав Региональной федерации крестьян Андалусии (РФКА). Один анархический источник отмечал:

«Федерация образована с той же структурой, что и Региональная организация Конфедерации, то есть от синдиката к комаркальной федерации, от неё к провинциальному комитету и от последнего к Региональному комитету Федерации, и в дополнение, как нижестоящие, будут созданы необходимые технические органы, регулирующие сельскохозяйственную экономику в комарке, провинции и регионе, а также в тех зонах, где, в силу важности их продукции, необходимо создать транспортные артерии и т.п.».

Было решено, что каждая провинциальная федерация будет избирать двух делегатов в Региональный комитет. Генеральным секретарём Регионального комитета был избран Антонио Росадо. Региональный комитет РФКА также был уполномочен избирать, проконсультировавшись с Региональным комитетом НКТ, двух делегатов в руководящий орган Национальной крестьянской федерации.

Конгресс РФКА принял резолюцию, провозглашавшую «её нерушимую веру в победу в войне и также победу революции, ради которой она обещает мобилизовать все свои силы». Также было высказано намерение «углубить отношения с крестьянскими организациями ВСТ».

Гуадиксский конгресс решил «способствовать всеми средствами развитию коллективов и синдикатов, давая этим организациям социальное содержание, которое послужит гарантией триумфа революции»⁵².

Федерация, созданная на конгрессе в Гуадиксе, вобрала в себя организации значительной части южной Испании. Союзы и коллективы, входившие в неё, практически полностью покрывали провинции Хаэн и Альмерия и частично – Малагу, Гранаду и Кордову. Некоторые коллективы и союзы находились в той малой части региона Эстремадура, которая оставалась в руках лоялистов.

Сердцем федерации был её генсек Антонио Росадо. При нём были два секретаря-заместителя, а также молодой каталонский сэнэтист, отвечавший за бухгалтерию федерации. Значительную часть своего времени они проводили в поездках по организациям РФКА, следя за их развитием и помогая в решении частных проблем. Остальное время уходило главным образом на написание отчётов и обсуждение различных вопросов с региональными комитетами федерации и НКТ.

С Региональной федерацией крестьян был связан Региональный комитет экономики НКТ. Различие между этими двумя организациями было не вполне чётким, но Комитет экономики в основном отвечал за обмен продуктами между коллективами региона и организациями в других частях республиканской Испании.

Федерация имела множество функций. Прежде всего, она пыталась добиться некоторого единообразия в организации работы коллективов. Так, она требовала, чтобы коллективы составляли описи имущества и вводили у себя простую, но более или менее унифицированную систему бухучёта для записи текущих операций. Приветствовалась

официальная регистрация коллективов. Федерация также добивалась, чтобы коллективы обращали внимание на качество своей продукции, особенно оливкового масла.

РФКА играла важную роль в товарообмене между входившими в неё коллективами и организациями НКТ в других местах, в частности в Леванте. Антонио Росадо часто лично договаривался о проведении такого обмена в более или менее крупном размере.

Федерация также занималась вопросами, связанными с получением финансовой помощи от Национальной службы кредита Министерства сельского хозяйства. В одном случае, например, федерация договорилась о займе в 3 миллиона песет для коллективов региона⁵³.

Федерация оказывала помощь своим организациям в случае конфликтов с официальными властями. Вероятно, наиболее серьёзным среди них была попытка гражданского губернатора Альмерии взять в свои руки продажу всего винограда провинции. Антонио Росадо вмешался в ситуацию и договорился с военными властями, что они будут покупать виноград у НКТ. После этого губернатор Альмерии отступил, позволив РФКА заниматься реализацией урожая⁵⁴.

Наконец, федерация добывала для коллективов материалы, в которых они нуждались. Сюда входили оборудование для отжима оливкового масла, пестициды, удобрения и многое другое. Во многих случаях РФКА удавалось договориться о получении этих материалов в обмен на продукцию коллективов региона⁵⁵.

Антонио Росадо лично стал свидетелем тех трудностей, с которыми сталкивались коллективы Андалусии во время Гражданской войны. Одной из них был призыв в армию тех сравнительно немногочисленных руководителей, которые могли решать сложные бухгалтерские и административные задачи коллективов. РФКА иногда вмешивалась, чтобы добиться освобождения от призыва для важнейших специалистов коллективов. Другие проблемы, препятствовавшие их эффективной работе, включали в себя нехватку транспорта и плохое состояние складов для хранения продукции.

Однако некоторые из трудностей были связаны с самими коллективами. Росадо писал:

“ «Были коллективы, которые, заботясь только о нуждах своих участников, забывали о бойцах, и они вводили у себя систему, по которой продукты обрабатываемой ими земли делились между ними. У каждого в деревне, от старосты до кладбищенского смотрителя, была своя жирная свинья, в запасе имелись масло, зерно, живность и прочее, что они считали необходимым до нового урожая, и семенной материал, а остальное предназначалось для продажи или обмена на другие продукты, которые они не производили. Верно, что таких примеров было немного, но верно и то, что они всё-таки существовали... хотя этого не случалось в большинстве коллективов, которые вдохновлялись и контролировались людьми из анархо-синдикалистского движения»⁵⁶.

Сельскохозяйственные коллективы в Эстремадуре

В Эстремадуре было очень мало сельскохозяйственных коллективов, по той простой причине, что большая часть этого региона оказалась в руках Франко в первые недели Гражданской войны. Однако на тех небольших территориях региона, которые более или менее длительный период оставались под контролем республиканцев, очевидно, были организованы некоторые коллективы.

Безусловно, в месяцы между победой Народного фронта и началом Гражданской войны в Эстремадурском регионе наблюдалось значительное недовольство среди крестьянства. Хью Томас отмечает: «В Эстремадуре сельские жители начали приходить в большие заброшенные поместья и размечать их согласно своим притязаниям, принимая во владение тот или иной участок, а по возвращении они собирались на сельской площади, крича: “Да здравствует Республика!” В селе Юсте, где император Карл V провёл свои последние дни в монастыре, произошло жестокое столкновение между Гражданской гвардией и крестьянами...»⁵⁷

Томас также отмечает, что в эти же месяцы значительное количество земли в Эстремадуре было перераспределено легальным путём: «Правительство занялось осуществлением положений пакта Народного фронта. Институт аграрной реформы снова взялся за работу. Под его покровительством к концу марта от 50 до 75 тысяч крестьян (главным образом в Эстремадуре) были наделены собственной землёй»⁵⁸.

Однако эстремадурская провинция Кáсерес оказалась захвачена силами мятежников почти в первый же день войны. Провинция Бадахос, напротив, осталась лояльной, но к концу августа большая её часть была потеряна.

В той небольшой части Эстремадуры, которая осталась в руках республиканцев, были инициативы по созданию сельских коллективов. Вальтер Бернеккер, на основе неполных официальных данных, подсчитал, что в провинции Бадахос было 23 коллектива, из которых 17 были созданы ВСТ, а остальные шесть являлись смешанными организациями ВСТ-НКТ. В целом, утверждает он, членами этих коллективов были 2 650 семей⁵⁹.

Как мы уже отмечали, коллективы НКТ из Эстремадуры входили в Региональную федерацию крестьян Андалусии.

Заключение

В центральных и южных областях республиканской Испании сельские коллективы были широко распространены в годы Гражданской войны. Хотя в Кастилии и главной провинции Андалусии, остававшейся под республиканским контролем, а также в незначительной части Бадахоса в Эстремадуре, которая осталась за лоялистами, анархисты перед войной не

пользовались в сельской местности таким же влиянием, как в средиземноморских регионах страны, сельские союзы и коллективы НКТ приобрели здесь заметное число последователей во время конфликта.

С помощью «миссионеров» НКТ, особенно из Леванта, идея создания сельских коллективов быстро распространялась в Кастилии и несколько медленнее – в андалусской провинции Хаэн. Через полтора года после начала конфликта здесь насчитывались сотни тысяч крестьян, живущих в коллективах, хотя, по-видимому, лишь меньшинство из них находилось в организациях НКТ и совместных НКТ-ВСТ.

По своему характеру анархические коллективы в центральной и южной Испании не слишком заметно отличись от тех, что располагались вдоль средиземноморского побережья. Они варьировались от тех, что установили либертарный коммунизм, до тех, что продолжали в полном объеме использовать республиканские деньги, оплачивая труд коллективистов и продавая товары в общественных магазинах. Вероятно, большинство из них применяли систему, при которой плата членов зависела от размера из семьи, а не от работы, которую они выполняли в коллективе. Практически все они стремились обеспечить образование детям своих членов (и в некоторых случаях самим взрослым членам), а также здравоохранение и другие блага современного общества.

Разумеется, в Кастилии, Андалусии и Эстремадуре имелись и хорошие, и плохие, и средние коллективы. Однако среди них наверняка было меньше коллективов, навязанных силой, чем в восточной части страны, и конечно, многие были успешными с экономической и социальной точки зрения.